

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА**

На правах рукописи

УДК: 327 (575.2)(40)

Касымалиева Айжан Кубанычбековна

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ**

23.00.04 – политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор

Иванов Спартак Геннадьевич

Бишкек – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ.....	12
1.1. Обзор литературы по теме, гипотеза, объект, предмет, методология и методы исследования.....	12
1.2. Концептуализация понятий в анализе геополитического противостояния глобальных акторов.....	18
1.3. Правомерности применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» в международном публичном праве.....	26
ГЛАВА 2. ДЕГРАДАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И США В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.....	36
2.1. Геополитическое сближение России и США в период 1991-2008 год.....	36
2.2. Геополитическое соперничество России и США в период 2008-2022 год.....	50
2.3. Геополитическое противостояние России и США в период 2022-2024 год.....	62
ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТИВОСТОЯНИЕМ РОССИИ И США.....	76
3.1. Теоретические основы исследования многовекторности внешней политики малых и средних государств.....	77
3.2. Компаративный анализ позиций Кыргызстана, США и России по добросовестному соблюдению принципов международного публичного права.....	87
3.3. Трансформация стратегии «многовекторности» внешней политики Кыргызстана в новейшее время.....	99
3.4. Цивилизационное единство Кыргызстана и России по основным проблемам современных международных отношений.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	128
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ....	139

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Кыргызстан – государство, реализующее неконфронтационную, но суверенную внутреннюю и внешнюю политику; приверженное традиционным ценностям; отказавшееся от слепого следования неолиберальным рекомендациям экономического развития; не приемлющее социал-дарвинизм и расширенную ЛГБТ-повестку. Кыргызский народ чтит память предков и никогда не реабилитирует нацизм, ценит и умеет благодарить за братскую помощь, имеет собственное ценностное видение мира и своего места в нем. Это общество, бурно дискутирующее по вопросам внутренней повестки, но поддерживающее власть, опирающуюся на широкое политическое участие в реализации внешнеполитической стратегии Кыргызской Республики (КР, республика).

Как и любое государство мира, не претендующее на роль глобального или регионального лидера, Кыргызстан проводит свою внешнюю политику исходя из динамично меняющейся внешней политической и экономической среды, стремясь, при этом, удовлетворить собственные национальные интересы в наибольшей степени.

С начала третьего десятилетия XXI века соперничество и конкуренция глобальных геополитических акторов перешли в фазу противостояния, которое может перерасти в открытый вооруженный, возможно ядерный, конфликт. Мир четко фрагментировался. С одной стороны – Россия, сопрягающая свои интересы и позиции с Китаем, поддерживаемая тремя четвертями стран мира, не приемлющими американоцентричный гегемонизм. С другой – это порядка пятидесяти стран, представляющие собой условный коллективный Запад, возглавляемый США и странами G7.

Текущее состояние международного взаимодействия представляет собой множество политических, дипломатических, экономических, вооруженных, гибридных, информационных, культурологических и прочих конфликтов. Практически разрушена система международных отношений, сложившаяся после

развала СССР, разваливается система международного права, фактор силы становится доминирующим в процессах геополитического взаимодействия. Продолжается Специальная военная операция России на Украине вооруженные конфликты на Ближнем Востоке, налицо попытки изоляции Северной Кореи и Ирана, нарастает эскалация напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, готовятся к войне с Россией в Германии, Польше, Румынии, Молдове, Литве, Латвии, Эстонии и прочих странах Европы. В каждой из этих горячих точек глобальные акторы имеют диаметрально-противоположные позиции, перестав находить точки соприкосновения и хоть какие-то платформы для поиска компромиссов. Единственным сдерживающим фактором пока остается угроза нанесения непоправимого ущерба в случае ядерной катастрофы.

В этих условиях Кыргызская Республика занимает четкую и однозначную позицию, солидарную с позицией Российской Федерации, опирающуюся на единство традиционных исторических, экономических, культурно-цивилизационных и прочих факторов. Однако, меняющаяся геополитическая реальность демонстрирует все возрастающую неопределенность перспектив формирования новой конфигурации системы международных отношений в общем и развития межгосударственных отношений постсоветских стран, в частности. В связи с этим, определение новых объективных политических факторов, лежащих в основе суверенной внешнеполитической позиции Кыргызстана в условиях геополитического противостояния глобальных акторов, обуславливает актуальность темы настоящей диссертации, как для теории международных отношений, так и для внешнеполитической практики страны.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями и исследованиями. Диссертационная работа является инициативной. При этом, исследование осуществлено в рамках научно-исследовательской работы, проводимой кафедрой международных отношений ФМО КРСУ по реализации ситуативных анализов внешней политики Кыргызской Республики в быстро меняющейся международной среде.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении объективных политических оснований солидарности внешнеполитических позиций Кыргызской Республики и Российской Федерации в процессах ее геополитического противостояния с Соединенными Штатами Америки.

Вышеназванная цель достигается посредством решения ряда взаимосвязанных исследовательских **задач**, основные из которых состоят в следующем:

1. Определить степень разработанности темы.
2. Сформулировать концептуальные понятия, используемые в исследованиях современного «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов.
3. Определить правомерность применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» суверенными государствами.
4. Выявить содержание и характер первого этапа геополитического взаимодействия России и США в период 1991-2008 гг.
5. Охарактеризовать содержание второго этапа взаимодействия России и США в период 2008-2022 гг.
6. Определить характер и основную причину текущего конфликтного взаимодействия России и США в период 2022-2024 гг.
7. Дать авторское определение и систематизировать теоретические подходы, лежащие в основе исследований внешнеполитической многовекторности государств.
8. Определить солидарность и расхождение позиции Кыргызстана с позициями США и России по добросовестному соблюдению принципов международного публичного права.
9. Периодизировать процессы трансформации стратегии «многовекторности» внешней политики Кыргызстана, обусловленные изменениями характера российско-американских отношений.
10. Выявить объективные политические основания, составляющие базис солидарности позиций Кыргызстана и России в процессах геополитического противостояния глобальных акторов.

Научная новизна полученных результатов.

1. Выявлена недостаточность разработанности темы.
2. Даны авторские определения понятий санкции, односторонние ограничительные меры, контрмеры и экстерриториальность.
3. Впервые систематизированы экспертные мнения ведущих правоведов мира по вопросу правомерности применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» суверенными государствами.
4. Предложена авторская этапизация геополитического взаимодействия России и США в новейший период истории. Предложено рассматривать первый этап с 1991 по 2008 годы как этап геополитического сближения и разделить его на два подэтапа: с 1991 по 1999 годы (безоговорочное принятие) и с 1999 по 2008 годы (переосмысление).
5. Второй этап взаимодействия России и США в период с 2008 по 2022 год впервые предложено рассматривать в качестве периода геополитического соперничества глобальных акторов.
6. Впервые исследовано конфликтное российско-американское взаимодействие в рамках гипотезы о неизбежности столкновения цивилизаций. Также впервые в качестве основной причины текущего противостояния России и США предложено рассматривать различие их представлений о будущей форме системы международных отношений.
7. Дано авторское определение понятия «многовекторность» в представлениях Кыргызской Республики. Впервые доказана необходимость разработки теоретических подходов исследования многовекторности на основе теории неоевразийства.
8. Впервые осуществлен компаративный научный анализ позиций Кыргызстана, США и России по добросовестному соблюдению принципов международного публичного права.
9. Осуществлена авторская периодизация трансформации многовекторности Кыргызстана в новейшее время, обусловленной изменениями в отношениях глобальных акторов.

10. Впервые, в качестве основы солидарности позиций Кыргызстана и России, предложено рассматривать общность позиций по основополагающим проблемам текущей повестки международных отношений.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности ее использования при разработке новых теоретических подходов к исследованию многовекторности на основе теории неоевразийства, а также нового теоретического осмысления евразийского базиса формирующегося постсоветского геополитического пространства, развития многосторонней экономической и политической интеграции, единения культур и народов, развития общей идентичности и стратегий развития, процессов укрепления региональной стабильности и т.д.

С практической точки зрения результаты исследования могут быть полезны государственным структурам России и Кыргызстана при определении совместной стратегии, тактики, методов и механизмов противодействия недружественным, противоправным действиям США и их союзников. Основное содержание диссертации применимо в деятельности специалистов, докторантов, аспирантов и студентов, осуществляющих исследовательскую, учебную и преподавательскую деятельность в области международных отношений, политологии, истории, и т. д. Теоретические обобщения и выводы диссертации применимы в научном и учебном процессах высших учебных заведений при разработке специальных и факультативных курсов.

Экономическая значимость полученных результатов определяется возможностью использования результатов исследования при определении стратегических направлений внешнеэкономической политики Кыргызской Республики и при выявлении фактических экономических целей и задач западных стран, реализующих или предлагающих к реализации в республике собственных проектов и программ (зеленый переход, открытые данные и т.д.).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Внешняя политика государств, вынужденных действовать в слабо прогнозируемых условиях беспрецедентного противостояния глобальных геополитических акторов, ранее не подвергалась научному осмыслению.

2. Определение и общее признание концептуальных понятий необходимо для предотвращения умышленных попыток США и их союзников определять собственные нелегитимные «односторонние ограничительные меры» понятием «международные санкции», а регламентированные в международном праве российские «контрмеры» называть неправомерными действиями.

3. Применение экстерриториальных «односторонних ограничительных мер» неправомерно вследствие нарушений: императивных положений международного права, регламентирующих его основополагающие принципы; принципа «недискриминации» в торгово-экономических отношениях между субъектами международного права; «прав человека» в странах, подвергшихся «рестрикциям». Применение «контрмер», как ответа на неправомерные деяния другого государства, правомерно вследствие их регламентации положениями международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

4. Взаимодействие России и США на своем первом этапе в период с 1991 по 2008 год представляло собой геополитическое сближение глобальных акторов. Этот период делится на два подэтапа: первый – с 1991 по 1999 год характеризуется безоговорочным и молчаливым принятием Россией американских теорий и участием в американских проектах; второй – с 1999 по 2008 год Россия «переосмысливала» свои отношения с США и начала предпринимать практические шаги, противодействующие попыткам Вашингтона стать «единственной сверхдержавой».

5. Взаимодействие России и США на своем втором этапе в период с 2008 по 2022 год представляло собой геополитическое соперничество глобальных акторов. Антироссийская стратегия США в рассматриваемый период последовательно ужесточалась от попыток «сдерживания» к попыткам «принуждения»

посредством скоординированной демонизации России в мировых СМИ; применения односторонних антироссийских ограничительных мер; вмешательства во внутривнутриполитические процессы в России; геополитической борьбы за влияние в Африке, Латинской Америке, Ближнем Востоке и Южной Азии, Арктике, Азиатско-Тихоокеанском регионе и остальных регионах мира; попытки публичного унижения России через недопуск ее спортсменов на международные соревнования; острой дипломатической борьбы на площадках всех международных организаций, институтов, форумов и т.д.

Эволюция внешнеполитических подходов России в отношениях с США в этот период прошла путь от намерения «добиваться» у США вывода отношений на уровень «стратегического партнерства, а в перспективе – союзничества» до возможного «стратегического паритета и мирного сосуществования» лишь в случае отказа США от «политики силового доминирования и пересмотра антироссийского курса».

6. Текущее противостояние России и США имеет цивилизационный характер и выражено, прежде всего, в дуализме диаметрально противоположных парадигм нового мирового порядка. У России – это парадигма многополярной синергии цивилизаций, у США – сохранение гегемонизма, но не в виде американского «лидерства» над всем миром, а в виде доминирования над странами-членами G7, которые США пытаются превратить в мировой «руководящий комитет».

7. Внешнеполитическая стратегия Кыргызстана на современном этапе не соответствует ни неолиберальному, ни неореалистическому подходам, доминирующих в исследованиях многовекторности внешних политик государств. Многовекторность, как один из основных принципов внешней политики для республики является «декларацией о готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми глобальными геополитическими акторами на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов».

8. По вопросу соблюдения принципов международного права позиция Кыргызстана полностью солидарна с позицией России по их безусловному соблюдению и прямо противоположна позиции США по их избирательному использованию.

9. Трансформация многовекторности Кыргызстана обусловлена изменениями в отношениях России и США, личностными представлениями политических лидеров республики, внешне- и внутривнутриполитическими факторами, а также уровнем отношений глобальных лидеров между собой.

10. Солидарность позиций Кыргызстана и России в процессах противостояния глобальных акторов определена объективной общностью политических позиций по вопросам героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации; эскалации ситуации на Ближнем Востоке и форме будущего мироустройства.

Личный вклад соискателя. Все результаты исследования получены автором самостоятельно.

Апробация результатов исследования осуществлена автором в научных публикациях, докладах и выступлениях на международных, региональных научных семинарах и конференциях (г. Бишкек, 2017-2023 гг.). Помимо этого, результаты исследования используются автором в преподавательской деятельности на кафедре международных отношений ФМО КРСУ при чтении курсов: «Кыргызская Республика в современной системе международных отношений», «Современная внешняя политика Российской Федерации», «Геополитика», «История политических учений» и др.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные положения и выводы диссертации отражены в монографии: «Позиция Кыргызской Республики в процессах геополитического противостояния России и США» (Москва, 2024. – 9,5 п. л.), а также в 6 научных статьях, общим объемом 3,1 п.л., входящих в Перечень рецензируемых научных периодических изданий НАК ПКР для опубликования основных научных результатов диссертации, индексируемых системой РИНЦ с импакт-фактором, превышающим 0,1.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование объемом 163 страницы включает в себя введение, три главы, десять параграфов, заключение, практические рекомендации и список использованных автором библиографических источников, насчитывающий 217 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ

1.1. Обзор литературы по теме, гипотеза, объект, предмет, методология и методы исследования

Представленное диссертационное исследование внешней политики Кыргызской Республики в условиях геополитического противостояния глобальных акторов представляет собой анализ ряда взаимосвязанных, логически последовательных вопросов, для решения которых, в целом, особое значение имеют научные труды Т.М. Негматовой [167], К.В. Крицкого [165], Т. Х. Мелоян [92], Р.А. Гумерова [163], С.Г. Иванова [164], А.А. Верещагина [161] и А.М. Акматалиевой [160].

Вопросы применения санкций исследуются Т.М. Негматовой, которая дает их классификацию, оценивает легитимность применения принуждения в межгосударственных отношениях, соотносит с ответственностью и формулирует критерии их эффективности в период становления многополярной системы международных отношений. Автор настаивает на том, что государства и международные организации (прежде всего Организация Объединенных Наций) в современных условиях должны стать институтами, сводящими к минимуму разрушительные последствия неизбежных перемен посредством направления их в эволюционное демократическое русло [167].

К.В. Крицкий доказывает нелегитимность односторонних ограничительных мер, которые США и государства Евросоюза предпринимают в отношении Российской Федерации с 2014 года. Он полагает, что «такие меры не вызваны какими-либо нарушениями Россией норм международного права; они нацелены на насильственную смену власти в РФ, т.е. являются вмешательством во внутренние дела суверенного государства, что само по себе нелегитимно, и нарушают права человека, прежде всего, в Крыму. К.В. Крицкий рекомендует совершенствовать законодательную работу, нацеленную на предотвращение

негативного влияния санкций и применять ограничительные меры уже в отношении самих США и их союзников. Одной из возможных правовых мер могло бы стать закрепление этого положения в российском законодательстве [165].

По мнению Т.Х. Мелоян стратегическое соперничество между США и Россией является противостоянием между мировым гегемоном и восходящей региональной державой. Автор классифицирует формы текущего стратегического соперничества глобальных акторов, подразделяя их на позиционную (positional), территориальную или пространственную (spatial), идеологическую (ideological) и интервенционную как вмешательство со стороны (interventionary) [92].

Среди региональных исследователей необходимо отметить работу Р.А. Гумерова, который раскрывая интересы глобальных акторов в регионе Центральной Азии (ЦА), констатирует: каждый из них стремится стать лидером и старается не допустить союз двух других акторов. При этом, в ЦА у США, Китая и России есть как совпадающие, так и противоположные интересы [163].

С.Г. Иванов исследует роль США в хронически-кризисном состоянии экономики Кыргызской Республики, два десятилетия выполняющей американские политические рекомендации экономического развития и реализующей соответствующие западные проекты на своей территории. Автор приходит к выводу об их умышленно-деструктивном характере [164].

А.А. Верещагин считает, что при реализации кыргызско-американского взаимодействия провозглашаемые цели глобальной и континентальной внешнеполитической стратегии США и их фактические целеполагания диаметрально противоположны. При этом, сотрудничество Кыргызстана с США угрожает национальным интересам республики. В то же время интеграция с Россией для Кыргызстана «предопределена исторически» [161].

А.М. Акматалиева исследует «стратегическую конкуренцию» трех глобальных акторов в Центральной Азии. Автор доказывает гипотезу о том, что целью взаимовыгодного сотрудничества России и Китая в ЦА является

ограничение стратегических возможностей США, которые территориально с регионом не граничат [160].

Авторское определение концептуальных понятий, используемых для исследования современного «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов, осуществлено на основании научных трудов российских и иностранных ученых: Е.А. Рыбинцева [126], А.В. Калинина [71], Н.И. Дмитриева [63], И.И. Лукашука [85], Г.И. Курдюкова [82], С.В. Гландина [57], И.В. Рачкова [125], К.Г. Геворгяна [56], Г. Хуфбауэра, Дж. Шотта [185], М. Маллоя [188], К.Г. Байса [173], С. Эмменеггера [181], К.С. Рэндалла [196] и др.

Работы А.А. Клишаса [78], К.А. Гуссаловой [61], В.А. Василенко [51], Н.А. Ушакова [147], Х. Броше [172], К. Ла Рэ-Переса [187], П. Саса [202], А. Абашидзе [169] и др. легли в основу исследования правомерности применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» в международном публичном праве.

Процесс геополитического сближения России и США в период с 1991 по 2008 год проанализирован с использованием трудов Е.М. Примакова [120], Н. Омарова [108], С.Г. Иванова [67], В.И. Есина [64], В.А. Гусейнова [60], О. Маслова [89], М.Б. Олкотта [107], М. Ламиулина [84], Дж. Льюиса [86], С. Блэнка [171], Дж. Дэвиса, М. Свиньи [178], С.Ф. Стара [200], Р. Кэнфилда [174], Т. Пашевского [193] и др..

Исследование геополитического соперничества России и США в период с 2008 по 2022 год проведено на основании работ С. Караганова [72], П. Аксенова, Е. Фохта, С. Горяшко [38], М.С. Барабанова, А.В. Лаврова, В.А., Целуйко [44], Н.]Портяковой [117], Ма Бо [87], М. Метцель [93], И. Сысоева [136], выступлений В.В. Путина [122], Д.А. Медведева [36].

Труды О.Г. Карповича, Р.Н. Шангараева [73], Франка Дж. Хоффмана [182] и др. использованы для исследования геополитического противостояния России и США в период с 2022 года по настоящее время.

Изменение характера взаимодействия глобальных акторов в Центральной Азии и, в частности, в Кыргызской Республике, обосновано на научных работах

Р.А. Гумерова [163], С.Г. Иванова [164], А.А. Верещагина [161], Е.Г. Гарбузаровой [162], А.М. Акматалиевой [160] и т.д.

По трудам Е. Прейгмана, А. Савиных, В. Абаджяна, Т. Кузио рассмотрена критическая оценка использования понятия «многовекторность». Определение этого понятия; систематизация причин и целей, побуждающих постсоветские страны ее провозглашать; классификация видов и стратегий многовекторности; обобщение дипломатических тактик малых и средних государств в ходе реализации многовекторной внешней политики осуществлены с применением экспертного анализа работ В. Шадурского, А.Г. Лукашенко, В. Стаховского, Ю. Ярмолинского, В.В. Межевича, В.В. Шимова, М. Хэнкса, Ч. Куика, Е. Гнединой и др.

Периодизация процессов трансформации стратегии многовекторности внешней политики Кыргызстана основана на исследованиях Н. Омарова [168], Дж. Дэвиса [178], Р. Кэнфилда [174], М.Б. Олкота [107], Л. Лаумулина [84], А. Улуныяна [145], М. Старчака [131] и др.

При доказательстве объективности факторов, обуславливающих цивилизационное единство Кыргызстана и России, использованы работы С. Фишер [198], Р. Таирова [138], Е. В. Махмутовой [90], А. Музыкачука [99], Э. Нурматова [106] и др.

Эмпирическая база исследования состоит из международно-правовых актов и официальных документов. Группа международно-правовых актов включает: уставы международных организаций, резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности ООН, декларации, программы действий, конвенции, договора, соглашения, совместные заявления, доклады международных структур и т.д. В число официальных документов входят: декларации, стратегии, конституции, законы, концепции внешних политик и т.д.

И Россия, и США сформулировали и озвучили собственные парадигмы нового мирового порядка осенью 2023 года. На момент завершения работы над диссертацией (декабрь 2023 г.) в научных изданиях не было работ, посвященных анализу позиции Кыргызской Республики в геополитическом

противостоянии глобальных акторов в процессах продвижения ими своих, диаметрально противоположных моделей нового мироустройства.

Гипотеза исследования.

В условиях геополитического противостояния глобальных акторов солидарность внешнеполитических позиций Кыргызстана и России опирается на такие объективные политические факторы, как единство позиций по вопросу соблюдения принципов и норм международного публичного права; отношению к героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации; эскалации ситуации на Ближнем Востоке и форме будущего мироустройства в виде «парадигмы многополярной синергии цивилизаций». При этом, текущая многополярность внешней политики республики как «цивилизационное евразийское объединение в целях совместного формирования многополярной системы международных отношений» не предполагает отказ от сотрудничества, изоляцию, либо недружественные действия Кыргызстана в процессах взаимодействия со странами, имеющими иное представление о будущем мировом устройстве.

Объектом исследования определена современная внешняя политика Кыргызской Республики. В качестве **предмета** избраны объективные политические основания солидарности позиций Кыргызстана и России в условиях ее геополитического противостояния с США.

Теоретико-методологическую основу диссертационной работы составил комплекс общелогических, общенаучных, эмпирических и специфических методов.

Противостояние России и США (коллективного Запада) исследовано на основе цивилизационного подхода, предполагающего неизбежность столкновения цивилизаций. Мировоззренческое, ментальное идеологическое и прочее единство славянских (Россия) и туранских (Кыргызстан) народов осуществлено на основе неоевразийского подхода.

Экспертный политико-правовой анализ использован для авторского определения концептуальных понятий, используемых в исследованиях современного «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов.

Правомерность применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» суверенными государствами определена на основе политико-правового и экспертного анализов.

Историко-системный и хронологический методы позволили автору осуществить этапизацию геополитического взаимодействия России и США в новейший период.

Системный и сравнительный анализы использованы для определения характера и основной причины повышения конфликтности во взаимоотношениях России и США в период 2022-2024 гг.

Сравнительным анализом научных трудов и концептуальных подходов республики к внешней политике определено понятие «многовекторность» в представлениях Кыргызской Республики. Экспертный анализ применен как для определения понятия, так и для выявления доминирующих и отсутствующих научных подходов к исследованию многовекторности внешних политик малых и средних государств.

Компаративный анализ использован для выявления солидарности или расхождения позиций Кыргызстана с позициями США и России по добросовестному соблюдению принципов международного публичного права.

Трансформация стратегии многовекторности Кыргызстана периодизирована на основе исторического подхода, включая историко-системный, ретроспективный и хронологический методы.

Общность позиций Кыргызстана и России и их противоположность с США и их союзниками по основным проблемам текущих международных отношений определена на основе компаративного анализа.

Таким образом, на момент представления диссертации к защите тематика исследования научному осмыслению не подвергалась. Определение и

формулирование гипотезы, объекта, предмета и методологии является необходимой составной частью исследования проблематики с позиций научного анализа.

1.2 Концептуализация понятий в анализе геополитического противостояния глобальных акторов

Современное геополитическое («санкционное») противостояние США и стран Европейского Союза (ЕС) с одной стороны, а с другой стороны России, Китая, так или иначе затрагивают все страны мира в силу своего экстерриториального характера, взаимосвязи элементов и частей мировой экономической системы. При этом, США и страны ЕС, вводя национальные «односторонние ограничительные меры» («restrictive measures»), позиционируют их как «международные санкции» («sanctions»). Но, являются ли они таковыми по своей правовой природе? Соответствует ли использование отдельными странами мер политико-дипломатического, экономического и прочего принуждения, побуждения и давления принципам и нормам международного права? Являются ли «односторонние ограничительные меры» международно-правовым институтом или они представляют собой национальные внешнеполитические механизмы? Для ответа на эти вопросы считаем необходимым провести анализ терминов, используемых в исследованиях современного «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов, таких как «санкции», «односторонние ограничительные меры», «контрмеры» и «экстерриториальность».

Российские ученые придерживаются позиции, в соответствии с которой сами понятия «санкции» (рестрикции) и понятие «односторонние ограничительные меры» различны. В частности, Е.А. Рыбинцева убедительно доказывает, что это различие основывается на различии «субъектов их применяющих, источников правового регулирования, а также способов применения» [126]. А.В. Калинин доказывает наличие различий тем фактом, что санкции имеют вертикальный характер при том, что односторонние ограничительные меры имеют характер горизонтальный. То есть, легитимны лишь вертикальные

решения, выносимые на основе «общеобязательных для исполнения всеми согласованных действий международного сообщества резолюций Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН)». «Односторонние ограничительные меры» горизонтальны. То есть, представляют собой отношения равных по статусу субъектов международного права. Правовые решения одного государства или группы государств против другого обязательно к исполнению лишь настолько, насколько последнее на это согласно [71, с. 34].

Что же представляют собой санкции? Подробная систематизация мнений осуществлена в диссертационном исследовании Т.М. Негматовой, которая обобщенно включает в понятие «санкции» «любые неблагоприятные последствия международного характера» [167, 183 с.]. В.А. Василенко так же дает достаточно широкое определение международных санкций, как «системы невооруженных и вооруженных принудительных мер, которые в случае необходимости могут применяться как децентрализованно (отдельными государствами), так и централизованно (с использованием механизма международных организаций) против субъектов международных отношений» [51].

В словаре международного права под редакцией С.А. Егорова дано более узкое определение: «международные санкции – это принудительные меры, осуществляемые международными организациями, прежде всего ООН». Так же в словаре констатируется, что «общепризнанно, что характером санкций обладают коллективные меры по главе VII Устава ООН» [128].

И.И. Лукашук, Ю.Н. Жданов, А.В. Калинин и многие другие специалисты по международному праву и ученые-правоведы придерживаются однозначного мнения, что необходимо руководствоваться терминологией, определенной на 1544 заседании Комиссии по международному праву ООН, состоявшемся в 1979 г. [201, р. 57]. Это заседание было созвано по инициативе представителя СССР профессора Н.А. Ушакова. Члены комиссии тогда приняли решение о том, что «термин «санкции» зарезервирован исключительно для мер принуждения, применяемых СБ ООН» [146].

Сравнительному анализу терминов «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» посвящен ряд работ К.В. Крицкого. Автор считает, что «термин «санкция» должен использоваться исключительно применительно к деятельности ООН, которая в данном случае представляет ее орган, ответственный за поддержание мира и стабильности, – Совет Безопасности». Это мнение основано на однозначном толковании статей Устава ООН, которые не могут вызывать дискуссий и споров ни у кого. К примеру, статья 39 Устава ООН закрепляет за Советом безопасности исключительное право определять наличие угроз миру, нарушений мира или актов агрессии. Если нет соответствующего решения СБ ООН, то никакая иная международная организация или государство не имеет права «обосновывать свои действия» тем, что они осуществлены в целях «устранения угрозы миру и безопасности». Инструменты воздействия на нарушителей СБ определены статьями 41, 42 Устава ООН [81]. Это – «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, разрыв дипломатических отношений, а также действия воздушными, морскими или сухопутными силами, необходимых для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» [16, ст. 41, 42].

Понятия санкции в Уставе ООН нет, но СБ ООН квалифицирует принимаемые им принудительные меры именно как «санкции» [16, ст. 41]. Так, в резолюции СБ ООН 2170 от 2014 г. говорится о применении «санкционных мер» в отношении группировки «Исламское государство» и лиц, с ней связанных. СБ ООН заключил, что деятельность этой организации представляет угрозу международному миру и безопасности [12].

Следует отметить, что в период с 1999 по 2017 гг. понятия «санкции», «санкционный режим», «санкционный перечень» и «санкционные меры» использованы еще в 20 Резолюциях СБ ООН, начиная с Резолюции 1267 от 2009 года о «санкционном режиме» в отношении Афганистана и заканчивая Резолюцией 2368 от 2017 года о «санкционном режиме» в отношении ИГИЛ и Аль-Каиды. К этому следует добавить, что Комитет ООН, следящий за

имплементацией принудительных мер против этих террористических организаций, называется «Комитетом по санкциям» [9].

Таким образом, понятие «санкции» имеет общепринятое международно-правовое закрепление исключительно в отношении мер принуждения, применяемых Советом Безопасности ООН на основании Устава этой организации.

Понятие «односторонние ограничительные меры» имеет множество дефиниций, как западных, так и российских правоведов. К примеру, Г. Хуфбауэр и Дж. Шотт в 1985 г. (период Холодной войны) предложили понимать под «односторонними санкциями» «меры по ограничению или разрыву торгово-финансовых отношений для принуждения правительств других стран к совершению желаемых США действий» [185, р. 71].

В 1990 г. М. Мэллой в своей работе «Экономические санкции и торговля США» проанализировав практику применения американцами «односторонних ограничительных мер», определил их как «финансово-экономические ограничения в отношении отдельной страны или ее граждан для нарушения проведения их торгово-финансовых операций во внешнеполитических целях» [188, р. 22].

Уже в 1999 г. экс-руководитель Управления по регулированию импорта Министерства торговли США С. Байс дал аналогичное определение, предполагающее понимать под «односторонними ограничительными мерами» «меры финансово-экономического характера для обеспечения интересов внешней политики, либо национальной безопасности США» [173, р. 54-55].

Н.И. Дмитриева (2015) квалифицировала «односторонние ограничительные меры» как «преднамеренную, инициированную правительством государства приостановку (или ее угрозу) сложившихся отношений, в первую очередь в финансовой и экономической сферах для изменения политики конкретного государства, включая поведение ее лидера» [63, с. 89].

По мнению К.В. Крицкого «односторонние ограничительные меры или рестрикции – это меры, принимаемые государством или группой государств в отношении другого субъекта международного права (другого государства) в

связи с нежелательным поведением последнего для изменения этого поведения. Они представляют собой механизм осуществления внешней политики отдельных государств, а не средство имплементации международно-правовой ответственности» [166, с. 11].

Таким образом, «односторонние ограничительные меры» представляют собой инструмент внешнеполитического воздействия одного субъекта международных отношений на другой для принуждения последнего к совершению политических или экономических действий в интересах первого, используемый на основе внутренних правовых актов, вопреки принципам и нормам международного права.

Очевидно, что «односторонние ограничительные меры» представляют собой противоправное вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Опираясь на принцип «взаимности», в ответ на такое вмешательство страны вынуждены принимать собственные «контрмеры».

И.И. Лукашук определяет их, как «действия государства в ответ на противоправные действия государства-нарушителя для побуждения его к выполнению обязательств, вытекающие из правоотношений ответственности». Автор отмечает, что «контрмеры» становятся таковыми лишь в том случае, если они принимаются в ответ на противоправные меры. В иных случаях, они сами становятся противоправными «мерами» [85, с. 155].

Г.И. Курдюков под понятием «контрмеры» понимает «ответные «односторонние», «горизонтальные» меры (государство в отношении к другому государству), являющиеся мерами реагирования одного государства на противоправные деяния другого. Автор пишет о том, что контрмеры «наступают, когда государство-правонарушитель не принесло извинений, не наказало виновных, не приняло мер к предотвращению повторения нарушения, не восстановило положение, которое существовало до совершения противоправного деяния. Контрмеры принципиально отличаются от международно-правовых санкций. Они представляют собой элемент децентрализованного механизма принуждения

государства-правонарушителя и рассматриваются как инструмент имплементации ответственности, не носящий карательного характера» [82, с. 131].

В отличие от «односторонних ограничительных мер» «контрмеры» обладают международной правомерностью. Это подтверждается документами ООН «Основные положения, касающиеся контрмер», которые отражены в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанном таким органом ООН, как Комиссия международного права и одноименной Резолюцией Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН от 12 декабря 2001 г. [108]. Если Резолюция ГА ООН имеет рекомендательный характер, то на Проект статей ссылается Международный суд ООН при вынесении своих решений [175].

Таким образом, «контрмеры» представляют собой правомерные действия одного государства, предпринимаемые в отношении другого в ответ на применение последним неправомерных «односторонних ограничительных мер».

Одной из основных проблем для мирового порядка, основанного на безусловном соблюдении всеми субъектами принципов и норм международного права, является «экстерриториальность» применяемых США и странами ЕС «односторонних ограничительных мер». В рассматриваемом контексте понятие «экстерриториальность» означает распространение национальных юрисдикций за пределы своей территории.

Проблема в том, что помимо США и части европейских стран, все страны мира признают ограниченность территории действия национальных правовых норм территорией своих стран, своих посольств, самолетов, кораблей и т.д. Кроме того, национальное право действует в отношении граждан этих стран, находящихся на территории третьих стран, а так же в отношении иностранных граждан, находящихся на территории этих стран, не обладающих дипломатическим иммунитетом.

Экстерриториальность американских внутренних юридических норм означает, что США требует своей юрисдикции в отношении ситуаций, территориально связанных с другими государством [181, р. 631-659]. То есть, они

распространяют свою юрисдикцию на лиц, которые не являются резидентами США, не имеют конституционно-правового статуса субъекта, чьим личным законом является право этой страны.

Экстерриториальность американских «односторонних ограничительных мер» осуществляется через инструмент вторичных санкций (штрафные или блокирующие), которые вводятся американскими регуляторами против третьих юридических и физических лиц и стран. «Вторичные санкции» – это «односторонние ограничительные меры», применяемые против физических или юридических лиц, находящихся в другой юрисдикции, за нарушение американских режимов санкций, связей или даже подозрений в связях со странами или лицами, которые уже находятся под «санкциями».

При этом, США, вводя вторичные санкции за вступление в отношения с «подсанкционными» лицами, за участие в новых проектах или за совершение сделок с компаниями «провинившихся» стран, опираются не на международное право, на свои внутренние законы. К примеру, в соответствии со статьёй 235 Закона США о санкциях предусмотрено 12 видов «карательных» мер. Это – запрет на проведение долларовых операций, ограничение на получение американских кредитов, запрет на сделки с недвижимостью в США, запрет на въезд, аннулирование уже выданных виз и т.д. [57].

Однако, «легитимность внутренней компетенции зависит от юрисдикционных принципов международного права, которые были созданы для содействия развитию сотрудничества между государствами путём избежания противоречивых утверждений о личном верховенстве на внутригосударственном уровне и разрешения таковых» [196, р. 785-841]. То есть, международное право определяет границы законности (внутренней) экстерриториальной компетенции через согласование властных интересов одного государства с другим.

И.В. Рачков, анализируя американский закон Хелмса-Бертон [177, р. 104-114], который косвенно регулирует поведение нерезидентов за пределами юрисдикции США, приходит к выводу о том, что это нарушает международное право, так как экстерриториальное действие национальных правовых актов

допускается лишь тогда, когда это согласовано с другим государством, на территории которого предполагается применение указанного иностранного законодательства [125, с. 91-113].

Примечательно, что даже в случае, если американские законы о применении «односторонних ограничительных мер» не предусматривают применение «вторичных санкций» в отношении третьих лиц, они все равно имеют экстерриториальный характер и, тем самым, наносят вред мировому порядку. В частности, об этом пишет французский профессор Ш. Босильон, который считает, что «односторонние «санкции» являются противоправными по причине своей зачастую экстерриториальной направленности» [176].

К.Г. Геворгян считает отрицательным моментом для международной системы тот факт, что «американские санкции имеют экстерриториальный характер и затрагивают интересы «третьих» государств, осуществляющих торгово-экономическое сотрудничество с таргетируемым государством» [56, с. 13].

Глобализация мировой экономики привела к тому, что американские «односторонние ограничительные меры» экстерриториальны по своим последствиям. Любое государство, подпадающее под ограничения США, попадает под ограничения большей части мировой финансово-экономической системы, так как значительная часть международных расчетов осуществляется в долларах США и через банки США. В связи с этим, применение США принудительных в большинстве случаев мер влияет на те области, к которым США формально не имеют никакого отношения [192].

Можно заключить, что «экстерриториальность односторонних ограничительных мер» представляет собой противоправные попытки США и стран ЕС распространять свои национальные юрисдикции на территории третьих субъектов международного права.

Таким образом, понятие «санкции» имеет общепринятое международно-правовое закрепление исключительно в отношении мер принуждения, применяемых Советом Безопасности ООН на основании Устава этой организации. В отличие от «санкций СБ ООН», американские и европейские

экстерриториальные «односторонние ограничительные меры» представляют собой инструмент внешнеполитического воздействия одного субъекта международных отношений на другое для принуждения последнего к совершению политических или экономических действий в интересах первого, используемый на основе внутренних правовых актов, вопреки принципам и нормам международного права. В ответ на неправомерные «односторонние ограничительные меры» любое государство вправе применить пропорциональные «контрмеры», которые, с точки зрения международного права обладают полной легитимностью. Основную угрозу для суверенных государств представляет «экстерриториальность односторонних ограничительных мер», то есть противоправные попытки США и стран ЕС распространять свои национальные юрисдикции на территории третьих субъектов международного права.

1.3. Правомерности применения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер» в международном публичном праве

Одной из основных составляющих американской «стратегии сдерживания» России является применение «санкций» (рестрикций), имеющих экстерриториальный характер. Эта «санкционная политика» в отношении России/СССР имеет более чем столетнюю историю. Впервые, экономические санкции против большевиков были введены еще в 1917 году. Затем в 1930 году США ввели антидемпинговый пакет санкций против СССР, а в марте 1933 года – «пакет мер». В ходе Советско-финской войны было наложено так называемое «моральное эмбарго»; в марте 1948 года США ограничили экспорт материалов, оборудования и вооружений в СССР (Закон об экспортном контроле 1949 г.). В 1951 году были отменены положения о сотрудничестве (Закон об оборонной взаимопомощи и контроле); в 1974 году была принята поправка Джексона-Вэника; в 1981 году был введен запрет на поставку американскими компаниями в СССР электронного и нефтегазового оборудования и введены санкции против «Аэрофлота»; в 2010 году Конгресс США принял Список Магницкого (Список

Кардина). События на Украине 2014 года стали предлогом для введения самого большого в истории, на тот момент, пакета антироссийских «санкций» [68]. Однако, еще более масштабные санкции США начали вводить после начала Специальной военной операции России на Украине, которая началась 24 февраля 2022 года.

По данным на 22 марта 2023 года под американские национальные рестрикции, а также под рестрикции, введенные под давлением США различными государствами, интеграционными объединениями и международными организациями в одностороннем порядке, попали более 7100 российских физических и юридических лиц, а также более 80% российского банковского сектора. На 1 января 2024 года против России введено 18 772 односторонние ограничительные меры [ТК Россия, 11.01.2024, 12.05].

В настоящее время – это многоуровневая система политико-дипломатических, экономических и военных «санкций», включающая персональные, секторальные и крымские «санкции» против Российской Федерации (Россия, РФ). Эта система начала действовать на основании Указов Президента США, а также принятых впоследствии Законов «О поддержке суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности в Украине», «О поддержке свободы Украины», «О противодействии противникам Америки посредством санкций» и прочих правовых актов [70]. При этом, налицо американо-европейская «политика отмены» российской культуры, факты поощрения западными правительствами фактов русофобии, сегрегация россиян в виде запрета на въезд и конфискации активов по национальной принадлежности, лишение права российских спортсменов на участие в международных соревнованиях по тому же основанию и т.д.

Для Кыргызской Республики (Кыргызстан, КР) наиболее значимым является тот факт, что антироссийские санкции либо сами являются экстерриториальными, либо имеют экстерриториальные политические, экономические и прочие последствия для стран, не участвующих в американо-российском геополитическом противостоянии. В настоящий момент таких нероссийских

физических и юридических лиц насчитывается более двухсот. В том числе, экстерриториальные санкции введены против пяти юридических лиц Кыргызстана.

В связи с этим считаем необходимым исследовать международно-правовую сущность, характер и правомерность применения «санкций» США и их союзниками. Исходя из соответствия их национальных «санкционных политик» принципам и нормам международного права можно будет сформулировать научные выводы о их международной правомерности.

Понятия «санкции» в Уставе и других документах ООН нет. Однако в статьях 39, 41, 42 Главы VII Устава регламентирован порядок применения «принудительных мер» для «поддержания международного мира и безопасности; предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира; улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [16, ст. 39, 41, 42].

Органом, определяющим наличие, степень угроз и конкретные «меры воздействия» является Совет Безопасности (СБ) ООН. Перечень невоенных мер определен в ст. 41. Это: «полное или частичное прерывание экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений» [16, ст. 41]. Ст. 42 предусматривает возможность СБ ООН предпринимать любые «необходимые» меры с использованием «воздушных, морских или сухопутных сил». Это может быть «демонстрация, блокада, а также операции воздушных, морских или сухопутных сил» Членов Организации, которые по ст. 43 «обязаны предоставлять в распоряжение СБ необходимые вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода». Кроме того, после подписания в сентябре 2008 года Совместной декларации о сотрудничестве секретариатов ООН и НАТО, ООН активно использует военно-политический потенциал Альянса [111].

Таким образом, в соответствии с международным (наднациональным) правом принудительные невоенные или военные «меры» (санкции, рестрикции)

может использовать лишь Совет Безопасности ООН. Это возможно лишь в случае возникновения «угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Поведение одного субъекта международных отношений (члена ООН), нежелательное для любого другого субъекта (члена ООН) не является правовым основанием для принятия СБ таких мер. Использование «санкций» в отношениях равных по своему статусу субъектов международным правом не предусмотрено.

Не регламентировано и даже не упоминается в международно-правовых документах и применение «односторонних ограничительных (карательных) мер» принуждения. Порядка применения таких «односторонних ограничительных мер» в международных нормативных правовых актах просто нет. Принуждение допускается международным правом либо в качестве меры в ответ на международно-противоправное деяние (санкции СБ или контрмеры государств), либо при осуществлении государствами своего права на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Все остальные случаи его применения нелегитимны и представляют собой насильственный произвол [166]. На этом основании ряд российских ученых считает их применение явным нарушением эксклюзивных полномочий Совета Безопасности ООН, действующего в данном контексте на основании главы VII Устава этой организации. Из этого делается вывод о том, что «односторонние ограничительные меры» прямо угрожают системе коллективной безопасности, опирающейся на рассмотренные принципы международного права.

Принцип разрешения международных споров мирными средствами. «Односторонние ограничительные меры» не соответствуют и принципу мирного разрешения международных споров по п. 3 ст. 2 и гл. VI Устава ООН «все страны-члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и справедливость». В Декларации о принципах международного права 1970 года и Заключительном акте СБСЕ этот принцип конкретизирован: «государства обязаны прилагать усилия к тому, чтобы в короткий срок прийти к справедливому решению, основанному на международном праве», «продолжать искать

взаимно согласованные пути мирного урегулирования спора», «воздерживаться от любых действий, которые могут ухудшить положение и тем самым усложнить мирное урегулирование спора». Х. Броше считает, что недружественные меры принуждения одного государства по отношению к другому «не являются мирными средствами и не подходят для решения споров» [172, р. 32]. По мнению К.В. Крицкого «их применение, напротив, несет в себе риск значительного ухудшения ситуации и эскалации напряженности» [165].

Принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Нарушается и принцип невмешательства во внутренние дела государства, закрепленный в Декларации о принципах международного права 1970 г.: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав» [4]. То есть, вмешательством считаются любые меры, предпринимаемые государствами или международными организациями, препятствующие субъектам международного права самостоятельно решать дела, входящие в их внутреннюю (национальную, суверенную) компетенцию. «Односторонние ограничительные меры» – это и есть такое вмешательство, что прямо нарушает п. 7 ст. 2 Устава ООН, Заключительный акт СБСЕ, Декларацию ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их суверенитета и независимости от 21 декабря 1965 года и др.

В п. 2 ст. 20 последнего документа прямо определено, что «ни одно государство не вправе применять или поощрять применение экономических, политических и любых иных мер в целях принуждения другого государства для того, чтобы добиться от него подчинения при осуществлении им своих суверенных прав или получить от него преимущества любого рода» [3].

Принцип суверенного равенства государств. Т.М. Негматова считает, что «односторонние меры принуждения не обладают легитимностью, так как нарушают принцип суверенного равенства государств, который исключает возможность применения одним государством санкций в отношении другого

государства или группы государств в одностороннем порядке» [167]. В Уставе ООН прописано, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех её стран-членов» [16, п. 1, ст. 2]. Это означает императивное требование к каждому из всех государств об уважении суверенитета других государств. То есть, признание и не препятствование их праву осуществлять законодательную, исполнительную, административную и судебную власть на своей территории, а также самостоятельно проводить свою внешнюю политику без каких-либо вмешательств извне. Все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера. Толкование понятия «суверенное равенство» дано в акте Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами согласно Устава ООН от 1970 года. В соответствии с этим документом понятие состоит из таких элементов, как «равенство государств; уважение правосубъектности других государств; обладание правами, присущими полному суверенитету; неприкосновенность политической независимости государства» и т.д. [4].

Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишас в своем докладе приходит к заключению о том, что «современная практика введения односторонних санкций противоречит основам международного правопорядка, поскольку нарушает принцип суверенитета, подрывая этим основу устойчивого развития государств, в отношении которых вводятся ограничительные меры, которые, как правило, носят исключительно политический характер» [78].

Принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Применение «односторонних ограничительных мер» является прямым нарушением принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Этот принцип существует и действует в форме международно-правового обычая «*pacta sunt servanda*». Он отражен, в том числе, в

многосторонних международных соглашениях, а так же закреплён в преамбуле Устава ООН, где подчеркивается решимость всех членов ООН «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права». В п. 2 ст. 2 Устава написано: «все страны-члены ООН добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить права всех». В случае, если одно государство применяет в отношении другого односторонние меры – оно отказывается от выполнения ранее взятых на себя обязательств. В ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров указано, что: «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им международного договора» [2]. Таким образом, применение односторонних ограничительных мер на основе национальных внутригосударственных правовых актов прямо нарушает Принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву, регламентированный в Уставе ООН и Венской конвенции о праве международных договоров.

Принцип неприменения силы и угрозы силой. Россия настаивает на том, что «односторонние ограничительные меры» неправомерны и на том основании, что они нарушают принцип неприменения силы и угрозы силой в отношениях между государствами. Эта позиция достаточно спорная. Дело в том, что в ряде международно-правовых актов (резолюций ГА ООН, материалов и т.д.) понятие «сила» предполагает лишь «военную агрессию». Однако в общем виде «сила» определяется как «способность одного субъекта международного права влиять на поведение другого в желаемом для себя направлении» [147]. Бесспорно, и то, что в современных условиях политическое, экономическое, дипломатическое и иные виды принуждения могут быть не менее разрушительны, чем применение вооруженной силы [187, р. 172]. Научные и политические дискуссии по данному вопросу продолжаются, в связи с чем считаем доказательство неправомерности применения «односторонних ограничительных мер» на основе нарушения принципа неприменения силы преждевременным.

Принцип свободы международной торговли. Легитимность экономических «односторонних ограничительных мер» сомнительна и вследствие нарушения основного принципа международного экономического взаимодействия – международно-правового принципа «недискриминации». Этот принцип подразумевает, что одному государству предоставляются на территории другого государства такие же экономические условия, льготы и преференции, которые предоставлены любому иному государству. Принцип недискриминации закреплен в правовых актах ВТО в виде обязательств национальных государств предоставлять другим членам этой организации режимы наибольшего благоприятствования. «Односторонние ограничительные меры» создают неравноправные условия для «подсанкционных» субъектов внешнеэкономической деятельности на мировых рынках, что прямо нарушает принцип «недискриминации». По этому поводу П. Сас в своей работе «Право экономических санкций», изданной на рубеже тысячелетий, писал, что «ни одно государство мира не имеет права применять принудительные экономические меры в отношении другого государства при отсутствии соответствующих решений Совета Безопасности ООН» [202, р. 41].

Отрицательное влияние на реализацию прав человека. Зачастую, применение односторонних ограничительных мер влияют на жизненный уровень населения, приводя к гуманитарным катастрофам и к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, что снижает уровень личной безопасности граждан. К примеру, кубинские «рестрикции» привели к деградации здравоохранения в этой стране [169]. Факт прямого нарушения прав целых народов вследствие введения американских «односторонних ограничительных мер» был зафиксирован и осужден мировым сообществом в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, Венской декларации и Программе действий 1993 года [1], документах, разработанных в рамках СПЧ ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и т.д. [165].

Исходя из того, что применение «односторонних ограничительных мер» представляет собой международное противоправное деяние, каждое

государство вправе принимать контрмеры. Это ответ на неправомерные деяния другого государства на основе международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Основными международно-правовыми актами этого вида права являются Доклад комиссии международного права «Проекта статей об ответственность государств за международно-противоправные деяния» [8] и принятая впоследствии соответствующая Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН [110, гл. II «Контрмеры», ст. 49-54].

По мнению К.А. Гуссаловой «пострадавшее государство имеет полное право вводить контрмеры с тем, чтобы побудить государства, которые ввели «односторонние ограничительные меры» к прекращению противоправных действий» [61].

Ведущие российские правоведы в составе Международно-правового совета при МИД России в своем докладе сформулировали выводы по анализу правомерности применения «контрмер». «Контрмеры» правомерны лишь при соблюдении нижеперечисленных условий [56]:

1. Осуществлении только потерпевшим государством.
2. Направленности исключительно против государств-нарушителей.
3. Осуществлении лишь после заявления нарушителя об отказе исполнять обязательства, вытекающие из нарушения. Это может быть выражено в виде восстановления исходной ситуации, выплаты компенсаций, официальных извинений и т.д. То есть, обязательным условием начала применения контрмер является призыв к нарушителю потерпевшей стороны о прекращении совершения противоправных действий и попытки мирного урегулирования конфликта.
4. Единственной нацеленностью контрмер на побуждение нарушителя к выполнению своих обязательств.
5. Контрмеры должны быть соразмерны нарушению. По этому поводу В.А. Василенко отмечал, что отказ от этого принципа равнозначен легализации произвола в международных отношениях. В соответствии с доктринальными документами по международному праву контрмеры правомерны лишь тогда, когда они не применяются «явно несоразмерно» [51].

6. Контрмеры не должны нарушать императивные нормы гуманитарного права, права на самоопределение, а также нормы, запрещающие угрозу силой или ее применение, геноцид, рабство, расовую дискриминацию, преступления против человечности, пытки и т.д.

7. Применение контрмер должно прекращаться в случае окончания противоправных действий и при передаче дела в международные судебные органы или иные структуры по разрешению споров.

Несоблюдение вышеперечисленных принципов влечет за собой неправомерность действий применяющего контрмеры государства.

Таким образом, применение экстерриториальных «односторонних ограничительных мер» неправомерно вследствие нарушения императивных положений международного права: принципа разрешения международных споров мирными средствами, принципа невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, принципа суверенного равенства государств и принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Применение «ограничительных мер» нарушает такой, регламентированный ВТО международный обычай, как принцип «недискриминации» в торгово-экономических отношениях между субъектами международного права, прямо нарушаются «права человека» в странах, подвергшихся «рестрикциям». В свою очередь, применение «контрмер», как ответ на неправомерные деяния другого государства, регламентировано положениями международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Однако «контрмеры» признаются таковыми лишь при условии соблюдения всех условий, отраженных в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и соответствующей Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

ГЛАВА 2. ДЕГРАДАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И США В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

2.1. Геополитическое сближение России и США

в период с 1991 по 2008 год

История международных отношений – это, в первую очередь, история соперничества, конкуренции и войн стран, претендующих на лидерство. В данном контексте не является исключением, ни XX век, ни XXI. Падение Берлинской стены, ликвидация Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора стали свидетельством геополитического поражения СССР/России в Холодной войне, а не ее обоюдодовыгодного завершения. В начале XXI века на смену евроатлантической ориентации М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина пришла взвешенная оценка фактических целеполаганий коллективного Запада.

С момента публикации М.С. Горбачевым концепции «нового политического мышления» [58], опирающейся на положения теории конвергенции и идеи проекта глобализации, его последовательного отказа от геополитических завоеваний советского периода прошло тридцать шесть лет, в течение которых уровень отношений России и США прошел несколько этапов. Изучение и объективную оценку каждого из них считаем необходимым элементом анализа перспектив текущего конфликтного противостояния двух держав.

Исследователи постсоветского периода российско-американских двусторонних отношений дают различную периодизацию этих этапов. К примеру, Т.Х. Мелоян условно делит этот период на этап «иллюзии нормальности» (с 1991 по 1998 гг.) и три основных этапа «стратегического соперничества России и США» (с конца 1998 по 2021 год) [92]. В документе «Комплексная стратегия США в отношении России», опубликованном в 2015 году [22], аналитики стратегического исследовательского института «Heritage Foundation» назвали период с 1991 по 2008 год американской «стратегией сближения», который завершился, по их мнению, после «нападения России на Грузию» в 2008 году.

Согласимся со специалистами института в том, что именно в этом году Россия впервые предприняла внешнеполитические шаги как держава «глобального геополитического» уровня без оглядки и согласования с коллективным Западом. На этом основании выделим и рассмотрим этот период в качестве начального этапа двустороннего взаимодействия новейшего времени.

После развала СССР основные усилия нового политического руководства суверенной России были нацелены на решение внутривнутриполитических и внутриэкономических задач в соответствии с американскими «рекомендациями» по демократизации и либерализации. Безальтернативность пути построения «открытой демократии» и «рыночных отношений» не подвергалась сомнению.

При этом США открыто демонстрировали свое присутствие как в Европе, так и на постсоветском пространстве. Расчеты России на то, что ее отказ от своей «буферной зоны» в Восточной Европе приведет к аналогичным шагам со стороны США, оказались беспочвенными. США в этот период в большей степени беспокоило нераспространение ядерного оружия по территориям новых независимых государств постсоветского пространства. Исходя из этих соображений, США были нацелены, во-первых, на интеграцию России в западные экономические потоки и цепочки в качестве «сырьевого» компонента; во-вторых, на либерализацию российского внутривнутриполитического пространства в виде демократизации общественных отношений по западным шаблонам. По мнению президента Б. Клинтона такое положение «улучшало отношения стран в сфере безопасности» [77].

В первой Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 1993 году, США были названы «одними из первых» в «шкале приоритетов внешней политики». Россия намеревалась добиваться у США вывода отношений на уровень «стратегического партнерства, а в перспективе – союзничества». Правда, отмечалось, что РФ «необходимо противодействовать имперским проявлениям в политике Вашингтона» и попыткам США стать «единственной сверхдержавой» [27, гл. 4, с. 3-23].

В 1994 году НАТО приняло двенадцатую программу двухстороннего военного сотрудничества (Партнерство во имя мира) со странами постсоветского пространства и Восточной Европы, которые к настоящему моменту уже стали членами Альянса. Принятие НАТО заявок и планов действий на членство, официальных приглашений о вступлении и подписание протоколов длилось на протяжении всех 90-х годов прошлого века. Этот процесс, активизировавшийся в конце 1995 года, привел к первым разногласиям между Москвой и Вашингтоном, которые со временем лишь усиливались [92].

В 1994-1996 годах в РФ протекал первый чеченский кризис. Еще до его начала заместитель директора ЦРУ в Национальном совете по разведке США Грэхэм Фуллер заявил, что «политика управления эволюцией ислама и помощи ему в борьбе с нашим противником может быть полезной для дестабилизации того, что осталось от российской власти». Тогда Запад только начал налаживать связи с националистическими и религиозными организациями Северного Кавказа, укрепляя свои позиции в этом регионе. Уже тогда чеченские боевики начали получать американскую полевую форму, ночные бинокли, полевые аптечки, сухие пайки, средства связи, оружие и многое другое, они имели подробные карты местности и спутниковые снимки высокого разрешения. Сбором денег для северокавказских экстремистов в США занимались десятки банковских групп и около 100 фирм, фондов, «частных» и «инициативных» групп. Наиболее активными из них были: Американский исламский центр, Американская мусульманская ассоциация юристов, Американский мусульманский совет, Исламская благотворительная организация «Голос Чечни» (зарегистрированная в Государственном департаменте США), Американский комитет за мир в Чечне, Чечено-Ингушское общество Америки и др. [80].

Руководство РФ прекрасно видело недружественные шаги США. При этом, стала очевидностью деструктивная сущность экономической политики «шоковой терапии», в основе которой лежали американские политические рекомендации экономического развития (Вашингтонский консенсус). К 1996 году ВВП России (рассчитанный по ППС) сократился на 38% по отношению к 1991

году, ВВП сократился на 50%. Доля приватизированных предприятий составила 86%, но вместо процветания в России наблюдался обвал промышленного производства и производства продовольственных товаров, сопровождавшийся ростом розничных цен, который значительно опережал доходы населения. Этот период характеризовался стремительным падением уровня жизни большинства населения страны; гиперинфляцией, вызвавшей бегство от денег (бартер и натуральная оплата труда); возникновением олигархии; социальным и имущественным расслоением общества и т.д. К этому следует добавить рост преступности, развал системы медицинского обслуживания и пенсионной системы, нарушение поставок продуктов питания и резкое снижение продолжительности жизни населения [119].

Президентские выборы в РФ должны были состояться в 1996 году. В это время интересы США и российской правящей политической элиты совпали. США были заинтересованы в сохранении этой элиты у власти при неизменности ее политики открытости западному транснациональному капиталу, приверженности либеральной демократии и культурной «вестернизации». В свою очередь, Б.Н. Ельцину была необходима американская политическая и финансовая поддержка, а также помощь западных имиджмейкеров и пиарщиков. И действительно, США через МВФ обеспечили РФ получение кредита в 10,2 млрд. долларов на выплату зарплат и пенсий. Американские специалисты проводили информационные компании и манипулировали российскими СМИ, обеспечив, тем самым, агрессивный, наступательный характер избирательной кампании Б.Н. Ельцина [134]. В итоге, стороны выполнили свои обязательства. США внесли существенный, если не решающий вклад в победу Б.Н. Ельцина, который до конца своего президентства (еще 3 года) сохранял американско-ориентированный курс.

12 марта 1999 года членами НАТО становятся Венгрия, Польша и Чехия. Уже через 10 дней, 24 марта 1999 года, против суверенной Союзной Республики Югославия началась военная операция НАТО «Союзная сила», осуществляемая без мандата Совета Безопасности ООН. Эта военная операция продлилась до 10

июня 1999 года и привела к переходу края Косово и Метохия под контроль сил НАТО, а также к гибели десятков тысяч людей, гуманитарной катастрофе, развалу экономики (ущерб около 100 млрд долл.), бегству людей с мест постоянного проживания (860 тыс. чел.) и т.д. Это была первая военная операция НАТО за пределами территорий своих государств-членов.

Сразу после начала военной агрессии парламент Союзной Республики Югославии проголосовал за присоединение республики к союзу России и Белоруссии. Парламент РФ на своем экстренном заседании поддержал это решение сербов. Однако Б.Н. Ельцин этот процесс заблокировал, он лишь обратился с просьбой к президенту США Б. Клинтону не делать этого шага: «... это война в Европе, а может быть, и больше» [101].

Следует отметить, что вице-президент США А. Гор позвонил министру иностранных дел РФ Е.М. Примакову и сообщил о начале военной операции «Союзная сила» в Югославии. В это время российская делегация летела над Ньюфаундлендом в США для проведения переговоров с МВФ по вопросу получения кредита в 5 млрд. долларов. Е. М. Примаков принял решение, которое впоследствии стали называть «самым громким событием в истории современной российской дипломатии», «хрестоматийной классикой российской внешней политики» и «поворотным пунктом в российско-американских отношениях». В знак несогласия с решением США, российский самолет изменил курс и вернулся в Россию – состоялся так называемый «разворот над Атлантикой» [114]. МИД РФ и российская общественность расценили американскую агрессию как прямое нарушение принципов и норм международного права и нападение на славяно-православный мир. В США же утверждалось мнение, существующее до настоящего времени, о том, что им незачем пояснять свои действия, а тем более оправдываться по «праву лидерства». Реакция России для США была несколько неожиданной, так как ее считали «не великой державой, а стороной, проигравшей в Холодной войне», и по какому-то недоразумению сохранившей ядерный потенциал [114].

Таким образом, к 1999 году завершился первый подэтап российско-американских отношений, который характеризуется безоговорочным и молчаливым принятием Россией теории конвергенции, американского проекта глобализации и идей о том, что развитые демократии никогда не воюют друг с другом. Россия впервые продемонстрировала свое несогласие с однополярной системой международных отношений, американским гегемонизмом (имперскостью) и своей ролью подчиненного наблюдателя. Стало очевидно, что России отказывают в статусе великой державы и в праве на собственные сферы влияния, не признают ее в качестве равноправного партнера и геополитического актора с собственными национальными интересами. Россия начала предпринимать практические шаги, направленные на противодействие попыткам Вашингтона стать «единственной сверхдержавой».

В марте 1999 года Сенат США одобрил законопроект «Стратегия Шелкового пути: XXI век» (Стратегия). В конце апреля 1999 года состоялся саммит НАТО в Вашингтоне и международный семинар по обсуждению законопроекта «Стратегия Шелкового Пути», выдвинутого сенатором С. Браунбеком [108]. 14 июля 2000 года Конгресс США принял «Акт по стратегии Великого Шелкового Пути», возведя возрождение этого исторического пути в ранг своей государственной стратегии, в которой не скрывалось, что Южный Кавказ и Центральная Азия, богатые нефтяными месторождениями и другими энергоресурсами, могут позволить США создать альтернативу российским ресурсам [75]. По средствам реализации этого проекта США стремились создать геополитическую и геоэкономическую систему, охватывающую границы России и отделяющую ее от Западной Европы, Ирана, резко ограничивая активность России в Черном море и на Каспии и оставляя РФ вне трансевразийских коммуникаций. Позже стало очевидным соответствие Стратегии геополитической теории, которую условно называют «петлей анаконды» (А. Мэхен). Стратегия Шелкового Пути соответствует и концепции В.А. Дергачева об Евразийской маргинальной (рубежной) зоне цивилизаций, объединяющей страны Балтики, Балканы, Черноморья, Каспия, Центральной Азии, Синьцзян и Маньчжурию, для

достижения стратегической цели США: контроля над Евразией для падения Хартленда и полного контроля над Евразией.

На рубеже веков первый Президент РФ Б.Н. Ельцин подал в отставку. Исполняющим обязанности Президента России был назначен В.В. Путин, всенародно избранный на этот пост 26 марта 2000 года. Страна находилась на грани геополитического распада, экономика в состоянии глубокого кризиса. Первые шаги нового президента были направлены на укрепление государственности, экономическое развитие, снижение зависимости от международных финансовых институтов. Началось последовательное разрушение существующей системы, предполагающей «распределение ресурсов общества в интересах как национальной, так и глобальной политико-экономической элиты» [67, с. 165]. Реформировалась армия, активизированы связи со странами СНГ, укреплялся международный авторитет России и т.д.

28 июня 2000 года была принята новая Концепция внешней политики РФ, в которой в качестве угрозы было названо стремление США к «созданию однополярной структуры мира» при своем «экономическом и силовом доминировании». Утверждалось, что это требует «переосмысления приоритетов российской внешней политики» в направлении «формирования многополярной системы международных отношений, стабильного, справедливого и демократического миропорядка», опирающегося на «общепризнанные нормы международного права». Декларировалось, что Россия готова к «преодолению трудностей» в отношениях с США и сохранению «инфраструктуры российско-американского сотрудничества» [28].

Осознавая угрозы, которые исходят от расширения НАТО, Россия делала вид, что верит заявлениям чиновников Альянса о том, что оно направлено не против нее, а против иных угроз, включая «деструктивное поведение» Ирана. В июне 2000 года В.В. Путин обсуждал с Б. Клинтонем возможность вступления России в НАТО для совместной борьбы с угрозами миру. Это предложение даже обсуждалось в кулуарах очередного саммита Альянса, но ничего, кроме недоумения у стран-членов не вызвало. Стало очевидно, против кого

расширяется эта организация и что России не удастся «договориться» с США по этому вопросу. Тогда, 15 июня 2001 года с целью «эффективного использования возможностей и противостояния новым вызовам и угрозам, повышения степени и уровня взаимного сотрудничества» лидеры России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана основали «Шанхайскую организацию сотрудничества» для совместной защиты границ стран-участниц [154].

11 сентября 2001 года произошли террористические акты в Нью-Йорке, ставшие поводом для создания США широкой Антитеррористической коалиции. 7 октября войска НАТО, при поддержке стран, вошедших в коалицию, начали военную операцию в Афганистане [151]. Уже 25 октября в Афганистане высадился сухопутный контингент США, создавший оперативную базу Кэмп-Рино (Camp Rhino). Суверенное государство было оккупировано под предлогом борьбы с организацией, созданной в начале 80-х гг. ЦРУ США, спецслужбами Саудовской Аравии и Пакистана для борьбы с советскими войсками. Декларируемая США цель оккупации Афганистана – борьба с международным терроризмом. Однако, фактические преследуемые цели США, по мнению экспертов, имеют широкий диапазон. Наиболее распространенным мнением является идея о геополитической сущности операции в Афганистане, цель которой продвижение США долгосрочных стратегических программ, в том числе имеющих антироссийскую и антикитайскую направленность [164, 204].

13 декабря 2001 года президент США Джордж Буш-младший сообщил об одностороннем выходе США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, действовавшего с 1972 года. В мае 2002 года возникла иллюзия, что США прекратили игнорировать Россию и начали признавать ее равноправным партнёром. Предпринимались шаги по снижению геополитической напряжённости между США и Россией: был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (24.05.2002) и образован Совет Россия-НАТО (28.05.2002). Однако, 12 июня 2002 года США официально вышли из Договора по противоракетной обороне [5], а 16 декабря президентом

Дж. Бушем-младшим была подписана директива №23, в которой детализировались планы США по вопросам развертывания американской ПРО к 2004 и 2005 году. План развертывания в Европе третьего позиционного района близ границ России был расценен в Москве в качестве угрозы своей безопасности. Этот план прямо нарушал договоренности в рамках Совета Россия-НАТО по ПРО в Европе, прописанные 24 мая 2002 года в Совместной декларации о новых стратегических отношениях между РФ и США. Вновь возникло «обострение российско-американских отношений в части ущерба глобальной стратегической стабильности» [64].

Новая фаза обострения чеченского кризиса началась в сентябре 1999 года. Через четыре месяца после его начала в Россию прибыл первый заместитель госсекретаря США Строруб Тэлботт, который не только предъявил консолидированный ультиматум западных стран в отношении чеченской проблемы, но и потребовал немедленно прекратить боевые действия в Чечне и приступить к переговорам с руководством боевиков. С. Тэлботт прямо угрожал РФ всеми вытекающими последствиями при неисполнении требований Запада. США и их союзники начали оказывать чеченским боевикам открытую политическую, дипломатическую, финансовую, информационную и прочую поддержку. Следовали заявления на самом высоком официальном уровне. РФ обвиняли в умышленной эскалации военных действий и массовом нарушении прав человека (заявления официальных лиц США, Германии и др. с призывом к «политическому диалогу» и «прекращению насилия»; заявление Европейского парламента по Чечне от 7 октября 1999 г. с требованием «прекратить военную интервенцию» РФ в Чечне и «уважать права человека»; приостановка выдачи кредитов МВФ и ВБ и т.д.). Чеченский конфликт обсуждался как основной вопрос на таких международных форумах, как совещание министров финансов и глав центробанков «семерки» в Токио, заседании Совета министров иностранных дел ЕС, сессии ПАСЕ в Страсбурге, Всемирном экономическом форуме в Давосе, Стамбульском саммите ОБСЕ (18-19 ноября 1999 г.) и т.д. По инициативе США резко активизировалось НАТО, которая впервые за постсоветский период

попыталась открыто вмешаться во внутренний кризис, протекающий на российской территории. На заседании Парламентской ассамблеи НАТО 11-13 ноября 1999 года США предложили принять резолюцию, в которой Россию обвиняли в нарушении норм международного права в отношении мирного населения Чечни, звучал «призыв» начать переговоры с террористами и предусматривалось «гуманитарное вмешательство» НАТО в обход ООН и ОБСЕ. Однако, это предложение США не было поддержано другими странами.

Более успешны были латентные усилия США и их западных союзников, действующих руками спецслужб Турции, Саудовской Аравии и Пакистана, которые через националистические организации снабжали чеченских боевиков деньгами, оборудованием, оружием, современными средствами связи управления радиоэлектронной войны и т.д. Они же финансировали участие в Чечне наемников из арабских и других стран [60]. При этом, контролируемые Западом глобальные СМИ называли боевиков «героями», «повстанцами», «борцами за независимость», «чеченскими диссидентами». Они имели возможность совершенно открыто получать убежище, легализоваться, лечиться, открывать свои организации и масс-медиа во всех странах коллективного Запада, предпочитая Великобританию и США.

20 марта 2003 года войска международной коалиции под руководством США и Великобритании вторглись в Ирак с целью уничтожения оружия массового поражения, которое так и не было обнаружено, и свержения вышедшего из-под контроля Саддама Хусейна. В результате военной операции Ирак был оккупирован вооружёнными силами США при содействии ряда других стран; экономика Ирака и территориальная целостность за время военного конфликта были разрушены; президент Ирака Саддам Хусейн казнён; до настоящего времени в стране продолжается гражданская война. 16 сентября 2004 года Генсек ООН Кофи Аннан наконец-то озвучил международно-правовую оценку военной операции США и их союзников в Ираке. В частности, он заявил, что вторжение в Ирак было «незаконным и противоречило уставу ООН» [89].

В книге «Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость» Е.М. Примаков [120] обвинил США в том, что они присвоили себе право в одиночку принимать решения о проведении военных операций. Руководство РФ обвиняло США в поощрении антироссийских протестных акций во время «Революции роз» в Грузии в 2003 году и «Оранжевой революции» на Украине в 2004-2005 годах, расценивая это как «вмешательство в зону российских интересов» [92].

В 2002 году США обратились к концептуализации геопространственного определения региона «Большая Центральная Азия», осуществленной американскими учеными [174, 107, 84, 165] в 90-е годы XX века. В аналитическом материале «Реструктурируя Внутреннюю Азию» С. Блэнк предпринял попытку обосновать для стран ЦА необходимость развития Стратегии Великого Шелкового пути [171]. На основе его работы заместитель Госсекретаря Э. Джоунс представила доклад, в котором обосновала стратегическое значение ЦА для США. Грузия, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан были представлены в качестве форпостов для проведения и реализации политики США на Южном Кавказе и в ЦА [108]. В феврале 2004 года был опубликован расширенный доклад Ж. Дейвис и М. Свини «ЦА в стратегии США и оперативном планировании: куда мы направляемся?» [178], в котором «рассматривались проблемы и пути закрепления США в регионе», исходя из «американских интересов и военно-оперативных приоритетов» [164]. Предлагались следующие директивы: «признать интересы России в ЦА, если они не препятствуют целям США; в «идеологической войне» более активно и гласно поддерживать идеи «по улучшению условий жизни народов ЦА»; делать шаги в отношении России, противоположные «слабой реакции Вашингтона на открытие российской базы в г. Кант (КР), на повышение роли ШОС» и т.д. [178].

Расширение НАТО продолжилось в 2004 году за счет принятия семи стран: Литвы, Латвии, Эстонии, Болгарии, Румынии, Словакии и Словении.

Наряду с этим, в опубликованной аналитической статье Ф. Старра ««Партнерство Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей» (2005 г.)

предлагалось создать новое географическое пространство ЦА с центром в Афганистане [200, р. 5]. В 2006 году заместитель госсекретаря по делам Южной и Центральной Азии заявил в сенате США о необходимости усиления американских позиций США в политической и экономической сферах государств ЦА. В этом же году госсекретарь США официально озвучил этот проект в ходе своего визита по странам региона [48, с. 56-59]. Первоочередная цель, открыто провозглашенная во всех вышеназванных докладах, – это «отрыв стран региона от связей с Россией».

25 апреля 2005 года в послании Федеральному Собранию В.В. Путин сказал: «Некоторые считают, что российскому народу, который долго безмолвствовал, нужен постоянный начальственный присмотр. Тех, кто так считает, нужно вернуть к реальности распад СССР – это крупнейшая геополитическая катастрофа века, десятки миллионов соотечественников оказались за пределами страны, что для российского народа стало настоящей драмой» [52].

В марте 2006 года в США была опубликована обновлённая Стратегия национальной безопасности и, если в аналогичной Стратегии 2002 года США отмечали необходимость «совместных действий с другими основными центрами глобальной силы», то теперь они заявили, что при необходимости они «без колебаний будут действовать в одиночку» [92]. В том же 2006 году на слушаниях комиссии сената по международным отношениям заместитель госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Р. Баучер заявил о необходимости усиления позиций США в политической жизни и экономической сфере стран ЦА путем снижения уровня их сотрудничества с РФ. Решать данные задачи в странах Центральной Азии предложено «через финансирование экономических проектов, прямо или косвенно противостоящих интересам РФ, а также через снижение уровня их участия в ШОС и ОДКБ» [98].

На Петербургском экономическом форуме, состоявшемся в июне 2006 года, министрами экономик Бразилии, России, Индии и Китая была образована группа БРИК. Полноформатный саммит БРИК состоялся в Екатеринбурге 16 июля 2009 года, на котором лидеры стран выразили «непоколебимую

приверженность идее справедливого международного порядка» [69]. После присоединения ЮАР в 2011 году группа переименована в БРИКС [157].

Причиной очередного витка ухудшения американо-российских отношений в начале 2007 года стало заявление США о намерениях по размещению элементов системы своей глобальной ПРО в Польше, Чехии и созданию военных баз в Болгарии и Румынии [193]. США пытались убедить РФ в том, что эти меры направлены против Ирана и Северной Кореи в случае их ракетных ударов по Европе. Однако, Россия восприняла эти действия как нарушение Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), подписанного в 1990 году [86, с. 65]. 26 апреля 2007 года В. В. Путин объявил о введении моратория на ДОВСЕ до его ратификации всеми странами-членами НАТО. В августе Россия возобновила постоянные стратегические полеты дальней военной авиации над Европой, Атлантическим и Тихим океанами, которые не проводились после распада СССР. В ноябре Государственная Дума РФ проголосовала за приостановление участия в Договоре. Отношения двух стран стали приобретать вид «геополитического соперничества».

Таким образом, в этот период завершился подэтап «переосмысления» Россией своих отношений с США, на протяжении которого Россия пыталась вести диалог на основе принципов суверенного равенства и предлагала НАТО свой потенциал в рамках совместных усилий «по поддержанию мира», последовательно проходя все процедуры по вступлению в ВТО, заключая соглашения по стратегической безопасности и т.д. При этом, попытки России найти совместные пути преодоления разногласий с США в части формирования многополярного мироустройства, поиска форм и способов достижения «стабильного, справедливого и демократического миропорядка» на основе принципов международного права не имели успеха.

Более наглядно период после 90-х годов в российско-американских отношениях охарактеризован В.В. Путиным на 20-м ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». В частности, он отмечал: «...чтобы выстроить свои отношения с западными странами после развала СССР Россия

была готова на всё, пойти фактически на любые жертвы. В ответ – прямая политическая, информационная, финансовая и даже военная поддержка на Кавказе. Зачем они это делали? Ответа нет до сих пор. Просто желание силой давить, – ничего, кроме силы. Полное отсутствие желания поиска компромиссов. А эти окрики: вы должны, вы обязаны, мы вас предупреждаем, – это тоже попытка использовать элемент силы» [65].

В поисках ответа на внешне алогичные действия США считаем необходимым обратиться к гипотезе, в соответствии с которой конфронтация – естественное состояние американской политико-экономической системы. Причем, как на внутреннем поле, так и на внешнем контуре в качестве врага должен быть демонизирован действительно сильный противник (Россия, Китай), способный внушать страх. Малые и средние «страны-изгои» (КНДР, Иран, Куба и т.д.) на эту роль не подошли. Наличие внешнего врага позволяет администрации США, во-первых, консолидировать западный мир по «праву лидерства»; во-вторых, протекать американским внутривластным процессам в духе единения политических элит и электората в борьбе «с внешним злом»; в-третьих, оправдывать огромные расходы на безопасность, армию, военно-промышленный комплекс и продвигать идеологическую установку на «мессианскую роль» Америки. Иного, не конфронтационного алгоритма существования в мировой системе у США просто нет.

Таким образом, двусторонние отношения России и США в период с 1991 по 2008 год представляют собой этап геополитического сближения глобальных акторов. Первый подэтап с 1991 по 1999 год характеризуется безоговорочным и молчаливым принятием Россией теории конвергенции, американского проекта глобализации и идей о том, что развитые демократии никогда не воюют друг с другом. Именно в это время стало очевидно, что США отказывают России в статусе великой державы и праве на собственные сферы влияния, не признают ее в качестве равноправного партнера и геополитического актора с собственными национальными интересами. Отметим, что так называемая «петля Примакова» стала знаковым событием, после которого Россия начала

демонстрировать свое несогласие с однополярной системой международных отношений, американским гегемонизмом (имперскостью) и своей ролью подчиненного наблюдателя.

В течение второго подэтапа (с 1999 по 2008 год) Россия «переосмысливала» свои отношения с США и начала предпринимать практические шаги, направленные на противодействие попыткам Вашингтона стать «единственной сверхдержавой». РФ последовательно пыталась вести диалог на основе принципов суверенного равенства, предлагала НАТО свой потенциал в рамках совместных усилий «по поддержанию мира», проходила процедуры по вступлению в ВТО, заключала соглашения по стратегической безопасности и т.д. Однако, попытки России найти совместные пути и способы преодоления разногласий с США в части формирования многополярного мироустройства для достижения «стабильного, справедливого и демократического миропорядка» на основе принципов международного права не увенчались успехом.

2.2. Геополитическое соперничество России и США в период с 2008 по 2022 год

Рассматриваемый период с 2008 года характеризуется возобновлением геополитического соперничества Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки, которое началось на фоне вызревания идей нового мирового порядка, возникновения новых и обострения традиционных угроз международной безопасности. Диапазон перспектив противоборства двух самодостаточных держав, обладающих самыми большими ядерными потенциалами, гарантирующими взаимное уничтожение, простирается от «конца истории» человечества, ревизионизма фашизма, расизма и других античеловеческих идей, до трансформации политико-экономического устройства мира и эволюции системы международной безопасности.

Считаем, что точкой отсчета геополитического соперничества России и США является вооружённая агрессия Грузии против самопровозглашённых

республик Южная Осетия и Республика Абхазия, начавшаяся в ночь с 7 на 8 августа 2008 года. Воинские подразделения Грузии, вооружённые по стандартам НАТО, под руководством инструкторов альянса напали на миротворческий контингент СНГ, в составе которого действовал российский миротворческий батальон, и начали ракетный обстрел мирных жителей столицы Южной Осетии. При этом, все ведущие западные СМИ в течение суток транслировали кадры бомбардировок ракетными системами залпового огня города Цхинвал с комментариями о том, что это российские войска обстреливают Тбилиси.

Для защиты миротворческого контингента, на протяжении четверти века разделявшего грузинскую и осетинскую противоборствующие стороны, граждан самопровозглашенных республик, а так же российских граждан, проживающих в Южной Осетии и Абхазии, руководство РФ было вынуждено принять решение о введении в зону боевых действий своих регулярных войск [54]. Россия поступила чрезвычайно гуманно, лишь вытеснив грузинские войска с территории Южной Осетии и признав проамериканского президента М. Саакашвили нерукопожатной фигурой. Ее обращение в СБ ООН было безрезультатным. США отказались осуждать Грузию за убийство российских миротворцев, действующих в рамках миротворческого контингента СНГ, бомбежку больниц, школ и административных зданий, а также геноцид мирного населения самопровозглашенных республик. В ответ Россия признала суверенитет Южной Осетии и Абхазии.

По окончании пятидневного конфликта Президент России Д.А. Медведев озвучил пять «позиций», на которых в дальнейшем будет основываться внешняя политика РФ. В частности, Россия подтвердила приверженность принципам международного права и многополярного мира; отказалась принимать однополярный мир под руководством США; заявила об отсутствии стремления к конфронтации и самоизоляции. Впервые был озвучен приоритет внешней политики в виде «защиты жизни и достоинства граждан и интересов российского предпринимательского сообщества за границей РФ». Также впервые было заявлено о наличии у России «регионов привилегированных интересов» – стран, с

которыми Россию «традиционно связывают дружеские, добросердечные отношения, исторически особенные отношения» [36]. Впоследствии, эти положения были имплементированы в основополагающие документы, регламентирующие внешнюю политику РФ.

Относительно умеренная позиция России по недружественным шагам США подверглась переосмыслению: стало очевидным, что и никакие уступки со стороны России не смогут ослабить решимость США сохранить однополярное видение мира [92]. Начался этап геополитического соперничества России и США. В американских концептуальных документах 2008 год назван годом завершения «стратегии сближения» и началом «стратегии сдерживания» России [22]. Значительная часть российских политиков, экспертов и ученых считает началом «стратегического соперничества» России и США 2007 год, когда прозвучала широко известная речь В. В. Путина в Мюнхене. По нашему мнению, обе страны осознавали неизбежность жесткого отстаивания собственных позиций задолго до событий в Грузии, но именно эти события вывели две геополитические державы на трек бескомпромиссного противостояния.

Предпосылки переосмысления содержания двусторонних отношений России и США возникли еще в 1996 году. Изменения во внешнеполитической парадигме страны начались с назначением Е. Примакова министром иностранных РФ. Возникли, были сформулированы и стали набирать популярность идеи о том, что Россия не должна быть подчиненным партнёром США и достойна занимать роль ведущей геополитической державы. В новой доктрине внешней политики России, сформулированной Е. Примаковым впервые звучали идеи о многополярном мировом порядке, который должен прийти на смену американоцентричной однополярности, приоритете собственных национальных интересов при осуществлении Россией внешней политики, а так же необходимости активизации сотрудничества с «доброжелательными партнерами там, где они есть» (Китаем) [92].

На официальном международном уровне об этом было заявлено 10 февраля 2007 года в ходе выступления Президента РФ В.В. Путин с программной

речью на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. Президент РФ впервые публично заявил о недопустимости американской однополярности и подчеркнул значимость роли России в борьбе с мировыми угрозами [22]. В частности, было заявлено, что РФ выступает против концепции однополярного мира, которая «на практике и в конечном итоге означает только одно: один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена». Аналитики назвали этот день днем, когда «Россия сказала США “нет”» [92].

В январе 2008 года в Пекине Россия, Китай, Беларусь, Монголия, Польша и Германия подписали Договор о согласовании таможенных и пограничных вопросов при осуществлении железнодорожных грузовых перевозок через территории стран. Параллельно началось строительство трансконтинентальной автомагистрали «Западная Европа – Западный Китай» [104]. В средствах массовой информации этот проект получил название «Шёлковый путь». Уже в 2009 году начал функционировать пробный газопровод «Туркменистан – Китай», пролегающий через Узбекистан и Казахстан. Этот проект так же назвали «Шёлковым путем». В общем виде – это инфраструктурный проект транспортировки газа из Ирана в Китай. Таким образом, в 2008 году началась практическая реализация китайской концепции новой паневразийской транспортной системы, названной «Новый шёлковый путь» или «Евразийский сухопутный мост». Для его реализации Китаю необходимо было сотрудничество с Россией, Казахстаном и другими континентальными странами. Проект предполагал включение Транссибирской магистрали, проходящей через территорию России и второго Евразийского континентального моста, проходящего через территорию Казахстана [137].

Необходимо отметить, что в контексте рассматриваемой нами проблематики в начале 2008 года произошло три важных события. Так, в феврале этого года западные страны признали независимость Косово, в апреле состоялся двадцатый саммит государств-членов НАТО в Бухаресте, а в марте Президентом РФ был избран Д.А. Медведев [44].

Возвращаясь к теме обсуждения причин войны в Грузии, можно констатировать, что предпосылками этого конфликта были активные усилия руководства правительства М. Саакашвили и его западных «партнеров» по вступлению страны в НАТО, а также признание США и их союзниками независимости Косова. 17 февраля 2008 года несколько десятков членов Парламента Автономного края Косово и Метохии провозгласили суверенитет и объявили о независимости Республики Косово. Ни всенародного референдума, ни учета мнения косовских сербов не было. Прошло 15 лет и до сих пор независимость Косова от Сербии признают лишь 101 государство из 193. Россия неоднократно предупреждала страны Запада, что поддержка решения о суверенитете Косова является международно-правовым прецедентом, и Москва будет учитывать этот факт в своей политике, в том числе, и по вопросу признания Южной Осетии и Абхазии. США и большинство стран ЕС предупреждение РФ игнорировали.

18 февраля 2008 года Госдума и Совет Федерации выступили с заявлением о последствиях провозглашения независимости Косова, в котором отметили, что все территориальные конфликты они будут «рассматривать с учетом косовского сценария». 4 и 7 марта 2008 года парламентарии Южной Осетии и Абхазии обратились к международному сообществу и Федеральному собранию РФ с просьбой о признании их независимости. 21 марта Госдума обратилась к руководству РФ с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности признания независимости Абхазии и Южной Осетии в случае возможного вооруженного нападения на них со стороны Грузии или «шагов по форсированному продвижению Грузии в НАТО» [102]. И лишь после того, как Грузия такие шаги осуществила, 26 августа 2008 года независимость республик была признана РФ.

Новая Концепция внешней политики РФ, принятая 15 июля 2008 года, заявила о перспективе «утраты Западом монополии на глобализационные процессы» и его реакции на это в виде «сдерживания» России. Отмечалось «существенное влияние», которое оказывает Россия на «формирование новой архитектуры международных отношений». При этом, констатировалась российская заинтересованность в приведении российско-американских отношений к

уровню «стратегического партнерства» на основе «солидного экономического фундамента», «прагматизма» и «соблюдения баланса интересов» [29].

В конце 2008 года в США был избран новый президент Барак Обама, который в марте 2009 года инициировал пересмотр российско-американских отношений, так называемую политику «перезагрузки». Госсекретарь США Х. Клинтон публично и торжественно вручала С. Лаврову красную кнопку, символизирующую новую политику. Этому способствовал успешный опыт сотрудничества США и России в 2008 году в рамках G20 при выработке мер по минимизации потерь и выходу из глобального финансового кризиса. Практическими результатами «перезагрузки» стали подписание Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III) в 2010 году, активизация переговоров по вступлению России во Всемирную торговую организацию, сближение позиций по Афганистану и Ирану. Однако, оставались существенные разногласия по фундаментальным вопросам [117]. Одним из их проявлений стало принятие в НАТО Албании и Хорватии в апреле 2009 года.

Опубликованная статья премьер-министра РФ В.В. Путина в газете *Süddeutsche Zeitung* (2010 г.) озвучила идею континентальной кооперации – единой трансконтинентальной торговой зоны – «Европы от Лиссабона до Владивостока» [195]. Статья вышла на фоне успехов евразийской интеграции, так как 1 января 2010 года вступил в силу Единый таможенный тариф, создавший единое таможенное пространство России, Беларуси и Казахстана. Предложение о формировании трансконтинентальной торговой зоны концептуализировало идею создания торгово-экономического союза между ЕС и Евразийскими интеграционными объединениями.

В начале 2011 года США и их союзники по НАТО осуществили, вопреки позиции официального руководства суверенной страны, интервенцию в Ливию. В.В. Путин назвал коалиционную операцию «Одиссея-заря» коллективного Запада «средневековый крестовым походом» [47].

Новой точкой отсчета резкой активизации интеграционных процессов на постсоветском пространстве стала вышедшая в свет публикация Президента РФ В.В. Путина от 3 октября 2011 года «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» [122]. По прошествии всего полутора месяцев (18 ноября 2011 г.) Россия, Беларусь и Казахстан подписали Декларацию об Евразийской экономической интеграции, а также Договор и Регламент Евразийской экономической комиссии. С 1 января 2012 года начало действовать Единое экономическое пространство (ЕЭП) трех стран, а 1 января 2015 года вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза. К договору присоединилась и Армения, впоследствии была завершена процедура вступления в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) Кыргызстана [112].

В декабре 2011 года в России прошли парламентские выборы, после которых в стране начались протестные акции. В.В. Путин обвинил госдепартамент США в латентном вмешательстве во внутривнутриполитические дела России через подстрекательство населения к восстанию и стимулирование протестов оппозиции. Через несколько дней госсекретарь США Х. Клинтон уже публично усомнилась в «легитимности российских выборов», а заодно и заявила, что «США не дадут третьим странам наложить вето на проект создания натовской системы ПРО» [77].

Очередные рестрикции в отношении России в виде принятия «Закона (списка) Магницкого» Сенат США ввел в декабре 2012 года, отменив, при этом, действие поправки Джексона-Веника «дабы не рассориться двум странам окончательно» [40]. В ответ 28 декабря 2012 года в РФ ратифицирован «Закон Димы Яковлева», запретивший гражданам США усыновлять российских детей [62].

12 февраля 2013 года была утверждена очередная Концепция внешней политики РФ, в которой провозглашалась утеря Западом своей доминирующей роли как в политике, так и в экономике. Угрозой международной безопасности было названо одностороннее (американское) санкционное давление и «иные меры силового воздействия». В отношениях с США предлагалось «качественно наращивать равноправный, недискриминационный» диалог, придать

отношениям «стабильность и предсказуемость» на основе «равноправия, невмешательства и уважения» [30].

Следует отметить, что к концу 2013 года отношения двух стран еще более ухудшились, обусловленные расхождением позиций по целому комплексу проблем: от Ливии, Сирии, защиты Россией Эдварда Сноудена, скрывавшемуся от американских властей после обнародования ряда американских документов, до продолжающегося вмешательства во внутренние дела России. США и их союзники продолжали обвинять Президента РФ В.В. Путина в отклонении от принципов демократии и авторитаризме. Несмотря на это, Россия последовательно возвращала себе статус геополитического игрока глобального уровня, укрепляя свой авторитет в регионе Леванте и отстаивая свои национальные интересы в соперничестве с США.

В феврале 2014 года при широкой и активной поддержке США в Украине произошел государственный переворот. Из-за резкого обострения общественно-политической ситуации в феврале-марте 2014 года жители Крыма обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить «репрессий и карательных операций» националистов, пришедших к власти в Киеве [123]. После проведения всенародного референдума в Крыму и Севастополе 18 марта 2014 года Россия и самопровозглашённая республика подписали Договор о присоединении. Политический статус Крыма изменился, Крым стал субъектом РФ. В апреле 2014 года Украина начала боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей. Для администрации США присоединение Крыма и конфликт на востоке Украины явились поводом для введения в отношении России комплекса односторонних ограничительных политических и экономических мер. Под давлением США к санкциям были вынуждены присоединиться страны ЕС, G7 и некоторые их партнеры. В марте 2014 года РФ была исключена из G8. В апреле 2014 года Б. Обама подписал закон «О поддержке суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности в Украине», согласно которому США сами себя наделили правом вводить односторонние ограничительные меры против России. 11 декабря 2014 года Сенат

конгресса США принял законопроект под названием «Акт о поддержке свободы Украины – 2014», предоставляющий Украине особый статус партнера США вне НАТО и позволяющий оказывать ей финансовую помощь.

По мнению многих политологов инициализация односторонних ограничительных мер США и их союзниками была осуществлена в целях изоляции России, стимулирования экономического кризиса, организации общественного недовольства и смены политической власти в РФ [179]. Рестрикции действительно оказали негативное влияние на российскую экономику, но были использованы Россией для консолидации общества, повышения боевой мощи армии, реализации экономических проектов «импортозамещения», модернизации, развития регионов и т.д.

В своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года (знаменитая «Валдайская речь») В.В. Путин отмечал, что украинский кризис «не территориальный конфликт», а вопрос «о принципах, на которых будет базироваться новое мироустройство». Россия не стремится занять «лидирующие позиции в мире, но и не допустит вмешательства в свои дела; так называемые победители в холодной войне (США) решили перекроить весь мир исключительно под свои интересы, для этого объявлена никчемной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу вся система международных отношений, международного права, сдержек и противовесов» [94].

В практическом плане недружественные действия США касались не только вооружения Украины и антироссийских экономических ограничений. Начиная с 2014 года и по настоящее время, США прилагают значительные усилия для оказания давления на Всемирное антидопинговое агентство (WADA), на Международный олимпийский комитет (МОК) и спортивные федерации с целью исключения российских спортсменов из всех международных соревнований. Изначальным предлогом было обвинение в массовых и систематических применениях допинга российскими спортсменами [116]. После 2022 года никто уже и обвинения не выдвигал за их ничтожностью, а международные

спортивные чиновники прямо заявляли о политизированности их решений, принятых под давлением США.

В сентябре 2015 года Россия вступила в гражданскую войну в Сирии на стороне правительства Б. Асада, свержение которого широко декларировалось США как цель их незаконного присутствия на территории суверенной страны. Это добавило напряженности в отношения РФ с США, которые до сих пор поддерживают незаконные вооруженные формирования и террористические группы, воюющие против правительственных сил. Россия победила международный терроризм, сохранив правящий режим и жизнь Б. Асаду, смогла организовать внутривосточный диалог. Тем самым, РФ снизила авторитет США во всем регионе, практически вытеснив их из страны, не дав им реализовать свои планы. В этом же 2015 году активизация практической реализации стратегии «Поворот на восток», идея которой была выдвинута В.В. Путиным в 2012 году в статье журнала «Wall Street Journal», повысила роль России в делах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [206].

В мае 2015 года лидеры России и Китая В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали Совместное заявление о сотрудничестве при строительстве ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) [14]. О поддержке инициативы Китая «Один пояс – один путь» В.В. Путин объявил еще в мае 2014 года [87].

Россия выдвинула Концепцию «Большого евразийского партнерства», которая пришла на смену идее «Большой Европы» – экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» (2010 г.). Эта идея экспертов Валдайского клуба и Высшей Школы Экономики, озвученная в 2015 году [18] предполагала смену основного партнера ЕАЭС: вместо Европейского союза рассматривался Китай. В действительности проект «Большой Евразии» («Большого евразийского партнерства») предполагает формирование новых и сопряжение существующих зон свободной торговли, региональных интеграционных процессов и торгово-экономических партнерств на всем континенте [72].

В Концепции внешней политики РФ, утвержденной 30 ноября 2016 года, поставлена задача «упрочения позиций России как одного из влиятельных

центров современного мира». Причиной кризиса отношений России и коллективного Запада названа «геополитическая экспансия США, НАТО и ЕС». Отмечено, что РФ не приемлет «экстерриториального осуществления США своей юрисдикции» и их «попытки оказывать военное, политическое, экономическое или иное давление» [93]. Россия «оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия» и ожидает от США «строго соблюдать нормы международного права» при осуществлении своих действий «на международной арене» [31].

18-19 февраля 2017 года на очередной 53-й Мюнхенской конференции по безопасности, был озвучен российский доклад «Постправда, пост-Запад, пост-порядок?». В нем констатировался «глубокий кризис международного порядка и либеральной демократии», а также негативные тенденции в современном мировом порядке [194]. В.В. Путин заявил о том, что «самая главная ошибка России в ее отношениях с Западом» состоит в излишнем доверии, а ошибка Запада состоит в том, что он «воспринял это доверие как слабость и злоупотребил им». При этом, российский президент предложил «идти дальше», основывая отношения на взаимном уважении, равноценном и равноправном партнерстве [94].

Расширение границ НАТО продолжалось: 5 июня 2017 года в НАТО принимают Черногорию, 27 марта 2020 года – Северную Македонию. Практически в то же время начинается очередной виток использования США и их союзниками односторонних ограничительных мер в отношении России. 2 августа 2017 года президент США Д. Трамп подписал федеральный закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций».

1 февраля 2019 года Д. Трамп объявил о начале процедуры выхода из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД, РСМД), заключенного в 1987 году. Россия ответила зеркально: 2 августа 2019 года Договор прекратил свое действие. После этого уже никакие международные договорные обязательства не мешали США размещать элементы своей ПРО в Европе, разрабатывать новые беспилотные аппараты и крылатые ракеты, строить пусковые шахты, используемые как для обычного, так и ядерного оружия [136].

В 2020 году США отказала российским инспекторам в получении виз для осуществления инспекций своих военных ядерных объектов в соответствии с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III). Основываясь на принципах взаимности, после двух лет бесплодных уговоров в августе 2022 года Россия отказала США в инспекции уже своих ядерных объектов. Это не вызвало у США стремления исполнять условия Договора в полном объеме, в связи с чем, 21 февраля 2023 года Россия заявила о приостановке своего участия в нем [38].

22 ноября 2020 года США официально вышли из Договора по открытому небу. Более года Россия продолжала предпринимать усилия по сохранению договора в одностороннем порядке, закрывая глаза на многочисленные нарушения со стороны США. Однако, это ни к чему не привело и 18 декабря 2021 года из Договора вышла и РФ [6].

Таким образом, к 2022 году противоречия России и США достигли критической массы. С накоплением взаимных претензий становится очевидным невозможность согласования противоположных интересов, ценностей и видения концепции будущего мирового порядка. С 2015 года американские аналитические центры начали продвигать тезис о необходимости изменения «стратегии сдерживания» России на «стратегию ее принуждения». Эта идея не была отражена в концептуальных американских документах по национальной обороне и национальной безопасности США. Но, поэтапное применение рекомендованных американскими теоретиками антироссийских мер свидетельствует, что де-факто стратегия США в рассматриваемый период претерпела принципиальные изменения от попыток «сдерживания» к попыткам «принуждения». На практике это выливалось в скоординированную демонизацию России в мировых СМИ; применение односторонних антироссийских ограничительных мер США и полусотней стран – их союзников; попытки США и ЕС вмешиваться во внутривнутриполитические процессы в России; геополитическую борьбу за влияние в Африке, Латинской Америке, Ближнем Востоке и Южной Азии, Арктике, АТР и остальных регионах мира; попытки публичного унижения России через

недопуск ее спортсменов на международные соревнования; острую дипломатическую борьбу России и коллективного Запада на площадках всех международных организаций, институтов, форумов и т.д.

С 2001 года США последовательно и в одностороннем порядке разрушают систему глобальной ядерной безопасности. Об этом свидетельствуют односторонний выход США из договоров об ограничении систем противоракетной обороны (2001г.), о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (2019г.), по открытому небу (2020г.) и прекращение ими выполнения своих обязательства по Договору о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, которое привело к его приостановке в 2023 году.

В свою очередь, в этом периоде времени эволюция внешнеполитических подходов России в отношениях с США прошла путь от намерения «добиваться» у США вывода отношений на уровень «стратегического партнерства, а в перспективе – союзничества» до возможного «стратегического паритета и мирного сосуществования» при условии отказа США от «политики силового доминирования и пересмотра антироссийского курса».

2.3. Геополитическое противостояние России и США в период с 2022 года по настоящее время

В сентябре 2023 года официальный Вашингтон констатировал конец миропорядка «относительной геополитической стабильности», «сформировавшегося после холодной войны». При этом, США продолжают руководствоваться теорией гегемонистской стабильности, веря в то, что именно они обладают правом принимать решения, которые «будут формировать будущее в течение десятилетий» [49]. В свою очередь, в октябре этого же года Москва впервые озвучила собственное видение конкретных контуров многополярной системы международных отношений, идею которой РФ продвигает с рубежа тысячелетий. Качественные перемены, произошедшие за предыдущие двадцать лет «эпохи

слома всего мироустройства, требуют изменения самих принципов международных отношений» [34]. Речь идет о шести геополитических принципах, которыми Россия предложила руководствоваться всем членам мирового сообщества при построении нового многополярного мира. Были также сформулированы две диаметрально противоположные парадигмы мирового порядка, выработанные в процессе текущего конфликтного противостояния геополитических акторов глобального уровня – России и США.

Эти парадигмы не появились одномоментно. Помимо цивилизационного конфликта России и коллективного Запада, их формулировка обусловлена глубокой турбулентностью всей системы международных отношений. Налицо – эскалация арабо-израильского конфликта, способного перерасти в мировой вооруженный конфликт; ухудшение ситуации в Косово, которая может разжечь большую войну в Европе; подготовка проамериканской морской коалиции к войне с йеменскими хуситами; нагнетание напряженности в Южно-Китайском море с мало предсказуемыми перспективами и т.д. При этом, в самих США, продолжающих считать себя гегемоном, наблюдаются политический кризис, вылившийся в импичмент спикера палаты представителей и перспективу усугубления межпартийного конфликта на предстоящих президентских выборах; экономический кризис в виде «шатдауна» (shutdown), роста инфляции, безработицы, внешнего долга; миграционный кризис; снижение международного авторитета и распад коалиционных блоков.

Исходя из вышеуказанного, считаем необходимым осуществить экспертный анализ концептуальных основ внешней политики США и России в части, относящейся к регламентации подходов по отношению к друг другу. Целью этого анализа является определение сущностного содержания российской и американской парадигм видения принципов функционирования новой системы международных отношений.

21 августа 2018 года помощник Госсекретаря по делам Европы и Евразии Уэсс Митчелл выступил на заседании Комитета по иностранным делам Сената США. Он подтвердил, что стратегия его страны в отношении России носит

всеобъемлющий характер и обеспечивается тремя документами: Стратегией национальной безопасности, Национальной оборонной стратегией и Комплексной стратегией в отношении России. У. Митчелл признал, что США «вступили в период соперничества больших держав» и в этих условиях для победы США необходимо укреплять как саму «военную силу», так и «ее экономическую и политическую основы». Он заявил, что Россия руководствуется геополитическими соображениями, которые представляют собой «постоянную и самооправданную борьбу путинской системы за мировое господство» [133].

По мнению авторов документа «Комплексная стратегия США в отношении России» [22], разработанной в 2015 году стратегическим исследовательским институтом «Heritage Foundation», в США после Холодной войны не было всеобъемлющей стратегии по России. РФ представляет собой проблему для Америки, так как она «бросает ей стратегические и дипломатические вызовы по всему миру», «представляет угрозу партнерам, союзникам и интересам США». В этой Стратегии 5 разделов, посвященных ее обоснованию, «режиму В. Путина», «мировым вызовам внешней политике и политике безопасности», «защите друзей и союзников США и сокращению влияния России», а также «двусторонним отношениям России и региональным вызовам» [22].

В первом разделе Россия называется «клептократической автократией», «функционирующей, высокоразвитой тиранией». Критикуются применявшаяся по отношению к России в период президентства Дж. Буша-младшего и завершившаяся после того, как «Россия напала на Грузию» и, «стратегия сближения» и, неэффективная «политика сдерживания», которую проводили США во время разработки документа, так как «сдерживание не является политикой» [22].

Второй раздел посвящается свержению «самодержца» Путина, который, по мнению авторов, является «ядром проблем российско-американских отношений». В данном контексте Администрации США рекомендуется публично разоблачать «самодержавие Путина», «не уважающего права человека» и «независимость гражданского общества»; «раскрывать преступления, взяточничество и дезорганизацию руководства» России. С целью расширения торгово-

экономических санкций США в отношении российской экономики предлагается «сопротивляться попыткам стран ЕС сокращать санкции или отменять их»; «поддерживать строительство транскаспийского трубопровода из Туркменистана через Азербайджан и Грузию в Турцию» для снижения российско-европейского энергетического сотрудничества; стимулировать «поставки нефти и природного газа США» в Европу и Азию; «исключить Россию из системы СВИФТ» [22].

В третьем разделе о мировых вызовах внешней политике и политике безопасности предлагается модернизировать ядерное оружие США, выйти из Договора СНВ-3, не вести переговоры с Россией по поводу заключения договоров о запрещении или сокращении тактического ядерного вооружения в Европе, говорить о «нарушении режима контроля над вооружениями Россией». США необходимо «увеличить финансирование программы ПРО», «передавать её элементы европейским членам НАТО», публично заявлять о том, что «стратегическая стабильность больше не является основой для отношений между РФ и США», обвиняя в этом Россию, которая «модернизирует свое ядерное оружие и свою ПРО». В контексте обеспечения «кибербезопасности» США должны «принимать более серьезные меры против России», использовать дипломатию для «публичного очернения кибератак РФ», «активно продвигать демократию и пропагандировать интернет-свободу в России» [22]. С российской пропагандой предполагается бороться посредством «информационного противодействия», введения цензуры на «информацию, поступающую из РФ», а «деструктивную роль РФ в международных организациях» нейтрализовать посредством усилий по «исключению РФ из главных международных организаций» и организации «проверок вклада РФ в их деятельность» [22].

Планы по развитию и расширению НАТО представлены в четвертом разделе Комплексной стратегии. Для «защиты друзей и союзников США и сокращению влияния России» рекомендуется «четко установить его цели», «изменить тренировки с противоповстанческих операций на операции по обеспечению коллективной безопасности», «делать акцент на союзников» и «привлекать

к деятельности НАТО министров финансов» стран-членов. Особое внимание уделяется росту влияния РФ и мероприятиям по снижению уровней взаимодействия России с «балтийскими странами», «странами Центральной Европы», «Балканами, Грецией и Кипром». В связи с «вторжением России в Украину» предлагается «вооружать украинские ВС», проводить с ними «совместные учения», применять рестрикции против «российских чиновников», проводить «экономические и политические реформы в Украине для улучшения ее способности сдерживать агрессию России в долгосрочной перспективе». Для повышения «жизненно важного боевого опыта Грузии» рекомендуется «поставить ей противотанковое ракетное и зенитное вооружение, продолжать проводить грузино-американские военные учения», укреплять «институциональные связи Грузии с НАТО», предоставить Грузии безвизовый режим со странами ЕС, создавать «зону свободной торговли Америки и Грузии» и т.д. С целью ослабления «слишком сильного влияния РФ в Центральной Азии» США необходимо «оставаться в регионе и продвигать идею соперничества между странами региона», и серьезно продвигать стратегию «Нового Шелкового пути» [22].

В пятом разделе описываются двусторонние отношения с Россией, причем авторы считают, что необходимо выявлять и использовать в интересах США различия между странами и народами, укреплять «антироссийские и антикитайские альянсы в регионе». Для того, чтобы не допустить сближения России и Северной Кореи предполагается усилить применение антикорейских санкционных мер. С целью снижения авторитета России на Ближнем Востоке рекомендуется «противодействовать ее влиянию в регионе», «стыдить Москву за связи с Сирией и Ираном», «приостановить сотрудничество с Россией в рамках Ближневосточного Квартета». При этом, авторы безосновательно утверждают, что Россия участвует «в международных делах не для реализации собственных интересов», а для «создания проблем США» ради «обретения чувства собственной значимости» [22].

Следует отметить заключительную рекомендацию, которая в Комплексной стратегии сформулирована следующим образом: «США стоит спокойно

демонстрировать, что они не считают правительство В. Путина полноправным международным партнером», политика которого «в конечном счете приведет к ощутимым для него последствиям». После этого надо «лишь ждать реакции России» и уж тогда «реагировать» соответственно.

Практическая реализация всего комплекса перечисленных в докладе мероприятий по «принуждению» России к желаемому для США поведению и, консерваторами при Д. Трампе и, демократами при Дж. Байдене позволяет отнести его к концептуальным документам американской внешней политики.

В итоге, авторы Комплексной стратегии заявили о завершении использования «стратегии сближения» с Россией периода президентства Дж. Буша-младшего и «политики сдерживания» России периода президентства Б. Обамы. Фактически, это первый документ, предлагающий Администрации США использовать новую на тот момент «стратегию принуждения» в отношении России, выводящую конфронтацию США и РФ на совершенно иной уровень. Ничтожность идей о «партнерстве с США» и «вхождении в Западный мир» стали очевидны, как для широкой общественности, так и для руководства России.

В начале марта 2021 года в США было опубликовано «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», в котором было изложено каким образом администрация США будет противостоять реальности в условиях изменения расстановки сил в мире и возникновении новых угроз. В документе констатируется, что «Россия полна решимости усилить своё глобальное влияние и играть «деструктивную роль» на международной арене [73].

Согласно окончательной версии Стратегии, принятой 12 октября 2022 года, условия геополитической конкуренции будут определены в первые годы текущего десятилетия. США не сомневаются, что они «будут и впредь лидировать». При этом, «конкурировать с крупными авторитарными державами в формировании международного порядка» США намереваются посредством «сдерживания опасной России» [21].

В апреле 2022 года в конгресс США поступила секретная версия Стратегии национальной обороны Дж. Байдена. В это же время в американском журнале

Института исследований внешней политики вышла статья Дж. Хоффмана [182]. В ней автор утверждает, что администрация Байдена приложила значительные политические, экономические и военные усилия по сдерживанию России, но они бы не понадобились, если бы США смогли «вообще удержать Россию от нападения на Украину». Дж. Хоффман полагает, что «политика сдерживания провалилась, потому что США и их союзники заранее дали понять России, что они не готовы применять прямую военную силу на Украине из-за переоценки Вашингтоном российской военной мощи». Теперь автор предлагает администрации США перейти от политики «сдерживания» к политике «принуждения» России через «целенаправленную интеграцию тайной и явной военной мощи, а также через активные усилия по проведению информационных операций внутри России для ослабления хрупкого политического контроля Путина». Дж. Хоффман определяет «сдерживание», как «убеждение не предпринимать каких-либо действий», а «принуждение, как попытку убедить противника прекратить его поведение или изменить его курс из-за угрозы применения силы или с помощью стимулов». Для обеспечения «оперативного провала Путина», а не «мучительного переговорного компромисса России и Украины» предлагается применить «пять направлений усилий» [182].

Так, дипломатические и политические усилия США, по мнению Дж. Хоффмана, должны быть сосредоточены на политической и экономической изоляции России и ее лидеров через снижение роли РФ в ООН, на экономическом давлении для исключения РФ из G20 и расширении НАТО за счет Финляндии и Швеции. Информационные усилия США должны быть нацелены на повышение эффективности Запада в «битве нарративов»; активизацию усилий по прорыву тумана дезинформации внутри России; поддержку «жуткого подхода» Украины, связывающейся с семьями погибших российских солдат для трансляции их судьбы, рассылающей электронные письма российским мужчинам призывного возраста, вбрасывающей дезинформацию пожилым россиянам; подавления контроля Путина над информацией через стимулирование «пятой

колонны» и т.д. Именно по этим аспектам должна быть налажена работа Миссии Центра глобального взаимодействия США.

Относительно «военных усилий» Дж. Хоффман предлагает увеличение поставок западного оружия Украине, ведение «суррогатной (гибридной) войны» против России, использование против нее инструментов кибервойны, предоставление разведанных и беспилотных летательных аппаратов. Кроме того, необходимо усилить НАТО за счет размещения четырех новых боевых групп Альянса в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии, приготовить дивизии НАТО за пределами Украины «на случай необходимости миротворческой или вооруженной гуманитарной интервенции». Экономические усилия должны быть ориентированы на определение продолжительности и условий смягчения санкций в случае, если «российские войска покинут все согласованные территории, а военные командиры будут переданы соответствующим властям»; финансирование восстановления Украины за счет замороженных Западом российских денег в западных банках. Соответственно, юридические усилия могут быть направлены на привлечение Международного уголовного суда для «выдвижений обвинений каждой российской дивизии, командующим, руководителям корпораций и подразделений Группы Вагнера» [182].

Таким образом, Дж. Хоффман предложил администрации США перейти от «стратегии сдерживания» к «стратегии принуждения» России посредством реализации конкретных мероприятий в рамках активизации дипломатических, политических, информационных, военных, экономических и юридических усилий.

В марте 2022 года Пентагон передал Конгрессу США засекреченную версию Стратегии национальной обороны (СНО), основанная на предыдущей Стратегии 2018 года. Публичная версия этого документа вышла в свет в конце октября 2022 года, в которой США начали рассматривать Россию и Китай не как региональные державы и возможные угрозы регионального масштаба, а как державы глобального уровня – «главные противники Америки» [141]. Именно с этого документа Россия для США стала «главной проблемой национальной

безопасности», «главным стратегическим соперником», в борьбе с которым необходимо реализовать «долгосрочную стратегическую конкуренцию». В практическом плане США запланировали развернуть свои ракетные комплексы ПВО в Европе, которые смогут применяться против России [141].

В Стратегии 2022 года Россия и Китай открыто упоминаются как «прямые угрозы для США». В связи с этим, «Министерство обороны США будет поддерживать активное сдерживание российской агрессии против жизненно важных интересов США и наших союзников», ему предписывается «принять срочные меры по поддержанию и укреплению сдерживания острой угрозы со стороны России» [113]. В документе «комплексное сдерживание» противника представлено в виде скоординированных военных, дипломатических и экономических действий всего правительства. Для этого США будут делать «верные инвестиции в технологии» для нейтрализации угроз «со стороны космического и тактического ядерного оружия, а также новых достижений в области искусственного интеллекта».

Исходя из того, что в опубликованной версии Стратегии национальной обороны США «стратегия сдерживания» не была переименована в «стратегию принуждения», но все мероприятия, предложенные Дж. Хоффманом по указанным им направлениям прямо реализуются администрацией США можно предположить, что они прописаны в непубличной части Стратегии. С 2016 года Конгресс США принял решение о засекречивании новых Стратегий национальной обороны. Теперь их публикуют только в кратких версиях.

Прошедшие с 10 по 13 января 2022 года по инициативе России три раунда ее переговоров с США, НАТО и ОБСЕ по «гарантиям безопасности» были безрезультативны. Россия требовала нераспространения НАТО на восток (в том числе и за счет включения в эту организацию Украины) и неразмещения ударных типов вооружений США и НАТО в граничащих с Россией странах. Замгоссекретаря США Уэнди Шерман заявила: «никто (имеется ввиду РФ) не может навязывать США, НАТО или каким-либо странам как им вести свою политику». Возможно, «США могут подумать, какие из типов ударных систем не

размещать на границах России», то есть США отказались от своих, данных ранее заверений «не расширять НАТО»; продемонстрировали игнорирование российских интересов на постсоветском пространстве и заявили о намерениях создать прямую военную угрозу самому существованию России.

24 февраля 2022 года Россия была вынуждена начать Специальную военную операцию (СВО) на Украине. Заявленные цели СВО – денацификация (уничтожение фашизма и нацизма), денационализация (придание русскому языку равных прав с украинским) и демилитаризация (принятие Украиной статуса нейтрального государства) сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

9 апреля 2022 года Дж. Байден подписал законопроект, позволяющий приостанавливать нормальные торговые отношения с Россией посредством повышения пошлин на российский импорт. В этот же день был подписан другой законопроект, запрещающий импорт энергоресурсов из России.

В мировом дискурсе СВО сначала именовалась «войной России и Украины», затем «войной России и Запада», теперь – «цивилизационным противостоянием России и англо-саксонского мира за формирование нового многополярного мирового устройства». Сегодня значительная часть даже западного экспертного сообщества начала придерживаться мнения о том, что «Россия находится в конфликте не с Украиной, а с Америкой, НАТО и всеми европейскими странами. Фактически, превращая Украину в поле битвы, США стремятся еще больше ослабить западные страны и Россию и утвердить свою политику глобальной гегемонии и доминирования» [207].

По мнению П. Бонда и Ф. Фуэнтеса «послевоенное экономическое, социокультурное, геополитическое и военное доминирование США стало возможным благодаря тому, что они реализовали свою политику через многосторонние институты, базирующиеся на Западе, которые представляют интересы крупных транснациональных, особенно финансовых корпораций. Уже в 2010-е годы наблюдалась эскалация множества давних геополитических противоречий и военной напряженности. Они наиболее очевидны сегодня в виде тотальных войн

на Украине и на Ближнем Востоке, а также конфликтов, которые могут вспыхнуть в любой момент в Центральной Азии, Гималаях, Южно-Китайском море и Корейском полуострове. Эти разногласия могут быстро усилиться, размывая широкие взаимные интересы и создавая многополярный альянс во главе с Западом и Китаем/Россией» [216].

31 марта 2023 года принята ныне действующая Концепция внешней политики РФ, в которой США названы не только «главным вдохновителем, организатором и исполнителем агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источником основных рисков для безопасности России», но и угрозой всему «международному миру, сбалансированному, справедливому и поступательному развитию человечества». Россия намеревается «поддерживать стратегический паритет и мирно сосуществовать с США» лишь в случае их «отказа от политики силового доминирования и пересмотра антироссийского курса» [32].

Очередное расширение границы Альянса с Россией (с 1215 км до 2600 тысяч километров) произошло 4 апреля 2023 года с вхождением Финляндии в НАТО [118]. Свообразным геополитическим ответом России стал Саммит Россия – Африка, который состоялся 27-28 июля 2023 года в Санкт-Петербурге. В нем приняли участие практически все страны континента. Россия дала разъяснения по СВО на Украине, представила свое видение будущего мирового порядка, обсудила вопросы продовольственной безопасности, образования и мирного атома [127]. Заручившись поддержкой РФ, африканские страны активизировали борьбу против неокOLONиальной политики стран Европы и США. Подтверждением тому стали перевороты в Нигере и Габоне, активизация антиколониальных настроений в Мали, Буркина-Фасо, Гвинее и других странах континента [156].

Ответом блоковой политике США стало и расширение БРИКС на саммите в Йоханесбурге, прошедшем в августе 2023 года. Основным итогом этого саммита стало объявление о расширении объединения за счет принятия с 1 января 2024 года шести новых членов: Аргентины, Египта, Ирана, Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Эфиопии. Официальные заявки подали 23 страны из 40

стран, заявлявших о своем желании присоединиться к БРИКС, как неформальному объединению незападных государств, выступающих против американского гегемонизма, стремящихся к многополярности и идеологическому многообразию. В повестке дня объединения достижение максимального финансового суверенитета через дедолларизацию экономик, обеспечение продовольственной безопасности, реформирование ООН, многополярное мироустройство, реформа международных финансовых организаций и т.д. [100]. После присоединения Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, на долю БРИКС будет приходиться более 40% населения мира и 26% валового продукта, производимого человечеством [211].

Как уже упоминалось, В. В. Путин, выступивший на заседании Валдайского клуба в октябре 2023 года, впервые назвал шесть геополитических принципов, которыми Россия предлагает руководствоваться всем при построении нового многополярного миропорядка. Эти принципы провозглашают открытость мира, его многообразие, максимальную представительность, всеобщую безопасность, справедливость для всех и равноправие [34]. Идея многополярного мира, о которой говорилось на протяжении четверти века начала приобретать конкретные очертания. Примечательно, что озвученные принципы согласуются с китайской концепцией построения «гармоничного мира», включающего «взаимопонимание между странами на основе мирного диалога; совместное экономическое развитие; взаимообмен и взаимодополнение культур; сотрудничество в области безопасности; совместная защита окружающей среды» [130].

Следует отметить и подтверждение Президентом РФ цивилизационного подхода, прописанного в действующей Концепции внешней политики. В соответствии с ним, Россия – это самобытное государство-цивилизация, которую «нельзя свести к одному общему знаменателю, но ее нельзя и разделить в своей целостности, духовном и культурном богатстве». Мир движется в сторону синергии государств-цивилизаций. По мнению В. В. Путина «цивилизаций много,

и ни одна из них не лучше и не хуже другой. Они равноправны... Цивилизацией являются не территории, а люди»¹ [34].

В соответствии с обозначенным подходом становится очевидным вывод о том, что характер текущего конфликтного взаимодействия между Россией и США является цивилизационным противостоянием в борьбе за форму будущей системы международных отношений и место в новом миропорядке. Утверждения, что США пытаются сохранить однополярную американоцентричную систему международных отношений не вполне соответствует действительности. 13 сентября 2023 года госсекретарь США Э. Блинкен на лекции в Школе перспективных международных исследований при Университете Дж. Хопкинса заявил: «То, что мы переживаем сейчас, – больше, чем испытание на прочность миропорядка, сформировавшегося после холодной войны. Это его конец, который не произошел в одночасье; рост соперничества с авторитарными государствами, ревизионистскими державами пришел на смену относительной геополитической стабильности, которая сохранялась несколько десятилетий;... одна эпоха заканчивается, другая начинается; ...принимаемые сейчас США решения будут формировать будущее в течение десятилетий» [49].

Таким образом, на третьем этапе в период с 2022 по 2024 годы взаимодействие России и США обрело характер «геополитического противостояния». Основной причиной повышения конфликтности в отношениях геополитических акторов является принципиальное различие их представлений о новом мироустройстве. Для России – это парадигма многополярной синергии цивилизаций, в строительстве которой, по мнению Президента В. В. Путина, помимо России заинтересованы «КНР, Индия, страны БРИКС+, группа развивающихся государств G77 и члены Движения неприсоединения». Для США – это сохранение гегемонизма, но уже не в виде американского «лидерства» над всем миром, а в виде доминирования над странами-членами G7, которые, по заявлению

¹ Здесь очевидно совпадение расширенного представления о государстве-цивилизации России и Индии. На саммите G20 Индия самоидентифицировалась как «Бхарат» – идеологическое понятие, территориально значительно превосходящее государственные границы страны.

Э. Блинкена, США «пытаются превратить в мировой «руководящий комитет» [45]. Российская модель опирается на императивность основополагающих принципов международного права – принципа суверенного равенства и принципа невмешательства во внутренние дела государств. В то же время американская парадигма исходит из главенства фактора геополитической мощи государств, ею обладающей и ничтожности интересов стран, у которых этой мощи недостаточно. Отсюда и условное разделение мира на пятьдесят стран, которые США называют своими союзниками и друзьями и сто пятьдесят стран, не желающих признавать англо-саксонский гегемонизм.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТИВОСТОЯНИЕМ РОССИИ И США

Изменение характера взаимодействия глобальных акторов в странах Центральной Азии и, в частности, в Кыргызской Республике можно наглядно проследить по научным трудам, посвященным данной проблематике. К примеру, в 2009 году Р.А. Гумеров писал о заинтересованности в регионе мировых держав, которая оказывала «существенное влияние на формирование политики США, Китая и России». Автор отмечал: «задачей каждого из глобальных лидеров является достижение лидирующего положения в регионе и недопущение союза двух других государств», причем, «США, Китай и Россия имеют как совпадающие, так и противоположные интересы» [163]. Позднее в своем докторском исследовании С.Г. Иванов, анализируя результаты реализации американских и европейских проектов «реформирования» экономики Кыргызской Республики, пришел к выводу об их умышленно-деструктивном характере, приведшем к ликвидации промышленного сектора и развалу агропромышленного комплекса страны. Автор доказал, что западные геоэкономические проекты осуществляются в КР «в рамках континентальной геополитической экспансионистской стратегии США» и их цели диаметрально противоположны целям России, заинтересованной в совместном паритетном развитии на основе обоюдной выгоды. По мнению С.Г. Иванова РФ является приоритетным вектором экономического развития КР в силу исторической общности и «совпадения социальных, политических и культурных измерений РФ и КР» [163]. Такого же мнения придерживается А.А. Верещагин: «Евразийская интеграция с Россией обусловлена единством политико-экономических целей, программ и путей развития и является исторически определенным объективным процессом». При этом, автор подчеркивает, что «декларируемые цели глобальной и континентальной внешнеполитической стратегии США при реализации кыргызско-американского взаимодействия соответствуют национальным интересам Кыргызстана», но

«фактические целеполагания и объективные результаты реализации проектов и программ США наносят ущерб национальным интересам и угрожают национальной безопасности» [161].

В 2022 году Е.Г. Гарбузарова обратила внимание на «усиление геополитического соперничества в Центральной Азии в условиях кардинальных трансформаций в мире», в котором США отводят ЦА «не приоритетное, но важное место в своей внешней политике», а Россия «является важным партнером стран ЦА в силу особых связующих уз» [162]. Практически в то же время исследователь А.М. Акматалиева констатировала наличие в Центральной Азии «стратегической конкуренции» между глобальными акторами, где «США выступают диверсифицирующим фактором для внешней политики республик ЦА, соседствующих» с КНР и РФ. По мнению автора, для Китая и России «доминирующей тенденцией является поиск взаимовыгодного сотрудничества с ограничением стратегических возможностей США» [160].

3.1. Теоретические основы исследования многовекторности внешней политики малых и средних государств

В XXI веке многовекторность внешней политики, как направление теории международных отношений, лишь только начинает формироваться. При этом на протяжении всего новейшего времени большинство постсоветских государств многовекторность не только провозглашали, но и имплементировали ее в национальные правовые акты.

Исследуем проблематику сохранения, либо трансформации «многовекторности» внешней политики Кыргызской Республики и возможность сохранения ее «последовательности» в контексте ситуации противостояния глобальных акторов и условиях размывания международного права. Для этого считаем необходимым: определить понятие многовекторности; систематизировать причины и цели, побуждающие постсоветские страны ее провозглашать с позиций неолиберального и неореалистического подходов; классифицировать виды и

стратегии многовекторности; обобщить дипломатические тактики применяемые малыми и средними государствами в ходе реализации многовекторной внешней политики.

Прежде всего определим само понятие «многовекторности», содержание и использование которого вызывают сомнения. Очевидно, что в мире нет и никогда не было государств, заявивших о своей политической или экономической «одновекторности», либо стремлении изолироваться от остального мира. Соответственно, «многовекторность» – это и де-юре и де-факто естественное состояние. Вопрос состоит только в том, что именно государство подразумевает под многополярностью и для чего оно о ней заявляет.

С точки зрения Е. Прейгмана «многовекторность» – это политический слоган постсоветских стран 1990-х годов, так как «это элементарная норма для любого суверенного государства», сродни восходу и заходу солнца. В своей работе он писал: «У государства не может не быть многовекторной внешней политики. Любое суверенное государство многовекторно по определению. Лишение суверенитета означает утерю многовекторности. Если под многовекторностью подразумевать политические предпочтения, как выставление ранжира в отношениях, тогда тоже очевидно, что отношения не могут быть абсолютно равными». А. Савиных отмечала, что «понятие многовекторности носит декларативный характер». Это трансляция миру сигнала о том, что страна проводит миролюбивую внешнюю политику, направленную на установление добрососедских дружеских отношений со всеми. В экономической сфере – это инструмент как экономического роста и социально-экономического развития страны. В политическом смысле – это «маркер, подчеркивающий миролюбие внешней политики, готовность к сотрудничеству на взаимовыгодной и взаимоприемлемой основе со всеми на основе принципов Устава ООН» [153].

Еще более категоричен в своих суждениях В. Абаджян, который считает многовекторность «ширмой, за которой скрываются истинные тенденции внешнеполитической ориентации». При этом автор уверен в том, что «выявление этих тенденций – важнейшая задача при принятии выверенных решений и

в целом, и в каждом отдельном случае». «Многовекторность» – это не лавирование между двумя полюсами, а движение, обычно латентное, от одного полюса к другому. Возможность устойчиво сохранять одинаковую дистанцию от полюсов может только постоянный нейтралитет. Однако в большинстве случаев – это динамичный процесс, уподобленный колебанию маятника. Вопрос в том, что всякому колебанию приходит конец. Вопреки законам физики, в политике маятник не приходит в состояние равновесия, а примыкает к одному из полюсов [37].

Не соответствуют принципу ценностной нейтральности высказывания и некоторых украинских ученых, считающих «многовекторную» внешнюю политику «непостоянным, бессвязным и идеологически пустым поведением» [203].

С практической точки зрения о своей многовекторной политике заявляют малые или средние государства, не претендующие ни на глобальное, ни на региональное лидерство. Относится это и к странам постсоветского пространства. К примеру, Армения провозглашает «многовекторность» основным принципом своей внешней политики, подразумевая под ней «комплиментаризм», как начало, объединяющее различные центры силы мировой политики [189]. О своей приверженности «многовекторности» заявляет и Узбекистан [191]. Достаточно широкая дискуссия по этому вопросу развернулась в Белоруссии. Так, В. Шадурский в 2010 году подразумевал под многовекторностью «готовность государства сотрудничать со всеми», т.е. с «несколькими, зачастую конфликтующими, центрами силы в данном регионе» [199, р. 50]. В. Стаховский, Ю. Ярмолинский считали, что «многовекторность» – это эмпирический термин, определяющий независимую самостоятельную внешнюю политику, нацеленную на поддержание сбалансированных отношений с ключевыми центрами силы и основными региональными игроками. В понимании авторов – это «множество векторов различной длины и направлений, предопределяющий необходимость развития взаимовыгодных связей Востока и Запада, Севера и Юга» [132]. В 2021 году на VI Всебелорусском народном собрании Президент А.Г. Лукашенко заявил о «концепции многовекторности» республики, как об

«отношениях со всеми странами и союзами на основе принципов равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела; сбалансированных и разнообразных связях с внешним миром». В 2022 году белорусские исследователи Н.М. Межевич и В.В. Шимов предложили понимать под многовекторной политикой склонность средних государств к геополитическому балансированию и многосторонним альянсам [91].

Обратимся к классикам теории международных отношений. Сторонник неореалистского подхода М. Хэнкс определял многовекторную внешнюю политику, как «отношения с другими странами, опирающиеся на прагматическую и неидеологическую основу» [184, р. 259]. Ч. Куик, анализируя сходство многовекторности и политики хеджирования, понимал под первой примыкание или балансирование для обеспечения безопасности государства и максимизации выгоды его правящих элит [186, р. 163].

К исследователям многовекторности можно отнести и Е. Гнедину, подразумевающую под ней «не балансирование и не примыкание, а особый способ постсоветских элит максимизировать собственную выгоду в краткосрочном периоде за счет противоречий крупных держав» [183, р. 1007-1029].

С момента обретения суверенитета (1991 год) для Кыргызстана «многовекторность» всегда была и продолжает оставаться одной из основных характеристик внешней политики республики. В отличие от большинства постсоветских стран она не только прописана, но и имеет определение в концептуальных документах, регламентирующих внешнюю политику Кыргызстана. В частности, в действующей Концепции внешней политики КР под «многовекторностью» понимается «сотрудничество со всеми государствами-членами ООН и международными организациями на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимного уважения интересов» [26].

Общеизвестно, что на всех этапах эволюции внешней политики Кыргызстана, многовекторность провозглашалась одним из основных принципов внешней политики республики. Однако, ее широкое толкование в концептуальных документах страны позволяет подразумевать под ним любое из

существующих научных определений. Фактически же, для Кыргызстана внешне-неполитическая «многовекторность» – это декларация о готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми глобальными геополитическими акторами на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов.

Следующий вопрос, подлежащий исследованию, состоит в том, для чего КР провозглашает «многовекторность», делает это системно и публично? Здесь следует отметить, что на различных этапах новейшего времени Кыргызстан подразумевал под понятием «многовекторность» различные ее виды вследствие различных ситуативных внешне- и внутривекторных условий. Необходимо отметить, что текущее геополитическое противостояние России и США – это не конфликт по поводу российской Специальной военной операции на Украине, а геополитическая борьба по вопросу формирования модели новой системы международных отношений. Россия продвигает «парадигму многополярной синергии цивилизаций», согласующуюся с китайской концепцией Гармоничного мира. В свою очередь, США стремятся сохранить модель «нового гегемонизма», в которой миром должна управлять G7, в которой сами США сохранят лидерство (см. параграф 2.2.). Каждый из трех глобальных геополитических игроков продвигает собственный проект мироустройства. Остальным, малым и средним странам с неизбежностью придется делать выбор. В настоящее время события разворачиваются столь стремительно, что дальнейшее «балансирование» под предлогом «многовекторности» – не самая лучшая внешнеполитическая стратегия.

Об этом все чаще заявляют и большинство экспертов постсоветских стран. К примеру, представители кыргызского общественного фонда «Институт мира и развития Центральной Азии» считают, что противостояние коллективного Запада под руководством США с Россией вынудит Кыргызстан «сделать выбор в вопросах внешней политики, который может кардинально повлиять и на экономическую ситуацию в стране, и на ее внутреннюю политику» [159]. Казахский исследователь Р.А. Юнеман по этому поводу отмечает: в новых условиях

«политика многовекторности может претерпеть значительные изменения. Она может меняться, приближая Казахстан к одному из центров силы или, наоборот, провоцируя конфликт между двумя и более акторами в регионе в ближайшие годы» [158].

Разберем теоретические наработки по рассматриваемому вопросу в связи с фактическими интересами и реальной политикой Кыргызстана. Прежде всего следует отметить, что основные исследования «многовекторности» осуществляются с позиций нелиберального и неореалистического подходов.

1. *Неолиберализм*. Примером использования нелиберального подхода является анализ украинской многовекторности, осуществленный Е. Гнединой [180]. Автор считает, что в провозглашении «многовекторности» заинтересованы правящие политические элиты, руководствующиеся соображениями максимизации личных и собственных полезностей в рамках теории всеобщего рационализма. Это удержание власти, преумножение богатств, гарантия достижения определенной степени автономии от глобальных акторов при принятии внутри- и внешнеполитических решений. Е. Гнедина, опираясь на теории всеобщей рациональности и коллективного выбора, доказывает, что малые и средние государства – рациональные акторы, а их многовекторная внешняя политика представляет собой результат совокупного коллективного выбора политических элит, действующих в рамках значительных внутренних и внешних ограничений.

Идея Е. Гнединой состоит в том, что «многовекторность» – это асимметричные переговорные «игры» между малыми государствами и конкурирующими державами, в результате которых они либо удовлетворяют требования более влиятельных игроков, чтобы ослабить внешнее давление, либо лавируют между ними для достижения уступок и получения более выгодных соглашений с одной или с обоими. Малые государства стремятся усилить переговорную позицию (*bargaining power*) посредством тактического дипломатического маневрирования, преследуя свои собственные цели. Автор перечисляет дипломатические тактики, которые могут применять малые страны в ходе переговоров. К

ним относятся интернационализация спора, как обращение к одной силе для защиты от другой силы; угроза перехода к конкурирующей державе; торговля «лояльностью»; использование ассиметричной информационной стратегии; стратегия вбивания «клина» между конкурирующими внешними игроками и т.д. [180, р. 115]. Практика, как доказательство теории показывает, что такие игры с глобальными игроками с неизбежностью приводят к трагедии и страданиям народов. Примеров тому множество, наиболее наглядными из которых являются Украина, Грузия, Молдова и Армения.

Александр Кули ввел понятие «больших игр по местным правилам», в котором акцент сделан на обусловленности внешней политики малых и средних государств взаимодействием внутренних и внешних сил, имеющих несовпадающие интересы. В качестве целей многовекторности он называл: «сохранение режима, рентоискательство, клиентелизм, сохранение суверенитета и независимости, а также предотвращение доминирования одной из глобальных держав» [170].

В контексте неолиберальной теории общественного выбора (Г. Таллок) рентоискательство или рентоориентированное поведение как цель многовекторности предполагает получение дополнительных доходов участниками рынка сверх их обычных доходов за счет использования политической власти и ее внешнеполитической деятельности [66].

Целью клиентелизма является установление иностранного политического, экономического или военного контроля над национальными элитами и ключевыми институтами гражданского общества национальных государств [149].

2. Неореализм. В соответствии с неореалистической теорией международных отношений внешнеполитическая «многовекторность» провозглашается и используется малыми и средними государствами для обеспечения их безопасности. Она может использоваться под давлением оппозиции, общественного мнения, институтов гражданского общества, СМИ и т.д. Как правило, малые и средние страны в процессах взаимодействия сильных держав, выбирают одну

из двух стратегий: «балансирование» или «присоединение» к одному из глобальных акторов (bandwagoning) [97].

По мнению Рендал Швеллер, который в своих исследованиях исходил из того, что для небольших стран глобальные государства могут представлять собой как возможности, так и угрозы. При наличии внешних угроз малые страны выбирают стратегию «балансирование» во избежание потерь, мотивированную соображениями безопасности, стремлением к самосохранению или защите существующих ценностей. При благоприятном фоне они избирают стратегию «присоединение» к сильному лагерю с целью получения выгод или желаемых ценностей [197].

Другой сторонник неореалистской школы Никола Контесси объясняет использование многовекторной внешней политики малыми государствами взаимодействием их геополитических характеристик и сущностной природой внутриполитических режимов. Он считает, что для малых государств глобальные державы могут дать возможности привлечения помощи, покровительства, престижа и т.д. Но они же могут представлять для них угрозу попадания в политическую, экономическую, военную и прочую зависимость. Автор классифицировал многовекторность по четырем типам задач, для которых она может использоваться. Во-первых, обеспечение национальной безопасности от более сильных государств или их блоков, сохранение суверенитета и независимости. Во-вторых, обеспечение изоляции правящих режимов от системного давления, подрывающего их легитимность. В-третьих, диверсификация поставок и продажи природных ресурсов для увеличения прибыли. В четвертых, содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инвестиций в инфраструктуру и интеграцию в различные глобальные экономические, финансовые и транспортные цепочки [190].

В исследованиях взаимодействия постсоветских стран с глобальными геополитическими акторами считаем необходимым использовать неоевразийский подход. До настоящего времени с его позиций многовекторность внешних политик постсоветских государств не исследовалась. Неоевразийство

представляет собой попытку объединения и интеграции народов, проживающих на территории Евразии на основе идеи ментального, культурологического, идеологического, исторического, политического, экономического и прочего единства славянских и туранских народов. Помимо взаимной выгоды и рационального прагматизма, проистекающего из национального эгоизма, евразийское единство опирается как на истинный, так и на инструментальный альтруизм. Существующие союзнические отношения Кыргызстана и России на основе братства народов не вписываются в западные теории всеобщего рационализма и общественного выбора. Отсюда исходит необходимость нового теоретического осмысления евразийского базиса формирующегося постсоветского геополитического пространства, развития многосторонней экономической и политической интеграции, единения культур и народов, развития общей идентичности и стратегий развития, процессов укрепления региональной стабильности и т.д. Предлагаем условное название – «стратегия цивилизационного объединения (единения)», либо «объединение на основе единства цивилизационных основ и общих политических, экономических, культурологических и духовных целей развития».

Как указывалось выше, цели декларирования малыми и средними государствами многовекторности своей внешней политики исследуются в рамках неолиберального и неореалистического подходов. Опираясь на теории всеобщей рациональности и общественного выбора, неолиберальные исследователи считают, что стратегия многовекторности декларируется в случае заинтересованности в этом внешних или внутренних игроков, включая правящую политическую элиту. Многовекторность декларируется в целях сохранения правящего режима, рентаискательства, клиентелизма, сохранения суверенитета и независимости, а также предотвращения попыток доминирования одной из глобальных держав.

Сторонники неорелизма считают, что малые и средние государства провозглашают многовекторность своей внешней политики стремясь использовать внешнюю среду для обеспечения своей политической, экономической и

военной безопасности. Многовекторность декларируется в целях обеспечения национальной безопасности от более сильных государств или их блоков, сохранения суверенитета и независимости; обеспечения изоляции правящих режим от системного давления, подрывающего его легитимность; диверсификации поставок и продажи природных ресурсов для увеличения прибыли; содействия социально-экономическому развитию через диверсификацию инвестиций в инфраструктуру и интеграцию в различные глобальные экономические, финансовые и транспортные цепочки.

Оба подхода предполагают следующую классификацию стратегий многовекторности: стратегия балансирования, используемая для избежания или минимизации потерь, либо получения преференций от конкурирующих геополитических игроков; стратегия присоединения для получения выгод, либо обеспечения безопасности. Ниже перечислены дипломатические тактики, применяемые малыми и средними государствами в ходе реализации многовекторной внешней политики: асимметричные переговорные «игры», игра на противоречиях, тактика «отложенных проблем» (затягивание переговоров в ожидании более выгодной ситуации), интернационализация споров (обращение к третьей силе для защиты от другой силы), угроза перехода к конкурирующей державе, торговля «лояльностью», использование асимметричной информационной стратегии, стратегия вбивания «клина» между конкурирующими внешними игроками и т.д.

Таким образом, доминирующими парадигмами исследования многовекторности внешних политик малых и средних государств являются неолиберальный и неореалистический подходы. При этом, отношения с Российской Федерацией, как «стратегический вектор многовекторности» Кыргызской Республики не вписываются в западные теории всеобщего рационализма, общественного выбора и безусловного приоритета соображений безопасности, что подтверждает необходимость нового теоретического осмысления формирующегося постсоветского геополитического пространства на основе теории неоевразийства. Отметим, что многовекторность провозглашается одним из

основных принципов внешней политики Кыргызстана. При этом широкое толкование этого понятия в концептуальных документах страны позволяет подразумевать под ним любое из существующих научных определений. Фактически, для Кыргызстана внешнеполитическая «многовекторность» – это декларация о готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми глобальными геополитическими акторами на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов.

3.2. Компаративный анализ позиций Кыргызстана, США и России по добросовестному соблюдению принципов международного публичного права

Компаративный анализ позиций Кыргызстана, США и России по проблематике соблюдения принципов и норм международного публичного права позволит определить степень солидарности, либо расхождения позиции республики с позициями глобальных геополитических акторов.

Для Кыргызстана «общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы» страны. «Уважение общепризнанных принципов и норм международного права» зафиксировано в концептуальных документах, регламентирующих внешнюю политику КР [24, ст. 3]. Такие положения международного права, как «суверенное равенство государств, неприменение силы и угрозы силой, невмешательство во внутренние дела, уважение территориальной целостности и разрешение международных споров мирными средствами» [10, гл. 3] зафиксированы в Концепции внешней политики КР в качестве основы международного сотрудничества республики.

Россия всегда декларировала и соблюдала свою приверженность международному праву. Более того, она признает императивность норм общего международного права (*jus cogens*). Ее внешнеполитический курс основан на «уважении общепризнанных принципов и норм международного права» и признании

факта «верховенство международного права в регулировании международных отношений» [32].

После февраля 2022 года США перестали упоминать даже само понятие «международного права», повсеместно подменив его понятием «правила». Отказываясь давать его трактовку, американцы понимают под «правилами» позицию администрации США по международным вопросам в данный конкретный момент времени. Особый интерес вызывает трактовка американских «правил» российской стороной, которая появилась в Концепции внешней политики РФ. В соответствии с ней «правила» – это «навязанные стандарты и нормы, при разработке которых не было обеспечено равноправное участие всех заинтересованных государств». Причем по мнению РФ, «дальнейшее продвижение концепции миропорядка, основанного на правилах» повлечет «разрушение международно-правовой системы и другие опасные для человечества последствия» [32]. С начала 2023 года США стали называть свои «правила» международными и заявили, что они действуют с момента окончания Второй мировой войны. Следует отметить, что в части отношения к международному праву Кыргызстан имеет общее видение и общую позицию с Россией.

Рассмотрим совпадение, либо расхождение позиций Кыргызстана с позициями и практикой применения основных принципов международного права США и Россией.

Принцип суверенного равенства государств. Данный принцип предполагает равные права и обязанности государств в международных отношениях, выражающиеся в юридическом равенстве; правах полного суверенитета; уважении правосубъектности других государств; неприкосновенности территориальной целостности и политической независимости других; свободе выбора и развития своих политических, социальных, экономических и культурных систем; добросовестном выполнении своих международных обязательств и мирном существовании с другими государствами. Принцип закреплен в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и

сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 года [4].

Как известно, США после крушения СССР вернулись к теории гегемонистской стабильности (Ч.П. Киндлбергер, Р.Г. Гилпин, С.Д. Краснер и др.). Один из первых сторонников этой теории Р. Кеохэйн определял период гегемонии США с 1947 по 1963 годы «длинным десятилетием», в котором доминирование Америки опиралось на материальную силу, экономическую мощь, конкурентоспособность и промышленное превосходство [140]. В 90-х ничто и никто не мешал это десятилетие повторить. К настоящему времени США, пытаясь обосновать свое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, открыто и регулярно заявляют о своем «лидерстве», которое им это право дает. Эта идея регулярно звучит от высокопоставленных представителей американской администрации. Обоснование такой позиции очень простое: если США откажутся от лидерства возникнет вакуум, который заполнит Китай, Россия или Иран, что сделает мир хуже. В октябре 2022 года Госсекретарь США Э. Блинкен в публичной беседе со своим предшественником К. Райс заявил: «У нас простой выбор: если мы не занимаем лидерскую роль, это означает одно из двух: ее занимает кто-то другой, возможно Китай, не в том ключе, который полностью совпадает с нашими интересами и ценностями; или, того не лучше, никто не займет. Тогда получится вакуум, который могут заполнить плохие вещи» [46]. В сентябре 2023 года, выступая на факультете перспективных международных исследований в Университете Джона Хопкинса, Госсекретарь США заявил о том, что «чувство просвещенного собственного интереса издавна лежало в основе лидерства США в его лучшем проявлении» [39]. На саммите АРЭС, накануне встречи с Си Цзиньпином Джо Байден заявил о восстановлении американского лидерства в мире на фоне внутренних проблем Китая: «Председатель Си – один пример того, как восстанавливается американское лидерство в мире», отметив, что у Китая «реальные проблемы» [42]. После встречи с китайским руководством Джо Байден объявил, что Америка претендует на лидерство в Тихоокеанском регионе: «Соединенные Штаты – тихоокеанская держава» [43].

Позиция России в отношении соблюдения принципа суверенного равенства государств диаметрально противоположна позиции США. Она состоит в том, что РФ в своей внешней политике руководствуется принципами «суверенного равенства и уважения интересов друг друга». Более того, формирование справедливого и устойчивого мироустройства, многополярной системы международных отношений, как приоритетное направление внешней политики России, опирается на принципы «суверенного равенства государств, уважение их права выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства, а так же неприятие гегемонии в международных делах» [32, гл. IV].

Действительно, Россия никогда и нигде даже не пыталась угрожать Кыргызстану. Нет ни одного заявления официальных лиц и ни одного документа, содержащих хотя бы намек на неуважение и непризнание равенства с республикой. Напротив, все решения в рамках ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС и т.д. принимаются на консенсусной, равноправной и исключительно добровольной основе.

Со своей стороны, «Кыргызская Республика привержена равноправному сотрудничеству» [26]. Если ранее в республике случаи неуважения национального суверенитета странами Запада не замечались и замалчивались в связи с необходимостью «балансировать», то с февраля 2022 года такие факты категорически неприемлемы как для политического руководства КР, так и для широкой общественности.

Принцип неприменения силы и угрозы силой. Принцип, согласно «которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН» [4].

Здесь следует вернуться к вопросу, поставленному в первой главе исследования. В соответствии с рядом международно-правовых актов (резолюций ГА ООН, материалов и т.д.) понятие «сила» предполагает лишь военную агрессию. Однако, в общем виде «сила» определяется как «способность одного субъекта

международного права влиять на поведение другого в желаемом для себя направлении» [147, с. 172-173]. Россия считает, что в современных условиях политическое, экономическое, дипломатическое и иные виды принуждения могут быть не менее разрушительны, чем применение вооруженной силы [187, р. 172]. Это подтверждается и современной практикой. В связи с этим, под силой понимается применение или угрозу применения вооруженной агрессии, политических, экономических, дипломатических и иных мер принуждения.

Военная сила. В XX веке США развязали двадцать четыре полномасштабных вооруженных конфликтов, а за четырнадцать лет (с 2001 по 2015 гг.) XXI века – девять интервенций. Нет такого вида преступлений, которые бы не использовались США для достижения внешнеполитических целей. Создание террористических организаций (Аль-Каида), покушения и убийства политических лидеров (Фидель Кастро, Уго Чавес, Саддам Хусейн, Муамар Каддафи), террористические акты против инфраструктурных объектов (Северный поток), применение «односторонних экономических мер», политико-дипломатические меры и информационно-психологическое давление (изгояция Ирака, Северной Кореи, Венесуэлы, Кубы, Никарагуа, России и т.д.), организация «цветных революций», заморозка (хищение, воровство) финансовых активов суверенных государств (Иран, Венесуэла, Ливия, Северная Корея, Сирия, Россия) и т.д. и т.п. При этом, в своей деятельности США руководствуются гитлеровским принципом «коллективной ответственности».

Россия определяет «использование военной силы вопреки международному праву» в качестве негативной тенденции современного мира. Она уделяет приоритетное внимание «наращиванию политико-дипломатических усилий, направленных на предотвращение применения военной силы в нарушение Устава ООН», но рассматривает статью 51 Устава ООН как «правовую основу для применения силы в порядке самообороны». Кроме того, Россия может использовать Вооруженные Силы (ВС) для «защиты своих граждан, находящихся за рубежом, борьбы с международным терроризмом и пиратством» [32].

Кыргызстан считает «обеспечение национальной и региональной безопасности» одним из основных приоритетов своей внешней политики. В целях «своевременного реагирования» республика «проводит активную внешнюю политику, объединяет усилия с международными партнерами, в том числе в рамках коллективной безопасности» [26].

Экономическое давление. «Ограничительные меры (санкций) политического или экономического характера» Россия определяет как «недружественные действия». РФ «считает правомерным принятие симметричных и асимметричных мер, необходимых для пресечения этих действий и предотвращения их повторения в будущем» [32].

США и их союзники ввели и продолжают вводить беспрецедентное количество односторонних ограничительных мер (рестрикций) против России с целью «ее ослабления». К концу 2023 года коллективный Запад практически исчерпал свои возможности и сосредоточился на принуждении третьих стран к введению собственных антироссийских ограничений, участию в западной «санкционной кампании», блокировке обхода собственных рестрикций, либо к их учету в своей деятельности. Звучат прямые угрозы применения мер экономического характера (вторичных санкций) в отношении стран, отказывающихся присоединяться к противоправным действиям США и их союзников, противоречащих как принципам международного права, так и правилам ВТО.

Следует отметить, что с началом обострения геополитического противостояния России и коллективного Запада резко активизировалась внешнеполитическая деятельность США и их союзников в третьих странах. Не обошли они своим вниманием и страны Центральной Азии. Их антироссийская экономическая повестка включает два направления: обещание помощи, поддержки и «компенсации убытков» когда-нибудь в дальнейшем и прямые угрозы введения вторичных санкций уже сейчас. В сентябре 2022 года было сделано несколько заявлений, прямо указывающих на стремление администрации США ослабить экономические связи стран ЦА с Россией. Координатор американской «санкционной политики» Джеймс О’Брайен заявил, что США начали работать с

центральноазиатскими странами по вопросам поиска альтернативных маршрутов поставок товаров из региона на внешние рынки в обход России. Заместитель помощника директора Агентства США по международному развитию Анджели Каур публично заявила, что цель США – разъединить экономики Центральной Азии и России. С 28 февраля по 1 марта 2023 года Госсекретарь США совершил визиты в страны ЦА, где состоялись его двусторонние встречи и прошел форум глав внешнеполитических ведомств центральноазиатской пятерки «С5+1», на котором прозвучали как угрозы, так и обещания «поддержки и помощи». Неоднократно приезжали представители американской администрации и в Кыргызстан. Так, Республику посетили заместитель госсекретаря США по вопросам гражданской безопасности, демократии и прав человека Узра Зейя, помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Дональд Лу. США открыто и прямо угрожают масштабированием санкционного режима. Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями и Бюро промышленности и безопасности при Минторге США выпустили совместное предупреждение, в котором Кыргызстан и другие страны региона названы вероятными перевалочными пунктами для поставки подсанкционных товаров в Россию. Следовательно, полагается, что эти страны находятся под «более пристальным вниманием» со стороны американской администрации [90]. 19 сентября 2023 года в ходе сессии ГА ООН состоялся первый президентский саммит в формате С5+1. Джо Байден обещал странам ЦА поддержку в решении проблем обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом и правоохранительной деятельности, торговли и инвестиции, развития региональных связей, уважения суверенитета, сохранения территориальной целостности, реформирования для улучшения управления, верховенства закона, устойчивости и процветания стран [41].

В мае 2023 года США перешли от угроз к практическим акциям устрашения в отношении юридических лиц Кыргызстана. Тогда США впервые ввели санкции против кыргызстанской фирмы «Tro.Ya», зарегистрированной в Токмаке (Чуйская область), по «подозрению в помощи России в уклонении от западных санкций» [74] посредством поставки электронных компонентов и

навигационного оборудования. Американское Министерство Юстиции внесло эту кыргызскую компанию и еще 70 других фирм в список юридических лиц, помогающих российским военному и оборонному секторам.

В газете «Washington Post» появилась статья, в которой утверждалось, что посольство КР в Вашингтоне признало поставки в обход санкций. Однако, в посольстве отмечали, что критики не учли «реальный экономический контекст» взаимоотношений Кыргызстана и России, поскольку обе страны состоят в Евразийском экономическом союзе. «В целом, Россия является одним из наших основных торговых партнеров... Более миллиона наших граждан работают в этой стране» - заявило посольство Кыргызстана. 14 мая министр иностранных дел Кыргызстана Ж. Кулубаев сообщил, что Бишкек продолжит сотрудничество с Москвой, несмотря на угрозы Запада о введении вторичных санкций: «Мы стратегические партнеры, у нас нет никаких препятствий для сотрудничества. Ну, говорят наши западные партнеры о возможных санкциях. Но мы же тоже следуем своим правилам, и никаких проблем я не вижу» [142]. При этом, уже 2 июня 2023 года на саммите «Центральная Азия – Европейский союз» президент Кыргызстана Садыр Жапаров заявил, что страна открыта к диалогу с ЕС для обсуждения санкций. Он отметил, что «с понимаем» относится к просьбам европейских партнеров соблюдать санкции [142].

В начале июля 2023 года казахская таможня изъяла 14 дронов DJI Agras T30 у кыргызской компании «Импульс-Инвест», под предлогом отсутствия лицензии на их экспорт. Это сельскохозяйственные дроны, которые потенциально могут быть использованы для военных целей, поскольку способны переносить грузы весом до 30 кг. Позже дроны выставили на торги, оценив их стоимость в 83,6 млн. тенге (193 тыс. долларов). Премьер-министр Кыргызстана С. Жапаров заявил, что казахская сторона не предоставила никаких доказательств принадлежности беспилотников к Кыргызстану. Государственный комитет нацбезопасности Кыргызстана сообщил, что начал расследование реэкспорта запрещенных товаров в Россию [142].

18 июля администрация президента США Джо Байдена объявила о принятии новых «экономических мер» в отношении Кыргызстана для предотвращения поставок в Россию подсанкционных товаров. 20 июля 2023 года Министерство финансов США о санкциях в отношении четырех кыргызстанских компаний из-за поставок России подсанкционных товаров. Ограничительные меры введены против компаний RM Design and Development, ГТМЕ Технологии, Прогресс лидер и Карголайн. В этот же список американского Минфина попали российские компании Базис Трейд Прософт, Радиотехснаб, Регион-проф, Технологии, системы и комплексы и СиАйСи, которым кыргызстанские компании осуществляли поставки [135]. Представитель Минфина заявил: «С момента начала полномасштабного вторжения в Украину предприятия, расположенные в Кыргызстане, экспортировали в Россию контролируемые электронные компоненты и иные технологии. Некоторые из этих поставок в дальнейшем включали чувствительные товары двойного назначения для предприятий российского оборонного сектора». Чиновники администрации президента Джо Байдена заявили, что санкции против кыргызстанских компаний были введены после нескольких месяцев «бесплодных визитов» ряда американских и европейских дипломатов в Бишкек. «Хотя Кыргызстан и небольшая страна по сравнению с другими, на его примере хорошо видны все факторы, при помощи которых создается неприемлемо благоприятная среда для обхода санкций».

В ответ посольство КР в Вашингтоне отметило, что власти страны привержены соблюдению международных норм и борьбе с контрабандой и другой незаконной торговлей, а рост торговли с Москвой объясняется улучшением электронных систем для отслеживания движения товаров. Премьер-министр Кыргызстана А. Жапаров заявил, что кыргызская сторона пытается не допустить реэкспорта санкционных товаров в Россию: «Меры будут приниматься в дальнейшем, чтобы санкционные товары не пересекали нашу границу и, тем более, не уходили туда, где есть санкции», – сказал он [135].

Фактически, проблема выглядит следующим образом: опираясь на свои национальные правовые акты, США запрещают суверенному субъекту

международных отношений глобального уровня (Китаю) торговать с другим суверенным субъектом международных отношений (Россией) и наказывают за посредничество третий суверенный субъект – Кыргызстан. При этом, США пытаются подменить международное право своей национальной юрисдикцией, распространяя ее на весь мир. Никто из серьезных западных ученых даже не пытается это хоть как-то обосновать. Западные политики и публицисты заявляют, что это право дано США богом, наделившим Град на холме мессианской миссией, а также предопределено их политическим, экономическим и военным лидерством на земле.

Кыргызстан и Казахстан находятся в сложной ситуации. Осознавая, что США не просто угрожают применением силы, но и не задумываясь могут ее применить, обе страны в данном конкретном случае используют стратегию многовекторности, именуемую «балансированием для обеспечения безопасности». Проблема в том, что у обеих стран отсутствуют правовые основания для поддержки американских антироссийских рестрикций. Но есть правила ВТО, ЕАЭС, СНГ и ШОС, которые не предполагают ограничений. Ссылка Казахстана на необходимость лицензирования товаров двойного назначения несостоятельна вследствие размытости самого понятия. Двойное назначение имеют и зубочистки, которыми пользуются военнослужащие в зонах боевых действий. Ссылка Кыргызстана на Правила экспортного контроля также является несостоятельной. В Законе КР под продукцией двойного назначения понимается продукция, которая может быть использована при «создании вооружения и военной техники» [20]. Однако в Кыргызстане просто нет экспертов, способных дать профессиональное заключение о том, может ли микросхема от микроволновки быть использована в производстве дронов.

Сохраняя выдержку, Россия с пониманием относится к ситуации и не заявляет о «недружественности» отдельных действий своих союзников по ЕАЭС и ОДКБ. Также РФ не принимает никаких ответных (симметричных или ассиметричных) мер на основе принципа взаимности.

Принцип невмешательства во внутренние дела. Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом ООН не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства, предполагает право государств самостоятельно выбирать свою политическую, экономическую, социальную или культурную систему без вмешательства со стороны других государств. Никто не имеет право вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого, вмешательство или угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права [4].

Сравним подходы России и США по соблюдению прав человека в КР для определения степени соблюдения глобальными акторами принципа невмешательства во внутренние дела республики.

Россия выражает обеспокоенность по вопросу соблюдения «прав человека» лишь в исключительных случаях, если в Кыргызстане, по ее мнению, нарушаются права «соотечественников». Тогда Россия использует дипломатические и установленные национальным законодательством правовые инструменты, позволяющие эти права защитить.

Вмешательство США во внутренние дела Кыргызстана под предлогом защиты прав человека можно наглядно проследить по Докладам Госдепартамента США по правам человека в КР, регулярно и «транспарантно» размещаемых на сайте их посольства в республике. К примеру, в Докладе от 2020 года США отмечают «тревожный откат» Кыргызстана в деле защиты прав человека. Они считают «серьезными поводами для беспокойства»: гибель Азимжана Аскарова, которого США называют «известным политическим заключенным»; предполагаемые США пытки и экстрадицию узбекского журналиста; некие «безнаказанные нападения ультранационалистических групп на представителей гражданского общества»; преследование ГКНБ всего «гражданского общества и СМИ»; «применение ГКНБ и правоохранительными органами пыток» и «отсутствие ответственности» за них.

США указывают Кыргызстану на то, что в стране есть следующие «серьезные проблемы с правами человека: суровые и опасные для жизни условия содержания в тюрьме; произвольный арест, преследование и заключение под стражу политических заключенных; отсутствие независимости судебной власти; серьезные ограничения на свободу выражения мнений, прессы и Интернета, включая насилие, угрозы насилия, необоснованные аресты или преследования журналистов, цензура и блокировка сайтов; высылка беженцев в страну, где они столкнутся с угрозой своей жизни или свободе; значительные акты коррупции; отсутствие расследования и привлечения к ответственности за насилие в отношении женщин; торговля людьми; преступления, связанные с насилием или угрозами насилия в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов и безнаказанность за гендерно обусловленное насилие; значительные ограничения свободы объединений работников; наихудшие формы детского труда; бездействие руководства Кыргызстана, выраженное в отсутствии расследований и привлечений к ответственности или наказанию должностных лиц, нарушающих права человека и коррупционной деятельности» [7].

В отличие от России США используют тему «защиты прав человека» в качестве прямой угрозы политического, экономического или военного характера для достижения целей, соответствующих их собственным национальным интересам. Любая из вышеперечисленных претензий может послужить поводом для осуществления США так называемой «гуманитарной интервенции». Так, в различные годы под предлогом защиты прав человека эти интервенции США провели в Конго, Доминиканской Республике, Гренаде, Панаме, бывшей Югославии, Косово, Ираке и т.д. Их последствия широко известны.

Единственным международным органом, обладающим международным мандатом на проведение мониторинга по соблюдению прав человека в суверенных странах, является Комитет по правам человека ООН, из которого в 2018 году США демонстративно вышли, заявив о беззубости этой организации. Аналогичным образом в тот же период времени они вышли из Парижского

соглашения по климату, ядерного соглашения с Ираном, ЮНЕСКО и отказались от участия в глобальном договоре о миграции.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что, с одной стороны, Кыргызстан имеет солидарную позицию с Россией по признанию и соблюдению всех принципов и норм международного права без каких-либо исключений и оговорок. С другой стороны, позиция Кыргызстана полностью расходится с позицией США, подменяющих само понятие «международного права» собственными «правилами» и допускающих нарушение любых принципов, если они противоречат американским национальным интересам. Позиции Кыргызстана и США расходятся, как по подходу к императивности норм международного права, так и по оценке правомерности практической деятельности акторов американской внешней политики в республике. Кыргызская Республика не приветствует действия США и их союзников, прямо противоречащие принципам международного права, никогда не признавала ни «право лидерства» США, ни их «мессианскую» роль по обеспечению стабильности мирового порядка. При этом, отсутствие реакции на вмешательство в свои внутренние дела США и их союзниками объясняется стремлением республики обеспечить политическую, экономическую и военную безопасность от их агрессивных и противоправных действий посредством использования такой стратегии многовекторности, как «балансирование».

3.3. Трансформация стратегии «многовекторности» внешней политики Кыргызстана в новейшее время

Далее рассмотрим эволюцию многовекторности внешней политики Кыргызской Республики с момента обретения суверенитета по настоящее время. В своем развитии она прошла несколько этапов и подэтапов.

С момента обретения Кыргызстаном суверенитета в 1992 году правовым базисом внешнеполитической деятельности республики стала Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан, в котором излагались

основы дипломатического курса республики. Это был первый законодательный акт, в котором провозглашалась «приверженность КР общепризнанным принципам международного права, принципам дружбы и сотрудничества между народами, соблюдению принятых на себя обязательств и недопущению конфронтации в международных отношениях» [19]. Главные принципы внешней политики республики были закреплены в первой Конституции Кыргызстана [23]. Согласно ей, основу внешней политики КР составляют, в числе прочих, «стремление к взаимовыгодному сотрудничеству» [105]. В обоих вышеуказанных документах декларировалась многоплановость, как предшественница «многовекторности» внешней политики. Этап становления и презентации мировому сообществу внешней политики Кыргызской Республики завершился принятием 17 мая 1999 года первой Концепции внешней политики Кыргызской Республики. Н.М. Омаров охарактеризовал его «как период выработки и апробации основ внешнеполитического курса». Начался этап «закрепления и дальнейшего развития уже достигнутых результатов» [168].

В тот период необходимость введения в оборот понятия «многовекторности», как политики Кыргызстана в системе взаимодействия глобальных акторов, просто была неактуальна. Возвышение Китая еще не началось, Россия только начинала осознавать свою глобальную роль, а США уже не сомневались в незыблемости своего гегемонизма.

Период турбулентности, когда малым и средним государствам постсоветского пространства пришлось разрабатывать собственные стратегии «многовекторности», начался в 2001 году. В сентябре этого года в Нью-Йорке произошли террористические акты, в которых США обвинили «Аль-Каиду», назвав её террористической организацией. В кратчайшие сроки американцы ввели в политический и научный оборот понятие «международный терроризм» и под предлогом борьбы с ней на протяжении более чем двух десятилетий США решали свои внешнеполитические задачи, к терроризму не имеющие никакого отношения.

Впоследствии были проведены множественные расследования, результаты которых поставили под сомнение участие в террористических актах «Аль-Каиды» и доказавшие роль самих США в их организации. Однако, в сентябре 2011 года картинка была слишком впечатляющая. В американскую антитеррористическую коалицию вошли 65 стран, включая Россию, Кыргызстан и другие постсоветские страны. Печальный опыт борьбы с терроризмом уже был у России в ходе чеченских компаний, а у Кыргызстана – когда на территорию Баткенской области в 1999-м и 2000 годах проникли десятки боевиков Исламского движения Узбекистана.

В декабре 2001 года в районе международного аэропорта Манас была открыта авиационная база «Ганси» (впоследствии «Манас»², позже переименованная в Центр Транзитных перевозок). Декларированная американцами цель открытия базы – «обеспечение действий американских войск в Афганистане». База принимала военно-транспортные самолеты и стратегические бомбардировщики. Первоначальный срок аренды «на период активной фазы операции» закончился через два месяца, но был продлен до одного года. Затем на три года с возможностью пролонгации договора аренды. Потом о сроках аренды руководство КР уже не упоминало. Торжественно проводить американцев удалось лишь спустя тринадцать лет – 3 июня 2014 года.

В том же декабре 2001 года «для проведения поисково-спасательных и гуманитарных операций в Афганистане» [150] в Республике Узбекистан была открыта авиационная база в Карши-Ханабаде (K2) в пятистах километрах от Ташкента. Туда была переброшена эскадрилья военно-транспортных самолётов С-130, вертолёты Black Hawk и полторы тысячи военнослужащих. Интенсифицировалось и военно-техническое сотрудничество между США и Республикой Казахстан. В соответствии с договором о двухстороннем сотрудничестве

² Манас – авиабаза ВВС США в КР, расположенная на территории международного аэропорта «Манас» в 23 км. северо-западнее столицы Кыргызстана г. Бишкек. Авиабаза первоначально была названа в честь руководителя нью-йоркской пожарной службы Питера Ганси, погибшего во время проведения спасательных операций после террористической атаки 11.09.2001г. во Всемирном торговом центре. Впоследствии руководство ВС США переименовало авиабазу «Ганси» в авиабазу «Манас», т.к. согласно американскому законодательству военные базы за пределами США не могут быть названы в честь американских граждан.

американцы поставили Казахстану вертолеты, военно-транспортные самолеты, военные суда и ряд другой техники. Аналогичную активность Пентагон проявил в Грузии, Таджикистане и Туркмении.

В августе 2002 года был опубликован аналитический материал С. Блэнка «Реструктурируя Внутреннюю Азию», в которой осуществлена попытка обосновать для стран ЦА необходимость развития стратегии Великого Шелкового пути. С. Блэнк писал о том, что «магистрализация пространств бывшей советской Средней Азии и приграничных с ней территорий – это единственная возможность политических, экономических и социальных преобразований, способных ликвидировать географическую замкнутость, способствующую сохранению здесь социально-экономической отсталости и неэффективных политических режимов». В феврале 2004 года стал доступен общественности расширенный доклад американского Института анализа внешней политики (Institute for Foreign Policy Analysis), составленный Ж. Дейвис и М. Свини: «ЦА в стратегии США и оперативном планировании: куда мы направляемся?» [178]. В этом документе рассматривался «комплекс проблем, касающихся обстановки в Центральной Азии и путей закрепления США в этом регионе в соответствии с американскими интересами и военно-оперативными приоритетами» с целью «выработать стратегию и изучить принципиальные политические и военные факторы, которые должны быть приняты во внимание при разработке долгосрочного плана проникновения США в ЦА». Предлагалось, в том числе, «пересмотреть соглашения и разработать долгосрочный план по проникновению США в ЦА». В шестой главе документа администрации США рекомендовалось создание и закрепление в странах ЦА военных баз и оперативных пунктов: в Узбекистане – РУ авиабазу Карши-Ханабад (К2) и аэродром Тузел; в Кыргызстане – авиабазу «Ганси»; в Таджикистане – военные базы Хорог, Курган Тюбе и Пархар; в Казахстане – авиабазы в Чимкенте, Луговой и Алма-Аты; в Туркмении – авиабазу Мары, «идеально расположенную с точки зрения перспективного военного планирования» [214]. Последняя «база была бы полезна не только в контексте операций в Афганистане, но дала бы возможность использовать ЦА как

«запасной выход» для проникновения в Персидский залив» [164, с. 337]. США начали продвигать концептуализацию геопространственного определения региона «Большой Центральной Азии», начатую американскими политологами еще в 90-е годы XX века [84, 107, 165, 174]. Этот проект, наряду с проектом TRACECA³, реализуемым в тот период Европейским Союзом и поддерживаемым США, давал России четкое представление о перспективе полной утери связей с регионом [83].

Руководство РФ, вполне осознавая реальность такой угрозы, постепенно приходило к пониманию необходимости принимать ответные меры. Бесспорно, что именно в этот период начался первый этап американо-российской геополитической конкуренции, который к настоящему времени перерос в открытое геополитическое противостояние.

Во взаимодействии России с Кыргызстаном наметилось заметное охлаждение отношений. Вероятно, проамериканская база была открыта в Кыргызстане без согласования с союзниками по Договору о коллективной безопасности. Это предположение подтверждается тем, что в течение почти двух лет между странами не было организовано ни одного государственного, официального или рабочего визита первых лиц.

Первоначально, Россия предлагала США собственные военно-логистические базы, которые могли бы позволить США обеспечивать свой воинский контингент в Афганистане без дополнительных инвестиций в переоборудование

³ Программа ТРАСЕКА была создана в виде межгосударственной программы, в качестве составной части программы финансирования ТАСИС (программа Европейской Комиссии для гос-в СНГ), на Брюссельской конференции 3.05.1993 г. с участием министров транспорта и торговли Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Армении, Азербайджана и Грузии. Стороны согласились внедрить программы Технического Содействия, финансируемые ЕС для развития транспортного коридора по направлению Запад – Восток из Европы, с пересечением Черного моря через Кавказ и Каспийское море, с выходом на ЦА. К документу позже присоединились Болгария, Молдова, Румыния, Турция и Украина. «Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия» подписано 12 странами региона (Республика Армения, Республика Азербайджан, Республика Болгария, Грузия, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Румыния, Республика Таджикистан, Республика Турция, Украина, Республика Узбекистан) в Баку, 9.09.1998 г. КР официально вступила в программу 01.2000 г. 17.06.2009 г. региональным директором проекта ТРАСЕКА назначен экс-губернатор Ошской области КР Ж.Сатыбалдиев. В 2009 г. КР председательствовала в межправительственной программе ТРАСЕКА. До 2004 г. деятельность МПК ТРАСЕКА финансировал ЕС, а с 2004 г. ЕС принял решение о финансировании деятельности МПК ТРАСЕКА самими государствами-участниками. С 1993 по 2008 гг., в рамках программы инициированы 58 проектов (в том числе 44 проекта тех. содействия и 14 инвестиционных проектах), на общую сумму 120,13 млн. евро. В 2008-2009 гг. КР участвовала в 7 региональных проектах на сумму более 1 млн. евро. [143]

инфраструктуры, которое было необходимо на авиабазе в КР. США никак не реагировали на настойчивые и неоднократные российские предложения. Тогда, 14 мая 2002 года был преобразован в полноценную международную организацию Договор о коллективной безопасности, которая стала именоваться Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). 7 октября 2002 года в Кишинёве были подписаны Устав и Соглашение, ратифицированные впоследствии всеми государствами-членами ОДКБ и вступившие в силу 18 сентября 2003 года.

23 октября 2003 года в кыргызском городе Кант была открыта авиабаза ОДКБ «Кант». Фактически, эта база входит в состав 2-го командования ВВС и ПВО Центрального военного округа РФ. Помимо авиационного крыла она включает торпедный испытательный полигон в селах Кой-Сары и Кара-Булун на Иссык-Куле, узел связи в Чалдыбаре и сейсмический центр в Майлуу-Суу. Её задача состоит в обеспечении воздушной безопасности центральноазиатских стран ОДКБ, а также оказание авиационной поддержки их воинским формированиям в случае осуществления ими наземных боевых операций. База обеспечивает воздушную безопасность всех стран ЦА и до настоящего времени. При этом, вооружение и обеспечение жизнедеятельности базы обеспечивается Россией за свой счет. Отношения между Россией и Кыргызстаном вернулись в конструктивное русло, основанное на множественных дружеских связях. Однако, возникла уникальная ситуация, когда на территории одной страны, на расстоянии тридцати километров друг от друга располагались военные базы двух потенциальных противников – США и России.

В это время для Кыргызстана идея «многовекторности» перешла из разряда темы научных дискуссий в разряд практической внешней политики. Теперь от искусства дипломатов и гибкости руководства страны стала зависеть её безопасность, стабильность и потенциальное развитие. В связи с этим, в 2003 году была принята новая Концепция внешней политики КР, задачами которой провозглашались «укрепление дружественных связей с высокоразвитыми странами Запада и Востока; развитие добрососедских отношений с сопредельными

государствами; укрепление СНГ; развитие сотрудничества со всеми международными организациями, институтами, развивающимися странами и странами переходного периода» [144]. В дальнейшем, Президент КР А. Акаев проводил политику «многовекторности», пытаясь сохранять позитивную направленность отношений, как с Россией, так и с США.

Таким образом, период с 2001 по 2005 год характеризуется началом геополитической конкуренции глобальных акторов в Кыргызстане. Республика избрала стратегию «многовекторности» в виде «балансирования для избегания или минимизации потерь» и содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инвестиций и интеграцию в различные экономические цепочки. Но, на тот момент США требовали от республики безусловного подчинения всем своим требованиям, соответствующим их национальным интересам. Не получив желаемого в полном объеме, они приложили значительные усилия для поддержки оппозиции, которые, в конечном итоге, привели к государственному перевороту и смене режима.

Следует отметить, что дипломатические стратегии России и США, реализуемые в национальных государствах, имеют значительное различие. Так, Россия работает исключительно с официальной властью, а США – одновременно со всеми политическими силами, включая оппозицию, чья деятельность официальными властями запрещена. Это позволяет США оказывать давление на правящую элиту и иметь свои креатуры во власти при любом политическом раскладе. В этом контексте не были исключением и действия США в Кыргызстане того периода.

22 марта 2000 года был арестован один из видных политиков Ф.Ш. Кулов. Уже 17 апреля в КР прибыла Госсекретарь США Мадлен Олбрайт, в повестке визита которой входил и вопрос освобождения политика от уголовного преследования. На удивление общественности страны, власть впервые проявила твердость и отказала США в их требованиях, расценив их грубым вмешательством во внутренние дела. 22 января 2001 года Ф. Кулов был осуждён на 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением звания генерал-

лейтенанта за злоупотребление служебным положением на посту мэра Бишкека и министра национальной безопасности.

Позже, в 2004 году в ходе подготовки и проведения в КР президентских выборов на руководство республики было оказано прямое давление. В своем диссертационном исследовании А.Б. Бейшеналиев отмечает, что «в конце XX и в начале XXI вв. политика США в постсоветской Центральной Азии проводилась на основе идей атлантизма, направленных на мировую гегемонию; установление «нового мирового порядка» под их управлением. Для осуществления своих стратегических интересов в Центральной Азии США реализовали в регионе проекты политического, военно-политического, экономического и гуманитарного направления» [210]. Автор доказал: «чтобы прочно утвердить свою стратегическую позицию в постсоветском регионе Центральной Азии, США оказывали военное и политическое давление. Помимо этого, Вашингтон использовал свои политико-дипломатические, экономические и гуманитарные возможности» [209].

К примеру, 13 октября посол США в Кыргызстане Стивен Янг выразил надежду, что А. Акаев не будет баллотироваться в четвертый раз. 10 декабря А. Акаев обвинил оппозицию в финансировании иностранным капиталом и в использовании «грязных» политтехнологий. В то же время лидер оппозиционной партии «Ата-Журт» («Отечество») Р. Отунбаева призвала Россию прекратить поддержку президента А. Акаева. В феврале 2005 года конгресс США принял резолюцию по ситуации в странах Центральной Азии, в ультимативной форме потребовав от властей КР освобождения из тюрем «всех арестованных за мирную политическую деятельность», в том числе, Ф. Кулова. 28 февраля этого же года европейские наблюдатели от БДИПЧ ОБСЕ и Европейского парламента заявили, что состоявшиеся в КР выборы не соответствуют международным нормам. Они указывали на попытки давления и подкупа избирателей со стороны президента, при этом, не предоставив никаких доказательств [55].

24 марта 2005 года произошли известные события, приведшие к насильственной смене власти и бегству А. Акаева. На волне протестных выступлений

Ф. Кулов был освобожден. Начинаясь разгул мародерства, к нейтрализации которого активно и успешно включился Ф. Кулов, став одним из лидеров захватывающей власть оппозиции. В ночь с 24 на 25 марта состоялось экстренное заседание парламента, где Ф. Кулов был назначен координатором всех силовых структур КР [148].

В ходе президентских выборов 10 июля 2005 года Президентом КР был избран К.С. Бакиев. Во время его правления «многовекторность» внешней политики страны начала принимать новое содержание и новую форму. Наиболее наглядно это прослеживается при анализе событий вокруг американской военной базы в КР. Практически сразу после первой инаугурации К.С. Бакиева (14.08.2005 года) в качестве Президента КР страну посетила государственный секретарь США Кондолиза Райс. В результате её визита и переговоров на авиабазу «Манас» были передислоцированы американский контингент и военнотранспортные самолёты, выведенные с авиабазы Карши-Ханабад в Узбекистане [150]. В мае 2006 года К.С. Бакиев заявил о намерении повысить арендную плату за использование авиабазы с 15 до 207 млн. долларов США. После длительных переговоров было подписано соглашение, по которому США обязались ежегодно оказывать помощь КР на сумму 60 млн. долларов, включая арендную плату. На развитие инфраструктуры аэропорта республика получила ещё 110 млн. долларов. В 2007 году Конгрессом США дополнительно была выделена единовременная помощь КР на 150 млн. долларов [131, с. 45].

Транспарентность американской дипломатии указывает на то, что К.С. Бакиев долго торговался, как с Россией, так и с США. Об этом свидетельствуют документы (депеша посольства США в КР) американских дипломатов, опубликованные впоследствии на ресурсе WikiLeaks, согласно которым переговоры о базе начались ещё в октябре 2008 года. В настоящее время переписка высокопоставленных чиновников США и КР находится в открытом доступе и её подлинность не вызывает сомнений.

29 января 2009 года посол России в Кыргызстане объявил, что РФ собирается предоставить экономическую помощь КР на сумму в 2,5 млрд. долларов.

В то же время, 2 февраля 2009 года, глава администрации президента Д. Усенов и глава МИД КР Сарбаев передали послу США список требований, исполнение которых позволило бы США сохранить базу. Эти требования включали: списание внешнего долга КР в сумме 1,8 млрд. долларов; оплату США задолженности по арендной плате на сумму 150 млн. долларов; изменение статуса базы на «транспортный и логистический центр», охрану исключительно службами КР; перенос базы в Ош; выделение 2 млрд. долларов на создание совместного предприятия по строительству энергетического коридора «Юг-Север»; повышение ежегодной арендной платы до 300 млн. долларов; выделение КР кредита в 500 млн. долларов под 0,75% в год на 40 лет с отсрочкой выплат в первые десять лет; выделение компенсации семьям А. Иванова (застреленного военнослужащим США) и Ясынова (сбитого автомашиной американского дипломата) в сумме 1 млн. долларов каждой. США сочли эти требования чересчур завышенными и использовали «политику отмалчивания после нереалистичных требований» для того, чтобы в дальнейшем договориться о «приемлемой» цене в 450 млн. долларов [152].

В начале февраля 2009 года состоялись переговоры Президента Кыргызстана К. Бакиева с Президентом России Д. Медведевым. Стороны договорились о выделении Кыргызстану льготного кредита 2,15 млрд. долларов (сумма, сопоставимая со всем внешним долгом республики на тот момент), безвозмездной помощи на 150 млн. долларов и списании долга в 180 млн. долларов. Кредиты состояли из инвестиций на строительство Камбаратинской ГЭС и покупку оборудования (о ГЭС было подписано отдельное соглашение), а также на «развитие экономики» по ставке 0.75% годовых и сроком погашения в 40 лет [103].

После этих переговоров К. Бакиев заявил, что Правительство КР приняло решение закрыть американскую военную базу из-за «нерешённых вопросов экономической компенсации, которую должны выплатить США и убийства гражданина Кыргызстана американским военнослужащим» [76]. И действительно, 19 февраля 2009 года Жогорку Кенеш КР принял решение о денонсации

договора с США и уже 20 февраля закон о денонсации соглашения был подписан.

Следует отметить, что Россия начала выполнение своих обязательств и Кыргызстан получил 300 млн. долларов в строго оговоренные сроки. Однако, эти средства были направлены не на «развитие экономики» или «финансовую стабилизацию», а переведены на счета ЦАРИ (Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, возглавляемое сыном экс-президента М. Бакиевым) и размещены на депозитных счетах нескольких коммерческих банков республики. КР получила и обещанную безвозмездную помощь в 150 млн. долларов. Своевременно началась процедура списания внешнего долга и поступили первые транши инвестиций на строительство Камбаратинской гидроэлектростанции.

Сразу после этих событий, 2 апреля 2009 года начались переговоры совместной делегации Государственного департамента и министерства обороны США во главе с Джексоном Дональдом и руководства КР [152]. Детали переговоров малоизвестны, но 22 июня 2009 года КР и США подписали новое соглашение, по которому авиабаза была перепрофилирована в Центр транзитных перевозок, то есть изменилась лишь вывеска при сохранении целей, задач, штата базы [88]. Через месяц, 23 июля 2009 года, К. Бакиев переизбран на второй президентский срок.

Россия не стала высказывать свою позицию так же, как и не стала требовать возврата выделенных средств. Между тем, РФ перестала предоставлять КР освобождение от акцизов на светлые нефтепродукты, вызвав резкое повышение цен на бензин в республике. Одновременно российские СМИ начали планомерное разоблачение коррупционных схем Максима Бакиева и его окружения. Для общественности КР деятельность клана Бакиевых не была секретом. Однако тот факт, что обличения звучали из уст проправительственных российских журналов, послужил сигналом для оппозиции, что К.С. Бакиев становится «нерукопожатной фигурой» для РФ.

Формальным поводом для начала беспорядков в КР стало кратное повышение тарифов на свет, газ и другие, жизненно необходимые гражданам блага. 6 апреля 2010 года, оппозиционно настроенные люди после митинга захватили здание областной администрации города Талас и группами начали прибывать в Бишкек. Уже 7 апреля правительство КР ушло в отставку, а президент страны бежал из Бишкека на юг республики. Оппозиционные партии сформировали временное «правительство народного доверия» (сроком на полгода до организации демократических выборов) во главе с бывшим министром иностранных дел Р. Отунбаевой, которая заявила что «власть в республике полностью находится в руках оппозиции» [53].

Позже, руководство РФ дало оценку кровавым событиям 7 апреля в Бишкеке. В частности, Д. Медведев сказал, что «крах режима Бакиева связан с его неспособностью обеспечить социально-экономическое развитие страны, учитывающее интересы народа Кыргызстана, с коррупцией, клановостью и семейственностью режима». В. Путин заявил, что «Бакиев наступил на те же самые грабли, что и его предшественник А. Акаев» [152].

Вышесказанное подтверждается и выбором экс-президентом К. Бакиевым внешнеполитических приоритетов, отраженный в Концепции внешней политики от 2007 года. При реализации внешней политики К. Бакиев руководствовался только «прагматизмом», направленным на решение внутренних задач. Не было в этой Концепции ни сбалансированности, ни открытости, ни многовекторности и ни последовательности [25].

Таким образом, «многовекторность» экс-президента К. Бакиева привела к тем же результатам, что и «многовекторность» его предшественника А. Акаева. Она представляла собой «балансирование для получения дополнительных личных, собственных и общественных выгод за счет использования политической власти и внешнеполитической деятельности», то есть «рентоориентированную» внешнеполитическую стратегию. Однако, смене власти в Кыргызстане способствовала не сама стратегия, а дипломатические тактики «игры на противоречиях» глобальных геополитических акторов в целях получения личных

выгод от обоих, угрозы перехода к конкурирующей державе и торговли «лояльностью». Однако, смене власти в Кыргызстане способствовало применение дипломатических тактик «игры на противоречиях», «угроз перехода к конкурирующей державе» и «торговли лояльностью» с целью получения личных выгод от глобальных геополитических акторов (РФ и США).

Следующая трансформация стратегии «многовекторности» внешней политики Кыргызстана произошла при правлении Р. И. Отунбаевой, которая в результате насильственного свержения власти К. Бакиева заняла пост председателя временного правительства с 7 апреля по 17 декабря 2010 года, а с 3 июля 2010 по 1 декабря 2011 года – пост Президента переходного периода. Россия поддержала временное правительство, проявив тем самым свое отношение к свергнутому режиму Бакиева. При этом, и США в лице государственного секретаря США Х. Клинтон выразили поддержку временному правительству КР, предложив ему гуманитарную помощь [155].

В июне 2010 года на юге Кыргызстана вспыхнул кровавый межэтнический конфликт и Р. Отунбаева обратилась к президенту РФ с просьбой «оказать срочную помощь в установлении мира, стабильности и конституционного порядка в зоне межэтнического конфликта путем введения российских военных миротворческих сил». Россия, руководствуясь принципом «невмешательства во внутренние дела» ООН заявила, что «это внутренний конфликт, и у нее нет правовых оснований для участия в его урегулировании. Однако, решение о направлении в КР миротворческих сил ОДКБ может быть принято, но только в соответствии с уставом ООН и после консультаций со всеми государствами-участниками этой организации» [50].

После соблюдения всех процедур в устав ОДКБ были внесены положения, согласно которым «в случае возникновения угрозы стабильности государств-участников» ОДКБ «незамедлительно приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций, вырабатывают и принимают меры по оказанию помощи таким государствам-участникам в целях устранения возникшей угрозы» [17]. В последующем, эта поправка была

успешно применена в январе 2022 года в Казахстане. Операция ОДКБ проводилась по запросу президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в связи с массовыми протестами и вооружёнными столкновениями протестующих с правительственными силами. Миротворческая миссия ОДКБ позволила правоохранительным органам республики стабилизировать политическую ситуацию [109].

По завершении межэтнического конфликта помощник госсекретаря Р. Блейк приветствовал намерения Р. Отунбаевой восстановить управляемость в стране и вернуться к демократическим принципам. Он высказался за проведение международного расследования, введение в зону конфликта полицейских сил ОБСЕ и оказание действенной, в том числе финансовой помощи Кыргызстану. 14 июня 2010 года Р. Отунбаева официально обратилась к ОБСЕ с просьбой об оказании помощи республике по преодолению кризиса, предотвращению обострения межнациональной напряженности и помощи в постконфликтном восстановлении. ОБСЕ согласилась с идеей США по размещению в КР Полицейской консультативной группы. 22 июня этого года Р. Отунбаева от имени КР выразила готовность принять это предложение. Все государства-участники ОБСЕ единогласно проголосовали за размещение группы в количестве 52 человек на юге Кыргызстана на 4 месяца с возможностью продления этого срока. Позже, группа должна была быть увеличена еще на 50 офицеров [115].

В августе 2010 г. США объявили о намерении создать сухопутную военную базу на юге КР под городом Ош – «Ошский полигон» для прикрытия американских войск в Афганистане в случае, если разгорится конфликт во всем регионе ЦА, при этом, игнорируя идею сотрудничества с ОДКБ. Американской дипломатии удалось предотвратить подписание в сентябре 2010 г. важного российско-кыргызского соглашения, которое должно было юридически закрепить военное присутствие России в КР на долгосрочной основе. В конце сентября 2010 г. в Нью-Йорке Б. Обама поблагодарил Р. Отунбаеву за восстановление демократических институтов в республике и за согласие на «развертывание Полицейской консультативной группы (ПКГ) ОБСЕ [155].

Отметим, что политическая элита и общественность Кыргызстана восприняли идею размещения миротворцев ОБСЕ уже после завершения конфликта как уловку руководства страны и США для развертывания полномасштабного американского воинского контингента. Никаких преференций от размещения авиабазы «Манас» страна не видела. При этом, уже были обнародованы коррупционные схемы командования базы и руководства страны, убийство граждан КР военнослужащим и дипломатами США остались безнаказанными, пренебрежение, хамство и нарушение правопорядка со стороны американцев имели систематический характер. Все это вызывало раздражение в кыргызском обществе, но не имело принципиального значения для США. Решающее значение имела внешняя политика США, которая проводила несанкционированные СБ ООН операции в Афганистане и Ираке, поддерживала территориальный развал Сербии (проблема косовской правосубъектности), нападения на миротворцев ОДКБ и гражданское население Южной Осетии и т.д. Единоличное решение Р. И. Отунбаевой о размещении Полицейской группы ОБСЕ на юге КР, открытии там американской военной базы и выделении на эти цели 10 млн. долларов в то время, когда вся страна оплакивала погибших и собирала гуманитарную помощь пострадавшим, вызвала бурные общественные протесты как в стране. В результате, президент переходного периода решила переложить ответственность за эти шаги на новый парламент и новое правительство.

При всей прозападной позиции Р. Отунбаевой политическое участие широкой общественности Кыргызстана стимулировало власти принять участие в процессах евразийской интеграции. 12 апреля 2011 года КР заявила о готовности начать процесс присоединения к Таможенному союзу (ТС) и Единому экономическому пространству, закрепленную решением №558 «О присоединении КР к Таможенному союзу в рамках ЕврАзЭС» 19 июня 2011 года.

Таким образом, стратегия «многовекторности» в период нахождения у власти в Кыргызстане Р.И. Отунбаевой, как и предыдущем президенте, представляла собой «балансирование в целях обеспечения национальной безопасности от внутренних и внешних угроз».

Последующая трансформация «многовекторности» внешней политики КР началась с избрания президентом А.Ш. Атамбаева, который находился на этом посту с 1 декабря 2011 по 24 ноября 2017 года. Традиционно его первый визит состоялся в РФ, во время которого А. Атамбаев озвучил свое, новое видение «многовекторности» республики. Если ранее под этим понятием подразумевалось «равно-» удаленное или «равно-» приближенное отношение с глобальными акторами, то теперь оно стало «разным» или «неравным». В частности, А. Атамбаев заявил, что Россия является «стратегическим вектором» в «многовекторной» внешней политике КР. Несмотря на естественные сложности Президенту КР того периода удавалось сохранять «последовательность» и не скадываться к «игре на противоречиях» глобальных игроков. Это относится как к двусторонним отношениям с РФ, так и к процессам интеграции КР в евразийские объединения. В концептуальных документах, принятых в 2013 году, подчеркивается, что внешняя политика КР должна быть «предсказуемой, последовательной и экономически выгодной» [33]. Следует отметить и амбициозность «нового понимания внешней политики» А. Атамбаева в виде «представлений о том, что национальные интересы» Кыргызстана являются «стратегическими, долгосрочными и глобальными», а внешнеполитическая деятельность основывается на «стабильных, дружественных отношениях с соседними государствами и ведущими державами мира». [33, Гл. 2, п. 2.12.].

С мая 2012 года по август 2014 года состоялось тринадцать заседаний Рабочей группы по вопросу присоединения Кыргызстана к Таможенному союзу. В итоге, 23 декабря 2014 года президенты стран-участниц ТС и Президент КР подписали Договор о присоединении Кыргызской Республики к ЕАЭС. 8 мая 2015 года были подписаны Протоколы о присоединении КР к Договору о ЕАЭС, полноправным членом которого Кыргызстан стал в августе 2015 года [121].

Необходимо отметить широкое политическое участие граждан республики в процессах вхождения и участия КР в евразийские интеграционные объединения, выражавшееся в обсуждении перспектив вступления КР в ЕАЭС на

конференциях, симпозиумах, круглых столах, разнообразных дискуссионных площадках. К аналитическому прогнозированию привлекались как национальные, так и иностранные аналитики, эксперты и ученые. Результаты их работы были открыты и гласны, поэтому граждане страны заблаговременно знали о позитивных перспективах и неизбежных издержках вступления в ЕАЭС.

26 июня 2013 года Президент КР А. Атамбаев подписал закон о выводе американского Центра транзитных перевозок (ЦТП) в аэропорту «Манас» к 2014 году, за который Жогорку Кенеш КР единогласно проголосовал сразу в трех чтениях. После этого США начали оказывать на А. Атамбаева беспрецедентное давление. В течение года происходили практически ежедневные встречи Посла США в КР и Президента республики. Из опубликованных на сайте Посольства США отчетов видно, что США использовали весь спектр инструментов для продления нахождения на нашей земле от подкупа и обещаний до запугивания и угроз. Руководство КР достойно выдержало этот дипломатический напор. Документ о денонсации соглашения о ЦТП вступил в силу и 11 июля 2014 года авиабаза была закрыта, а ее территория и инфраструктура переданы Национальной гвардии Кыргызстана [79].

Позднее, в июне 2017 года, Кыргызстан и Россия подписали Декларацию об укреплении союзничества и стратегического партнерства. Таким образом, идея А. Ш. Атамбаева о том, что РФ для Кыргызстана является «стратегическим вектором» была закреплена юридически.

За период нахождения у власти следующего президента КР С.Ш. Жеенбекова никаких знаковых событий, позволяющих говорить о принципиальных изменениях внешнеполитической деятельности республики, не произошло. Однако, принятая в этот период новая Концепция внешней политики, актуальна до сих пор. Если в концептуальных документах периода правления К.С. Бакиева акцент был сделан исключительно на «прагматичность», А.Ш. Атамбаеве – на «предсказуемость» и «последовательность» при сохранении «экономической выгоды» [33], то при С.Ш. Жээнбекове – в качестве новых характеристик внешней политики республики впервые указаны «многовекторность»,

«сбалансированность и открытость» [26]. Следовательно, можно констатировать, что в периоды нахождения у власти А.А. Атамбаева и С.Ш. Жээнбекова внешнеполитическая стратегия Кыргызстана реализовывалась в форме «присоединения к евразийским интеграционным процессам для обеспечения национальной безопасности от США и их союзников; сохранения суверенитета и независимости; обеспечения изоляции режима от системного внешнего и внутреннего давления, подрывающего его легитимность и содействия социально-экономическому развитию».

Таким образом, в новейшее время отношения КР с Россией и США претерпели ряд трансформаций, обусловленных личностными представлениями политических лидеров республики, внешне- и внутривнутриполитическими факторами, а также отношениями глобальных лидеров между собой. Сохраняя «многовекторность», как основной внешнеполитический принцип, Кыргызстан использовал в разные периоды времени различные ее варианты. Периодизация политико-дипломатической «многовекторности» внешней политики Кыргызской Республики может быть представлена следующим образом:

– *Период с 2001 по 2005 год.* Начало геополитической конкуренции России и США в Кыргызской Республике, избравшей в этих условиях стратегию «многовекторности» в виде «балансирования во избежание или для минимизации потерь» и «содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инвестиций и интеграцию в различные экономические цепочки».

– *Период с 2005 по 2010 год.* Многовекторность внешней политики КР представляла собой «балансирование для получения дополнительных личных, собственных и общественных выгод за счет использования политической власти и внешнеполитической деятельности», т.е. «рентоориентированная» внешнеполитическая стратегия. Дипломатические тактики «игры на противоречиях глобальных геополитических акторов, угрозы перехода к конкурирующей державе и торговли лояльностью» были нацелены на получение политической элитой КР личных выгод и от России, и от США.

– *Период с 2010 по 2011 год.* Многовекторность внешней политики КР представляла собой «балансирование в целях обеспечения национальной безопасности от внутренних и внешних угроз».

– *Период с 2011 по 2020 год.* Внешнеполитическая стратегия «многовекторности» КР реализовывалась в форме «присоединения к евразийским интеграционным процессам для обеспечения национальной безопасности от США и их союзников; сохранения суверенитета и независимости; обеспечения изоляции режима от системного внешнего и внутреннего давления, подрывающего его легитимность и содействия социально-экономическому развитию».

3.4. Цивилизационное единство Кыргызстана и России по основным проблемам современных международных отношений

28 января 2021 года шестым Президентом Кыргызской Республики был избран Жапаров Садыр Нургожоевич. Свой первый официальный визит в Российскую Федерацию Президент совершил 26 февраля 2021 года.

Уникальность внешней политики КР в текущем периоде заключается в том, что она реализуется в условиях небывалого накала геополитического противостояния России и США, стремящихся сформировать собственные, диаметрально противоположные системы международных отношений. Противоположны они не только по видению перспектив мирового развития, но и методам достижения этой цели. Если Россия и воюет с коллективным Западом, то делает это самостоятельно и за свой счет. В свою очередь, США либо предлагают «помощь», но когда-нибудь в будущем, либо оказывают прямое дипломатическое, политическое, экономическое давление на все малые и средние государства мира, угрожая своими односторонними «рестрикциями», а также «мерами», которые применяют под их давлением их союзники по коалиционному Западу. Практически, ни Россия, ни Китай никогда не ставили ультиматумов Кыргызстану, а США настойчиво и ультимативно требуют от КР озвучить свое

решение о внешнеполитическом выборе, соответствующем американским национальным интересам.

Отношение к героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации. Ключевым индикатором текущих внешнеполитических подходов держав является отношение к этому вопросу. Позиция России в этом контексте неизменна: ни нацизм, ни неонацизм неприемлемы ни в каких формах. Позиция США не столь однозначна. Не секрет, что, добившись на Нюрнбергском процессе признания нацистскими лишь таких гитлеровских структур, как СС и СД, США активно привлекали офицеров Бундесвера (вооруженные силы) в ряды собственной армии и структуры, образованные НАТО в 1949 году. Офицеры Абвера (орган военной разведки и контрразведки) также пополнили ряды ЦРУ США. В настоящее время США прямо, открыто или латентно поддерживают реабилитацию нацизма. От этой страны ни разу не звучали комментарии по поводу публикаций «Майн кампф» Адольфа Гитлера в Украине, Швеции, прибалтийских и других странах, а американский сайт Amazon.com и британские сетевые книжные магазины свободно торгуют этой книгой. В Японии аниме-версия «Майн кампф» открыто транслируется по телевидению. Также США не осудили парламент Канады, приветствовавший ветерана дивизии СС «Галитчина» на заседании главного законодательного органа страны.

Наиболее наглядно отношение к нацизму прослеживается по отношению стран к российской ежегодной Резолюции ГА ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Резолюция выносится на ежегодное заседание ГА с 2005 года и США неизменно голосуют против всех резолюций. С 2012 года к ним присоединилась Канада, а с 2014 года – Украина. В 2022 году против резолюции проголосовали уже 50 государств [10]. Как раз эти страны и называются сегодня странами коллективного Запада. В их число входят и страны, имеющие нацистское прошлое – Япония, Германия, Италия, Испания, Болгария,

Румыния, Австрия и т.д. Особенно настораживает то, что нацизм поддерживают три из пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Этот факт дискредитирует ООН в глазах мирового сообщества и дает понимание сущности политики «цивилизованных», «развитых», «ведущих» стран Запада. Напомним, что сама ООН была создана по итогам Второй мировой войны для недопущения возрождения нацизма.

Кыргызстан, также, как и Россия не приемлет нацизм и неонацизм. Республика неизменно голосует за принятие вышеуказанной Резолюции, и такая позиция КР полностью солидарна с позицией РФ. Несмотря на давление США, Кыргызстан (в отличие от Казахстана) никогда не отказывался от празднования Дня Победы в Великой Отечественной Войне. Для кыргызстанцев эта война именно Отечественная, а не просто Вторая Мировая. Народ Кыргызстана помнит и чтит память предков и ужасы, которые коалиционные силы Европы во главе с фашистской Германией, принесли на землю, именуемую сегодня постсоветским пространством. В этом отношении выбор Кыргызстана однозначен: никогда, и ни под каким предлогом или давлением свою позицию республика не поменяет.

Отношение к ситуации на Украине. После начала Специальной военной операции (СВО) на Украине Россия поставила четкие и ясные условия ее прекращения. Первоначально, это были: денацификация, как прекращение правительством Украины поддержки проявлений неонацизма; денационализация, как прекращение сегрегации украинских граждан по языковому признаку и прекращение их геноцида по этническому признаку; демилитаризация, как отказ от вступления в недружественный России блок НАТО. С течением времени и соответствующем изменением ситуации эти условия менялись. В настоящее время это: прекращение боевых действий и «террористической деятельности»; прекращение «накачивания» Украины западным оружием; нейтральный, внеблоковый и безъядерный статус Украины; признание «новых территорий» российскими на основе права их жителей на самоопределение» в соответствии с положениями Устава ООН [95].

Позиция США по этой проблеме диаметрально противоположна позиции РФ. Следует напомнить, что на начальных этапах конфликта стороны начали переговорный процесс. Первые три раунда российско-украинских переговоров прошли в Белоруссии. 28 февраля 2022 года делегации РФ и Украины встречались в Гомеле, а 3 и 7 марта 2022 года – в Бресте [198]. 10 марта этого же года в Анталье состоялась встреча министров иностранных дел Украины и России. Переговоры на уровне делегаций стартовали 29 марта в Стамбуле [205]. Однако в дальнейшем, под давлением США Украина категорически отказалась от переговоров. 30 сентября президент Украины подписал указ, которым запретил, в том числе и себе, вести переговоры с президентом России В.В. Путиным [138].

С начала СВО Кыргызстан выступает за прекращение боевых действий и проведение переговоров между двумя братскими народами. Президент КР Садыр Жапаров – единственный глава государства в Центральной Азии, который открыто выразил солидарную с Россией позицию. В частности, 26 февраля 2022 года состоялся его телефонный разговор с Президентом РФ, в котором он отметил ответственность Киева за срыв Минских договорённостей и выразил поддержку решительных действий российской стороны по защите мирного населения Донбасса [139]. В настоящее время Кыргызстан заявляет о своем нейтральном статусе в российско-украинском конфликте, продолжая поддерживать российскую позицию по необходимости и неизбежности проведения мирных переговоров [90].

Отношение к эскалации ситуации на Ближнем Востоке. Ближневосточный конфликт обострился 7 октября 2023 года. В этот день группировка ХАМАС («Харакат аль-Мукавама аль-Исламия», «Движение исламского сопротивления») начала вооруженное вторжение в Израиль из сектора Газа. Были осуществлены успешный прорыв израильского барьера между сектором Газа и Израилем, проникновение в близлежащие израильские населённые пункты и на военные объекты ЦАХАЛ. В ответ Израиль начал крупномасштабную военную операцию в секторе ГАЗА и неизбежное применение силы против палестинцев, проживающих на этой территории. Руководствуясь принципом

коллективной ответственности Израиль довел почти трехмиллионное население сектора Газа до гуманитарной катастрофы, что вызывает бурный протест всего мирового сообщества.

Только одна страна стала оказывать военную и экономическую поддержку Израилю – США. В регион были спешно передислоцированы сразу две американские авианосные группы и атомная субмарина, вдобавок к уже находящемуся там американскому флоту.

По проблеме сектора Газа политическая позиция США состоит в том, чтобы «ультимативно навязать СБ ООН решение, позволяющее Израилю продолжать военную зачистку сектора, проводить силовые рейды на Западном берегу реки Иордан и произвольные атаки на Ливан и Сирию». По состоянию на середину ноября 2023 года, пользуясь своим правом вето, США отвергли российский и бразильский проекты резолюции Совбеза по гуманитарному прекращению огня и проголосовали против резолюции Генассамблеи ООН. Они лишь предложили Израилю делать гуманитарные паузы. Несмотря на консолидированное требование мирового сообщества, на заявления руководства ООН и гуманитарного крыла организации, Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ, позиция США остается неизменной [96].

В свою очередь, Россия выступила за координацию всех «конструктивно настроенных партнеров», «безальтернативность решения палестино-израильского конфликта путем переговоров в целях реализации формулы ООН двух государств, предполагающей создание независимого палестинского государства со столицей во Восточном Иерусалиме, сосуществующем в мире и безопасности с Израилем» [99]. Речь идет о Резолюции ГА ООН №181 от 29 ноября 1947 года, в которой был утвержден План, предусматривающий прекращение британского мандата в Палестине к 1 августа 1948 года и рекомендации по созданию на её территории двух неназванных государств: еврейского и арабского [124]. Отметим, что Совет Безопасности своей Резолюцией №1397 от 12 марта

2002 года подтвердил концепцию создания двух государств – Израиля и Палестины [11].

Последовательная позиция Кыргызстана по вопросу эскалации арабо-израильского конфликта наиболее точно отражена в официальном заявлении Президента КР С. Жапарова на 8-ом внеочередном Саммите Организации Исламского Сотрудничества, состоявшемся 13 ноября 2023 года в Эр-Рияде. В частности, Президент сказал: «необходимо, чтобы наша исламская умма убедила международное сообщество занять единую и консолидированную позицию против агрессии Израиля и активизировать международные усилия, чтобы вовлечь конфликтующие стороны в переговоры. Кыргызстан признает законные права палестинского народа на независимость и создание суверенного государства в соответствии с резолюциями Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. Кыргызстан призывает эти структуры ООН от имени международного сообщества принять эффективные и решительные меры для прекращения насилия и урегулирования кризиса безопасности в секторе Газа» [35].

Очевидно, что позиции Кыргызстана и РФ по урегулированию арабо-израильского конфликта солидарны и, при этом, прямо противоположны позиции США.

Сравнительный анализ Конституции Кыргызстана и российского проекта многополярного мира.

В настоящее время каждая страна мира вынуждена делать выбор в глобальном геополитическом противостоянии великих держав. Подчеркнем, что это не выбор стороны в противоборстве России и США, и не выбор в конкуренции США и Китая. Это выбор правил международного взаимодействия, которые должны лечь в основу будущей системы международных отношений. Как отмечалось ранее, это выбор между, с одной стороны, российской «парадигмой многополярной синергии цивилизаций», согласующейся с китайской концепцией Гармоничного мира; с другой стороны, механизмом гегемонистской стабильности, обеспечивающейся странами G7, действующими под американским «лидерством».

С точки зрения права для Кыргызстана нет необходимости делать этот выбор. В национальных правовых актах позиция страны четко определена и не допускает двойных толкований. В частности, зафиксировано, что Кыргызская Республика опирается на «принципы многополярности», обеспечивающие всем «равные права и возможности в международной политике, безопасности, экономике, торговле и по другим направлениям» международного сотрудничества [26]. Разительное отличие текущего периода состоит в том, что действующий глава государства не пытается «балансировать» и «умалчивать», а заявляет о позиции Кыргызстана открыто и гласно. Именно в этом ключе республика отреагировала на принципы формирования подлинной многополярности мира, провозглашенные Президентом РФ в своей знаменитой «Валдайской речи». Это: «открытость и взаимосвязанность мира – без барьеров на пути общения, уважение многообразия как фундамента совместного развития, максимальная представительность в структурах глобального управления, всеобщая безопасность, основанная на балансе интересов всех, справедливый доступ к благам развития, равноправие для всех, отказ от диктата «богатых или сильных» [129].

Дифференциация Кыргызстаном официальных уровней отношений с Россией и США.

Правовую базу сотрудничества Кыргызстана и России составляют такие основополагающие международно-правовые акты, как Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан от 10 июня 1992 года, Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой от 27 июля 2000 года, Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнерства между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой от 20 июня 2017 года, Программа развития стратегического партнерства в военной области на период с 2021 по 2025 гг., Совместное заявление Президента Российской Федерации В. Путина и Президента Кыргызской Республики С. Жапарова об углублении отношений стратегического партнёрства и союзничества от 7-9 мая 2023 года. Этими документами определен и закреплён уровень

двусторонних отношений стран, названный «стратегическим партнерством и союзничеством».

Единственным международным актом, регламентирующим взаимодействие между Кыргызстаном и США, является Соглашение между Правительством США и Правительством КР относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия от 1993 года. В соответствии с ним «товары, поставки или другая собственность, ввозится, вывозится и используется в Кыргызской Республике любой правительственной или частной организацией США без обложения какими-либо тарифами, сборами, таможенными пошлинами, налогами на импорт или другими подобными налогами или сборами». По этому соглашению граждане или организации США, ответственные за выполнение программ содействия, освобождаются от любых налогов, получаемых в связи с их выполнением. Не платятся и «любые тарифы, сборы, таможенные пошлины, налоги на импорт и другие налоги или платежи, налагаемые на личное и домашнее имущество, ввозимое в, вывозимое из, или используемое в Кыргызской Республике для личного пользования» американцев. Американские самолеты не платят «аэродромные сборы, навигационные платежи, портовые сборы, пошлины» и т.д.. Кроме этого, Правительство Кыргызской Республики обязано «возместить в долларах США Правительству США сумму, затраченную на товары, поставки или другую собственность» если США сочтут, что они «использовались не по назначению». Гражданские и военные лица Америки получают статус дипломатических работников и соответствующий иммунитет. США имеют право проводить любые проверки, инспекции или аудит в течение последующих трех лет [15].

Проблема заключается ещё и в том, что любая коммерческая операция, осуществляемая гражданами США, считается ими «содействием» КР в рамках «программ». Помимо этого, США считают, что любой их гражданин, находящийся на территории КР так или иначе причастен к реализации «программ содействия». Исходя из этого, любой американец в нашей стране продолжает оставаться исключительно в американской юрисдикции и для правосудия КР

недоступен в соответствии с положениями Венской Конвенции. Именно этим объясняется тот факт, что за весь суверенный период развития Кыргызстана ни один американец не был привлечен к ответственности ни по кыргызскому, ни по американскому закону. По факту убийства гражданина КР А. Иванова, множественным фактам нанесения телесных повреждений и нарушений общественного порядка, организации схрона огнестрельного боевого оружия в центре Бишкека и т.д. ни один американец не был даже допрошен следователями правоохранительных органов республики.

В 2015 году осужденный в КР Азимжан Аскарров был объявлен США невинно осуждённым правозащитником и награждён премией «Защитник прав человека» Государственного департамента. Об этом временный поверенный в делах США в Кыргызстане Ричард Майлс уведомил Министерство иностранных дел республики пост-фактум [59]. В ответ Кыргызстан денонсировал Соглашение между Правительством США и Правительством КР относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия. На настоящий момент никаких иных документов, регламентирующих взаимодействие и определяющих его уровень между Кыргызстаном и США не существует [106].

30 марта 2023 года в Вашингтоне состоялось пятое заседание ежегодных двусторонних консультаций: делегациями Кыргызстана и США под руководством заместителя министра иностранных дел КР А. Молдогазиева и помощника Госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Д. Лу были обсуждены возможности подписания нового Соглашения о сотрудничестве. Этот вопрос поднимался еще при А. Атамбаеве, а при правлении С. Жээнбекова МИД КР заявлял о подготовке проекта документа. Аналогичные заявления звучат и от нынешних руководителей республики, начиная с 2022 года. Вероятно, «новые условия» соглашения, соответствующие национальным интересам республики и предлагаемые Кыргызстаном, США не устраивают. Таким образом, сотрудничество Кыргызстана и США не имеет никакой правовой базы и может быть прекращено в любой момент без процедур денонсации.

Большинство отечественных исследователей отмечает, что с Россией Кыргызстан имеет наивысший уровень сотрудничества, названный «стратегическим партнерством и союзничеством». Так, по мнению Г. Конгайтиевой «во внешней политике стран Центральной Азии Российская Федерация занимает роль ведущего «Стратегического партнера» и является для всех государств региона безусловным внешнеполитическим приоритетом» [213]. А. Сарыбаев считает, что «государствам Центральной Азии следует тщательно искать пути сохранения своего курса в то время, когда сталкиваются крупнейшие мировые державы. Мы находимся в ситуации «между молотом и наковальней». Поэтому странам Центральной Азии следует быть очень осторожными, ни с кем не разрывая отношений и жить восточной дипломатией – «Восток дело тонкое». Но стоит забыть, что мы можем дружить со всеми. Мы должны склоняться к одной стороне, одной политике, одной стране» [215]. Р. Чекиров высказывает мнение о том, что «...во-первых, Россия является политическим, экономическим и военным союзником стран Центральной Азии. Во-вторых, она является основным направлением трудовой миграции в регионе Россия. Именно поэтому заявление министра иностранных дел РФ⁴ основано на реальной ситуации. Заявление Лаврова – это не сенсация. После 2022 года Россия разделила государства на друзей и союзников. Если брать Центральноазиатский регион, то он входит в число дружественных и поэтому имеет особое стратегическое значение для России. Сейчас борьба за регион между США, Евросоюзом и Россией обостряется. Но с другой стороны, в прошлом году товарооборот между ЦА и Россией достиг рекордного уровня» [217].

Необходимо уточнить, что есть и другие мнения. К примеру, Сымык Эдильбек уулу считает, что «Страны Центральной Азии имеют свои национальные интересы. Именно поэтому они проводят свою внешнюю политику с их учетом и стремятся к многовекторному сотрудничеству. Хоть они и состоят в

⁴ В ноябре 2023 года министр иностранных дел России Сергей Лавров в интервью телеканалу «Россия» заявил: «США и Европейский Союз ясно показывает свое намерение вытеснить Россию из Центральной Азии, за пределы Кавказа. Этого не будет. Здесь у России исторический путь, она никуда не денется. Наши партнеры и союзники это прекрасно понимают» [217].

одной военной организации с Россией, их экономические интересы стоят на первом месте» [217].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что цивилизационное единство Кыргызстана и России по вопросу перспективы формирования мироустройства, как «парадигмы многополярной синергии цивилизаций» опирается на объективную общность позиций по вопросам героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации; конфликту на Украине; эскалации ситуации на Ближнем Востоке и форме будущего мироустройства. На настоящем этапе президентства С. Жапарова стратегия национальной «многовекторности» внешней политики обрела новое онтологическое содержание. И де-юре, и де-факто она обрела вид «цивилизационного евразийского объединения в целях совместного формирования многополярной системы международных отношений, экономического развития и обеспечения национальной, региональной и глобальной безопасности от политических, экономических, военных, культурологических, информационных и прочих угроз». Выбор Кыргызстана, обусловленный обострением геополитического противостояния России и США, основан на историческом опыте взаимодействия с этими глобальными акторами, политическом участии общества и взвешенном анализе перспектив политико-экономического развития республики во взаимодействии с каждым из этих глобальных геополитических акторов. При этом, Кыргызстан не отказывается от сотрудничества и не намеревается предпринимать недружественные действия против США и их союзников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим обобщенным результатам.

1. Анализ накопленного теоретического опыта показал, что до 2024 года тематика диссертации не подвергалась научному осмыслению. В связи с этим, определение и формулирование гипотезы, объекта, предмета и методологии являются необходимой составной частью исследования проблематики с позиции научного анализа.

2. В ходе сравнительного анализа научных трудов и концептуальных подходов республики к внешней политике определено, что при провозглашении «многовекторности» одним из основных принципов внешней политики Кыргызской республики является декларация о готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми глобальными геополитическими акторами на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов. Путем проведения экспертного анализа выявлено доминирование неолиберального и неореалистического подходов в исследованиях многовекторности внешних политик малых и средних государств.

Доказано, что отношения с Российской Федерацией, как «стратегического вектора многовекторности» Кыргызской Республики, не вписываются в западные теории всеобщего рационализма, общественного выбора и безусловного приоритета соображений безопасности. Этот факт определяет необходимость и перспективность теоретического осмысления «многовекторности» постсоветских стран на основе теории неоевразийства. Объединение и интеграции народов, проживающих на территории Евразии, на основе идеи туран опираются, помимо взаимной выгоды и рационального прагматизма, как на истинный, так и на инструментальный альтруизм. Отсюда исходит актуальность нового теоретического осмысления евразийского базиса формирующегося постсоветского геополитического пространства, развития многосторонней экономической и политической интеграции, единения культур и народов, развития общей

идентичности и стратегий развития, процессов укрепления региональной стабильности и т.д. Предложено условно назвать его стратегией «цивилизационного объединения (единения)», либо «объединением на основе единства цивилизационных основ и общих политических, экономических, культурологических и духовных целей развития».

3. Политико-правовой и экспертный методы позволили доказать неправомерность применения экстерриториальных «односторонних ограничительных мер» суверенными странами. Совокупность доказательств неправомерности основана на прямом противоречии применения «односторонних ограничительных мер» императивным положениям международного права: принципу разрешения международных споров мирными средствами, принципу невмешательства в дела, входящих во внутреннюю компетенцию государств, принципу суверенного равенства государств и принципу добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Применение «ограничительных мер» нарушает, такой регламентированный ВТО международный обычай, как принцип «недискриминации» в торгово-экономических отношениях между субъектами международного права. При этом, прямо нарушаются «права человека» в странах, подвергшихся «рестрикциям». В свою очередь, применение «контрмер» в качестве ответа на неправомерные деяния другого государства регламентировано положениями международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Однако, «контрмеры» признаются таковыми лишь при условии соблюдения всех условий, прописанных в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и в соответствующей Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Определено, что для Кыргызской Республики наиболее значимым является тот факт, что антироссийские санкции либо сами являются экстерриториальными, либо имеют экстерриториальные политические, экономические и прочие последствия для стран, не участвующих в американо-российском геополитическом противостоянии. На основании этого считаем перспективными дальнейшие исследования и разработку международно-правовых механизмов

противодействия экстерриториальным односторонним ограничительным мерам, применяемых отдельными странами и блоками.

4. На основании историко-системного и хронологического методов предложена авторская этапизация геополитического взаимодействия России и США в новейшее время (с 1991 по 2024 гг.). На первом этапе с 1991 по 2008 год двусторонние отношения России и США представляли собой геополитическое сближение глобальных акторов. Нами этот период разделен на два подэтапа. Первый подэтап (с 1991 по 1999 год) характеризуется безоговорочным и молчаливым принятием Россией теории конвергенции, американского проекта глобализации и идей о том, что развитые демократии никогда не воюют друг с другом. «Петля Примакова» стала знаковым событием, после которого Россия начала демонстрировать свое несогласие с однополярной системой международных отношений, американским гегемонизмом (имперскостью) и своей ролью подчиненного наблюдателя. Стало очевидно, что США отказывают России в статусе великой державы и праве на собственные сферы влияния, не признают ее в качестве равноправного партнера и геополитического актора с собственными национальными интересами.

Во втором подэтапе (с 1999 по 2008 год) Россия «переосмысливала» свои отношения с США и начала предпринимать практические шаги, направленные на противодействие попыткам Вашингтона стать «единственной сверхдержавой». При этом, Россия пыталась вести диалог на основе принципов суверенного равенства, предлагала НАТО свой потенциал в рамках совместных усилий «по поддержанию мира», последовательно проходила процедуры по вступлению в ВТО, заключала соглашения по стратегической безопасности и т.д. Однако попытки России найти совместные пути преодоления разногласий с США в части формирования многополярного мироустройства, поиска форм и способов достижения «стабильного, справедливого и демократического миропорядка» на основе принципов международного права не увенчались успехом.

5. Взаимодействие России и США на втором этапе в период с 2008 по 2022 год представляло собой геополитическое соперничество глобальных акторов, к

которому привели последовательное изменение стратегических подходов и практические антироссийские шаги, предпринимаемые США.

В рассматриваемый период антироссийская стратегия США последовательно ужесточалась от попыток «сдерживания» к попыткам «принуждения» посредством скоординированной демонизации России в мировых СМИ; применения односторонних антироссийских ограничительных мер; вмешательства во внутривнутриполитические процессы в России; геополитической борьбы за влияние в Африке, Латинской Америке, Ближнем Востоке и Южной Азии, Арктике, АТР и остальных регионах мира; попыток публичного унижения России через недопуск ее спортсменов на международные соревнования; острой дипломатической борьбы на площадках всех международных организаций, институтов, форумов и т.д.

В свою очередь, эволюция внешнеполитических подходов России в отношениях с США прошла путь от намерения «добиваться» у США вывода отношений на уровень «стратегического партнерства, а в перспективе – союзничества» до возможного «стратегического паритета и мирного сосуществования» при условии отказа США от «политики силового доминирования и пересмотра антироссийского курса».

Анализ политики НАТО, которая с 1994 года до настоящего времени постепенно расширялась, позволил прийти к выводу об отсутствии ее обусловленности поведением, действиями и уровнем двусторонних отношений США и России.

6. Характер взаимодействия России и США на третьем этапе (с 2022 по 2024 год) определен как период «геополитического противостояния» на основании системного и сравнительного анализов. Выявлено, что основной причиной повышения конфликтности в отношениях геополитических акторов является принципиальное различие их представлений о новом мироустройстве. Для России – это парадигма многополярной синергии цивилизаций, в строительстве которой, по мнению Президента В. Путина, помимо России заинтересованы «КНР, Индия, страны БРИКС+, группа развивающихся государств G77

и члены Движения неприсоединения». Для США – это сохранение гегемонизма, но уже не в виде американского «лидерства» над всем миром, а в виде доминирования над странами-членами G7, которые по заявлению Э. Блинкена⁵, США пытаются превратить в мировой «руководящий комитет». Российская модель опирается на императивность основополагающих принципов международного права – принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств. При этом, американская парадигма исходит из главенства фактора геополитической мощи государств, ею обладающей и ничтожности интересов стран, у которых этой мощи недостаточно. Отсюда и условное разделение мира на пятьдесят стран, которые США называют своими союзниками и друзьями и сто пятьдесят стран, не желающих признавать англо-саксонский гегемонизм.

7. Экспертный анализ позволил доказать, что в настоящее время доминирующими парадигмами исследования многовекторности внешних политик малых и средних государств являются неолиберальный и неореалистический подходы. При этом, отношения с Российской Федерацией, как «стратегический вектор многовекторности» Кыргызской Республики не вписываются в западные теории всеобщего рационализма, общественного выбора и безусловного приоритета соображений безопасности, что требует нового теоретического осмысления формирующегося постсоветского геополитического пространства на основе теории неоевразийства.

Сравнительный анализ научных трудов и концептуальных подходов республики к внешней политике позволил доказать, что на всех этапах ее эволюции многовекторность провозглашалась одним из основных принципов внешней политики республики. Однако ее широкое толкование в концептуальных документах страны позволяет подразумевать под ним любое из существующих научных определений. Фактически, для Кыргызстана внешнеполитическая

⁵ Блинкен заявил о попытках США превратить G7 в мировой руководящий комитет Запада. 13 сентября 2023. URL: <https://iz.ru/1573732/2023-09-13/blinken-zaiavil-o-popytkakh-ssha-prevratit-g7-v-mirovoi-rukovodiashchii-komitet-zapada> (дата обращения: 27.09.2023).

«многовекторность» – это декларация о готовности к последовательному, сбалансированному, прагматичному сотрудничеству со всеми глобальными геополитическими акторами на основе доброй воли, взаимопонимания и взаимоуважения интересов.

8. Компаративный научный анализ был использован для сравнения позиции Кыргызстана, США и России по добросовестному соблюдению таких основополагающих принципов ООН, как суверенное равенство государств, неприменение силы и угрозы силой и невмешательство во внутренние дела. Впервые доказана полная солидарность позиций Кыргызстана и России по их признанию и соблюдению без каких-либо исключений и оговорок. В свою очередь, выявлена прямая противоположность позиций республики и США, подменяющих само понятие «международное право» собственными «правилами»; допускающих нарушение и нарушающих любые принципы, если они противоречат американским национальным интересам. Доказано полное расхождение позиции Кыргызстана и США, как по подходу к императивности норм международного права, так и по оценке правомерности практической деятельности акторов американской внешней политики в республике. На основе эмпирических материалов доказано, что ряд их действий, прямо противоречит вышеназванным принципам международного права. Кыргызстан никогда не признавал ни «право лидерства» США, ни их «мессианскую» роль по обеспечению стабильности мирового порядка.

При этом, отсутствие реакции на вмешательство в свои внутренние дела США и их союзников объяснялось стремлением Кыргызстана обеспечить политическую, экономическую и военную безопасность от их противоправных действий посредством использования такой стратегии многовекторности, как балансирование.

В дальнейшем, считаем необходимым осуществить компаративный анализ позиции Кыргызстана, США и России по добросовестному соблюдению таких принципов международного публичного права, как уважение территориальной целостности и разрешение международных споров мирными средствами.

9. На основе исторического подхода, включающего историко-системный, ретроспективный и хронологический методы, предложена авторская периодизация трансформации многовекторности Кыргызстана, обусловленная изменениями в отношениях России и США. Доказано, что отношения Кыргызстана с этими глобальными акторами определяются личностными представлениями политических лидеров республики, внешне- и внутривнутриполитическими факторами, а также отношениями глобальных лидеров между собой. Сохраняя «многовекторность», как основной внешнеполитический принцип, Кыргызстан использовал различные ее варианты:

– Период с 2001 по 2005 год. Начало геополитической конкуренции России и США в Кыргызской Республике, избравшей в этих условиях стратегию «многовекторности» в виде «балансирования во избежание или для минимизации потерь» и «содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инвестиций и интеграцию в различные экономические цепочки».

– Период с 2005 по 2010 год. «Многовекторность», представляющая собой «балансирование для получения дополнительных личных, собственных и общественных выгод за счет использования политической власти и внешнеполитической деятельности». Дипломатические тактики «игры на противоречиях» глобальных геополитических акторов, «угрозы перехода к конкурирующей державе» и «торговли лояльностью» были нацелены на получение политической элитой КР личных выгод и от России, и от США.

– Период с 2010 по 2011 год. «Многовекторность» в виде «балансирования в целях обеспечения национальной безопасности от внутренних и внешних угроз».

– Период с 2011 по 2020 год. Внешнеполитическая стратегия «многовекторности» в форме «присоединения к евразийским интеграционным процессам для обеспечения национальной безопасности от США и их союзников; сохранения суверенитета и независимости; обеспечения изоляции режима от системного внешнего и внутреннего давления, подрывающего его легитимность и содействия социально-экономическому развитию».

10. Доказано, что цивилизационное единство Кыргызстана и России по вопросу перспективы формирования будущего мироустройства, как «парадигмы синергии цивилизаций» основано на объективной общности позиций по отношению к героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации; эскалации ситуации на Ближнем Востоке и многополярной форме будущего мироустройства. В текущем периоде президентства С. Жапарова стратегия национальной «многовекторности» внешней политики обрела новое онтологическое содержание. И де-юре, и де-факто она обрела вид «цивилизационного евразийского объединения в целях совместного формирования многополярной системы международных отношений, экономического развития и обеспечения национальной, региональной и глобальной безопасности от политических, экономических, военных, культурологических, информационных и прочих угроз». В условиях обострения геополитического противостояния России и США, суверенная позиция Кыргызстана опирается на исторический опыт взаимодействия с этими глобальными акторами, политическое участие общества и взвешенный анализ перспектив политико-экономического развития республики во взаимодействии с каждым из них. При этом, Кыргызстан не отказывается от сотрудничества и не намеревается предпринимать недружественные действия против субъектов международных отношений, имеющих отличное от его видение будущего мироустройства.

В качестве перспективного направления дальнейших исследований тематики предлагаем разработку путей, методов и механизмов противодействия суверенными странами политико-экономическому давлению США и их союзников.

Таким образом, считаем, что совокупность результатов диссертации доказывает верность гипотезы исследования, состоящей в объективном характере факторов, лежащих в основе солидарности позиций Кыргызстана и России в процессах противостояния глобальных геополитических акторов. Этими факторами предложено рассматривать солидарность позиций Кыргызстана и России по соблюдению принципов и норм международного публичного права;

отношению к героизации нацизма, неонацизму, расизму, расовой дискриминации, ксенофобии и сегрегации; эскалации ситуации на Ближнем Востоке и форме будущего мироустройства в виде «парадигмы многополярной синергии цивилизаций». Их объективность доказана на основе использования научной методологии.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Кафедрам международных отношений и политологии ВУЗов, Институту стратегического анализа и прогноза КРСУ, Национальному институту стратегических исследований, Институту философии, права и социально-политических исследований им. А. А. Алтмышбаева НАН и прочим научно-исследовательским структурам Кыргызской Республики рассмотреть возможность избрания в качестве перспективных направлений научных исследований следующие темы:

– теоретическое осмысление евразийского базиса («цивилизационного объединения (единения)», «объединения на основе единства цивилизационных основ и общих политических, экономических, культурологических и духовных целей развития») формирующегося постсоветского геополитического пространства, развития многосторонней экономической и политической интеграции, единения культур и народов, развития общей идентичности и стратегий развития, процессов укрепления региональной стабильности и т.д.

– исследование международно-правовых механизмов противодействия экстерриториальным односторонним ограничительным мерам, применяемых отдельными странами и блоками.

– компаративный анализ позиции Кыргызстана, США и России по добро-совестному соблюдению принципов международного публичного права: уважение территориальной целостности и разрешение международных споров мирными средствами.

– разработка путей, методов и механизмов противодействия малыми и средними суверенными странами политико-экономическому давлению США и их союзников.

2. Правительству Кыргызской Республики оценить судебные перспективы и рассмотреть возможности международно-правовых последствий предъявления претензий США, ЕС и его членам, а также к международным финансовым институтам (МВФ, группа ВБ), реализовавшим в Кыргызской Республике

проекты, приведшие к невосполнимому ущербу для промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Международно-правовые акты

1. Венская декларация и Программа действий, принятые на Всемирной конференции по правам человека // Организация Объединенных Наций. Вена, 25 июня 1993 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 15.02.2023).

2. Венская Конвенция о праве международных договоров. Заключена г. Вене, 21.03.1986 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions.shtml (дата обращения: 7.07.2023).

3. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. Принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 11.06.2023).

4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 8.05.2023).

5. Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_ (дата обращения: 7.09.2023).

6. Договор по открытому небу (ДОН). – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_по_открытому_небу#:~:text=22%20ноября%202020%20года%20США%20официально%20вышли%20из%20Договора (дата обращения: 22.10.2023).

7. Доклад Госдепартамента США по правам человека в Кыргызской Республике отмечает тревожные тенденции // Посольство США в Кыргызской Республике. 31 марта 2021. – URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/u-s-state-departments->

2020-human-rights-report-for-the-kyrgyz-republic-details-concerning-trends-ru/?_ga=2.52108777.1599320578.1700238738-128947103.1700238737 (дата обращения: 23.10.2023).

8. Доклад комиссии международного права «Проекта статей об ответственность государств за международно-противоправные деяния». Пятьдесят третья сессия. 23.04 – 1.06 и 2.07 – 10.08 2001 г. ООН. Нью-Йорк. 2001. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 2.05.2023).

9. Международные документы, касающиеся предупреждения и пресечения международного терроризма. ООН. Нью-Йорк, 2019. – URL: https://legal.un.org/cod/books/russian/terrorism_handbook_vol2.pdf (дата обращения: 11.03.2023).

10. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости определённых видов практики, способствующих эскалации современных форм расизма. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Резолюции_ГА_ООН_о_видах_практики,_способствующих_расизму (дата обращения: 8.05.2023).

11. Резолюция 1397 (2002), принятая Советом Безопасности на его 4489-м заседании 12 марта 2002 года. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N02/283/61/PDF/N0228361.pdf?OpenElement> (дата обращения: 5.12.2023).

12. Резолюция 2170 (2014) Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами («Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и Фронт «Ан-Нусра»). Принята Советом Безопасности на его 7242-м заседании 15 августа 2014 года.

13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. N 56/83. – URL: <https://base.garant.ru/2565571/> (дата обращения: 14.08.2023).

14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 года. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 11.10.2023).

15. Соглашение между Правительством Соединенных Штатов Америки и Правительством Кыргызской Республики относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия от 19 мая 1993 года. Г. Вашингтон. США. – URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kyrgyzstan_coglashanne.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

16. Устав Организации Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.03.2023).

17. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. С изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений, подписанным 10 декабря 2010 года. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 6.05.2023).

18. Участие в Саммите ООН по принятию Повестки дня в области развития на период после 2015 год. 27.09.2015. США, Нью-Йорк. – URL: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/uchastie-v-sammite-oon-po-prinyatiyu-povestki-dnya-v-oblasti-razvitiya-na-period-posle-2015-goda (дата обращения: 25.10.2023).

Официальные документы

19. Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан. г. Бишкек, 31 августа 1991 года, № 578-X1. Информационно-правовая система Кыргызской Республики «Токтом».

20. Закон Кыргызской Республики Об экспортном контроле от 15 февраля 2023 года № 25. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1154?cl=ru-ru> (дата обращения: 8.09.2023).

21. Информационный бюллетень. Стратегия национальной безопасности Администрации Байдена-Харрис. Белый дом. 12 октября 2022 года. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian/бюллетень-стратегия/> (дата обращения: 17.09.2023).

22. Комплексная стратегия США в отношении России. 15 декабря 2015. – URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/2524384.html> (дата обращения: 17.09.2023).

23. Конституция Кыргызской Республики. Принята на двенадцатой сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 года. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/preview/ru-ru>

24. Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всеобщим голосованием) 11 апреля 2021 года. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года. – URL: https://www.esep.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=42:the-constitution-of-the-kyrgyz-republic&catid=23&Itemid=133&lang=ru

25. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 10 января 2007 года № 2. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_27031 (дата обращения: 4.04.2023).

26. Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2019 года УП № 37. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 17.09.2023).

27. Концепция внешней политики Российской Федерации. Министерство иностранных дел Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1-2. Спецвыпуск. – URL: <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strate.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

28. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 2.09.2023).

29. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года № Пр-1440. – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 11.09.2023).

30. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. № Пр-251. –

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 4.10.2023).

31. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/3> (дата обращения: 7.10.2023).

32. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 24.09.2023).

33. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542> (дата обращения: 15.07.2023).

Выступления и интервью официальных лиц

34. Выступление Владимира Путина на Валдае. – 5 октября 2023. – URL: <https://www.Vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/05/999030-vistuplenie-vladimira-putina-na-valdae> (дата обращения: 8.10.2023).

35. Выступление президента Садыра Жапарова на саммите ОИС в Эр-Рияде. – 13-11-2023. – URL: <https://kyrtag.kg/ru/news/vystuplenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-na-sammite-ois-v-er-riyade> (дата обращения: 7.12.2023).

36. Интервью Президента Российской Федерации Д. Медведева телеканалам «Россия», Первому, НТВ. Сочи. – 31.08.2008. – URL: <https://lithuania.mid.ru/principu-vnesnej-politiki-rf> (дата обращения: 25.09.2023)

Литература на русском языке

37. Абаджян В. Особенности политики многовекторности на постсоветском пространстве // Российский Совет по международным делам. – 21 марта 2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/riacdigest/>

osobnosti-politiki-mnogovektornosti-na-postsovetskom-prostranstve/ (дата обращения: 11.09.2023).

38. Аксенов П., Фохт Е., Горяшко С. Ядерное сдерживание в «топке противостояния». Что значит решение Путина о приостановке участия России в СНВ-3. – 21 февраля 2023. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-6472532> (дата обращения: 4.09.2023).

39. Американский взгляд на новый мировой порядок // EDITORIALS. – September 25, 2023. – URL: <https://editorials.voia.gov/a/america-s-vision-for-a-new-world-order-rus/7282579.html> (дата обращения: 17.11.2023).

40. Афанасьев И. Сенат принял «список Магнитского» и отменил поправку Джексона-Вэника. – 7 декабря 2012. URL: <https://iz.ru/news/541074> (дата обращения: 18.09.2023).

41. Байден встретился в Нью-Йорке с лидерами государств Центральной Азии // Русская служба «Голоса Америки». – 20 сентябрь, 2023. – URL: <https://www.golosameriki.com/a/readout-of-president-biden-s-meeting-with-the-c5-1-leaders-at-unga/7275348.html> (дата обращения: 26.11.2023).

42. Байден перед саммитом АТЭС заявил о «реальных проблемах» Китая. – 15 ноября 2023. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/15/bayden-nazval-vlast-sitszinpina-primerom-vosstanovleniya-liderstva-ssha-v-mire/> (дата обращения: 1.12.2023).

43. Байден подчеркивает претензии США на лидерство в Тихоокеанском регионе. – URL: <https://aussiedlerbote.de/2023/11/baiden-podcherkivaet-pretenzii-ssha-na-liderstvo-v-tikhookeanskom-regione/> (дата обращения: 13.12.2023).

44. Барабанов М.С., Лавров А.В., Целуйко В.А. Танки августа / Под ред. М. С. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. – 144 с.

45. Блинкен заявил о попытках США превратить G7 в мировой руководящий комитет Запада. – 13 сентября 2023. – URL: <https://iz.ru/1573732/2023-09-13/blinken-zaiavil-o-popytkakh-ssha-prevratit-g7-v-mirovoi-rukovodiashchii-komitet-zarada> (дата обращения: 27.09.2023).

46. Блинкен объяснил заинтересованность США в мировом лидерстве. – 18 октября 2022. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/634dd3bd9a7947ec1799c614> (дата обращения: 29.08.2023).
47. Бочарова С. Раскол в тандеме. – 21.03.2011. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/03/21_a_3561053.shtml (дата обращения: 28.09.2023).
48. Бурханов А. Концепция Большая Центральная Азия: проблемы и перспективы // Экономические стратегии – Центральная Азия. №2. 2006.
49. В Госдепе США заявили о конце старого миропорядка. – 13 сентября 2023. – URL: <https://iz.ru/1573830/2023-09-13/v-gosdepe-ssha-zaiavili-o-kontse-starogo-miroporiadka> (дата обращения: 1.10.2023).
50. В Киргизии объявлена мобилизация. – 13 июня 2010. – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/06/100613_kyrgyz_curfew (дата обращения: 3.05.2023).
51. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. – К.: Вища школа, 1983.
52. Владимир Путин: «Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века». – 25.04.2005. – URL: <https://regnum.ru/news/444083> (дата обращения: 7.10.2023).
53. Власть в Киргизии полностью перешла к оппозиции – Отунбаева // РИА Новости. – 7 апреля 2010. – URL: <https://ria.ru/20100407/219216255.html> (дата обращения: 20.04.2023).
54. Вооруженный конфликт в Южной Осетии. – 2008. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённый_конфл. (дата обращения: 5.10.2023).
55. Выборы в Киргизии не полностью соответствовали международным стандартам, заявляет ОБСЕ. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюльп_ановая_революция#cite_note-7 (дата обращения: 16.03.2023).
56. Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России // Международная жизнь. – №8. – 2012. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720> (дата обращения: 6.07.2023).

57. Гландин С.В. Экстерриториальность американских санкций в действии // Международное правосудие. – 2018. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksterritorialnost-amerikanskih-sanktsiy-v-deystvii-1> (дата обращения: 15.03.2023).

58. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – М.: Политиздат, 1987.

59. Госдепартамент США наградил правозащитника, осуждённого в Киргизии за убийство. – 7 июля 2015. – URL: <https://www.1tv.ru/news/2015-07-17/15268-gosdepartament-ssha-nagradil-pravozaschitnika-osuzhdyonnogo-v-kirgizii-za-ubiystvo> (дата обращения: 14.11.2023).

60. Гусейнов В.А. Эволюция позиции Запада в чеченском кризисе. – 29.02.2000. – URL: https://www.ng.ru/specfile/2000-02-29/15_evolution.html (дата обращения: 22.08.2023).

61. Гуссалова К.А. Соотношение между контрмерами и ответственностью государств в международном праве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-mezhdu-kontrmerami-i-otvetstvennostyu-gosudarstv-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 5.08.2023).

62. Десять лет «закону Димы Яковлева» в семи графиках. – 28.12.2012. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748614> (дата обращения: 14.09.2023).

63. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. – 2015. – №52.

64. Есин В.И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-oblasti-protivoraketnoy-oborony-i-ee-vliyanie-na-strategicheskuyu-stabilnost> (дата обращения: 9.08.2023).

65. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Президент России. – 5 октября 2023 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 12.10.2023).

66. Иванков К.В. Рентоориентированное поведение в деятельности политико-экономических групп // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retoorientirovannoe-povedenie-v-deyatelnosti-politiko-ekonomicheskikh-ukrainy> (дата обращения: 23.09.2023).

67. Иванов С.Г. Развитие теории и методологии исследования отношений политики и экономики в глобальной системе международных отношений. 2-е изд., перераб.: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2016.

68. История американо-российских и российско-американских санкций. РИА Новости. – 15.04.2021. – URL: <https://ria.ru/20230713/poruchitelstva-1884030325.html> (дата обращения: 20.05.2023).

69. История БРИКС // Национальный комитет по исследованию БРИКС. URL: <http://www.nkibrics.ru> (дата обращения: 1.10.2023).

70. Как США вводили санкции в отношении России в связи с Украиной. Информационное агентство ТАСС. – 19 мая 2023. – URL: <https://tass.ru/info/17795785> (дата обращения: 25.06.2023).

71. Калинин А.В. Экономические санкции ООН и односторонние экстра-территориальные меры экономического принуждения: сравнительный анализ// Юрист-международник. – 2005. – №4.

72. Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии. – 30.05.2017. – URL: <http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-189> (дата обращения: 19.10.2023).

73. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Основные приоритеты Стратегии национальной обороны США – 2022 // Observer. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-strategii-natsionalnoy-oborony-ssha-2022> (дата обращения: 22.09.2023).

74. Кененбаева Э. «Экономические меры». Кыргызстанские компании рискуют попасть под санкции США. – 20 июля 2023. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/32511270.html> (дата обращения: 12.10.2023).

75. Керкадзе Г. Транспортные системы. Литва по пути с возрождающимся Великим Шелковым Путем. – 01.2000. – URL: http://www.jura.lt/2000_01/r.htm (дата обращения: 26.09.2023).

76. Киргизия закрывает авиабазу США в Манасе. – 3 февраля 2009. – URL: <https://web.archive.org/web/20160918122929/http://kabar.ru/?p=1522> (дата обращения: 21.04.2023).

77. Клинтон после критики Путина вновь усомнилась в легитимности выборов в Госдуму. – 8.12.2011. – URL: <https://www.forbes.ru/news/77317-klinton-posle-kritiki-putina-vnov-usomnilas-v-legitimnosti-vyborov-v-gosdumu> (дата обращения: 3.10.2023).

78. Клишас А.А. О вмешательстве США и ЕС во внутренние дела государств // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 7.06.2017. – URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/81083/> (дата обращения: 19.06.2023).

79. Косяков С. Парламент Киргизии денонсировал соглашение с США об авиабазе. – 20.06.2013. – URL: <https://www.dw.com/ru/парламент-киргизии-денонсировал-соглашение-с-сша/a-16896307> (дата обращения: 18.07.2023).

80. Коц А. Плата за террор: как спецслужбы США помогали бандподполью в Чечне. – 03.03.2020. – URL: <https://ria.ru/20170616/1496602455.html> (дата обращения: 4.09.2023).

81. Крицкий К.В. Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры». – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/149/89> (дата обращения: 08.03.2023).

82. Курдюков Г.И. Контрмеры в международном праве и условия их применения // Учен. зап. КГУ. – 1998. – Т. 133.

83. Кыргызстан принимает председательство в МПК ТРАСЕКА. – 12.06.2009. – URL: www.kabar.kg (дата обращения: 13.10.2023).

84. Лаумулин М. Современные западные исследования о Казахстане и ЦА: М.Б. Олкотт, А. Джордж, И. Сванберг и др. (обзор), 18.07.2002: ЦА в

зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. 2. Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и ЦА. – Алма-Ата: 2006.

85. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – URL: https://www.studmed.ru/lukashuk-ii-pravo-mezhdunarodnoy-otvetstvennosti_eb5d53c360c.html (дата обращения: 12.03.2023).

86. Льюис Дж. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? // Московский Центр Карнеги / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

87. Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-rossii-povорот-na-vostok-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlya-sopryazheniya-s-kitayskimi-transregionalnymi-proektami> (дата обращения: 23.09.2023).

88. Манас. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Манас_\(авиабаза\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Манас_(авиабаза)) (дата обращения: 26.04.2023).

89. Маслов О. Легко ли переживет Россия «пятилетку» низких цен на нефть (хроника текущего мирового кризиса). – 10.12.2008. – URL: <http://www.polit.nnov.ru/2008/12/10/oillowtimes/> (дата обращения 7.08.2023).

90. Махмутова Е. В. Кыргызский нейтралитет в российско-украинском конфликте. – 10 октября 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzskiy-neytralitet-v-rossiysko-ukrainskom-konflikte/> (дата обращения: 19.11.2023).

91. Межевич Н.М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик «средней страны» (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Т. 15. Вып. 4. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-mnogovektornosti-v-sisteme-vneshnepoliticheskikh-praktik-sredney-stranyere-belarusi> (дата обращения: 17.09.2023).

92. Мелоян Т. Х. Эволюция стратегического соперничества России и США в постсоветский период: антагонизм достиг своего предела? – 5 августа 2022 г. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/evolyutsi>

ya-strategicheskogo-sopernichestva-rossii-i-ssha-v-postsovetskiy-period-antagoniz
m-dostig-s/ (дата обращения: 8.09.2023).

93. Метцель М. Как менялась Концепция внешней политики России. – 31 марта 2023. URL: <https://tass.ru/info/17418381> (дата обращения: 1.10.2023).

94. Метцель М. О чем говорил Путин на заседаниях клуба «Валдай». – 5 октября 2023. – URL: <https://tass.ru/info/18915653> (дата обращения: 4.10.2023).

95. МИД перечислил требования России для завершения конфликта на Украине. – 7 августа 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/08/2023/64d0c2549a794737c7b1e432> (дата обращения: 25.11.2023).

96. МИД РФ: позиция США по сектору Газа парализовала Совбез ООН. – 13.11.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6336991> (дата обращения: 29.11.2023).

97. Многовекторная дипломатия в теории и на практике (часть 1) // САА NETWORK. – 19 апреля 2018. – URL: <https://www.саа-network.org/archives/1291> (дата обращения: 22.09.2023).

98. Моисеев Н. Ослабить влияние ШОС и ОДКБ – приоритетная задача государственного департамента США в ЦА. – 19.09.2006. – №35 (151). – URL: http://www.vpk-news.ru/article.asp?pr_sign=archive.2006.151.articles.geopolits_01 (дата обращения: 3.10.2023).

99. Муzychuk А. Путин: Израиль подвергся «беспрецедентной по своей жестокости» атаке. – 13.10.2023. – URL: <https://rtvi.com/news/putin-izrail-podvergsya-besprezidentnoj-po-svoej-zhestokosti-atake/> (дата обращения: 3.12.2023).

100. Насколько влиятельным станет БРИКС после приема в него новых шести стран. Саммит БРИКС. – 24 августа 2023 года. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e7852e9a79473832f343cc> (дата обращения: 5.09.2023).

101. НАТО и Балканский кризис // ИАП НАТО.РФ. – URL: [https://нато.рф/ru/balkan.html#:~:text=Operation%20Allied%20Force\)%20—%20военная%20ия](https://нато.рф/ru/balkan.html#:~:text=Operation%20Allied%20Force)%20—%20военная%20ия) (дата обращения: 14.09.2023).

102. Никольский А. Как Россия признавала независимость спорных территорий. – 22 февраля 2022. – URL: <https://tass.ru/info/13792395> (дата обращения: 8.09.2023).

103. Новости региональной интеграции // Евразийский банк развития. – 28 февраля 2009. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/c7d/digest_feb_09_regintegr.pdf (дата обращения: 8.04.2023).

104. Новый шелковый путь. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новый_шёлковый_путь (дата обращения: 20.10.2023).

105. Нур Омаров: Внешняя политика Кыргызстана через призму многовекторности. – URL: <https://24.kg/archive/ru/news-stall/8006-2006/10/16/8353.html/> (дата обращения: 3.08.2023).

106. Нурматов Э. Кыргызстан-США: Восемь лет сотрудничества без подписанного соглашения. – 11 апреля 2023. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/32358470.html> (дата обращения: 14.11.2023).

107. Олкотт М.Б. ЦА: катапультирование в независимость // Оборонная политика – политика обеспечения мира и безопасности. – Т. 1. – Киев: RAND-AAAS, 1992.

108. Омаров Н. Состояние и перспективы межгосударственного сотрудничества Кыргызстана и США в 90-е г. XX-го – начале XXI вв. // США-Канада: Экономика, политика, культура. – №6. – 2004.

109. Операция ОДКБ в Казахстане. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Операция_ОДКБ_в_Казахстане (дата обращения: 1.10.2023).

110. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН № A/RES/56/83 от 12.12.2001 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/237428/A_RES_56_83RU.pdf?sequence=5 (дата обращения: 13.03.2023).

111. Отношения НАТО и ООН: перспективы на будущее после десяти лет расширения сотрудничества. – 28 сентября 2018. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2018/09/28/otnosheniya-nato-i-oon-perspektivy-na->

budushchee-posle-desyati-let-rasshireniya-sotrudnichestva/index.html (дата обращения: 25.04.2023).

112. Официальный сайт ЕАЭС. – URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 15.09.2023).

113. Пентагон опубликовал Стратегию национальной обороны, где Россию назвали "острой угрозой". – 27 октября 2022 года. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16176327> (дата обращения: 6.09.2023).

114. Петля Примакова. Официальный сайт Владимира Познера. – 23.03.2021. – URL: <https://pozneronline.ru/2021/03/> (дата обращения: 28.08.2023).

115. Полицейская консультативная группа ОБСЕ: вопросы и ответы. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/c/71047.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).

116. Порошин Д.А. Проблема политизации спорта и международного олимпийского движения в свете антироссийских санкций 2022 года // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-politizatsii-sporta-i-mezhdunarodnogo-olimpiyskogo-dvizheniya-v-svete-antirossiyskih-sanktsiy-2022-goda> (дата обращения: 12.09.2023).

117. Портякова Н. Перегрузка отношений США и России не отменила разногласий. – 10.12.2009. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2009/12/30/perezagruzka-otnoshenij-ssha-i-rossii-ne-otmenila-raznoglasij> (дата обращения: 14.09.2023).

118. После вступления Финляндии в НАТО общая граница РФ с альянсом увеличилась на 1,3 тыс. км. – 03.04.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5913426> (дата обращения: 9.09.2023).

119. Приватизация: 30 лет спустя. – 01.07.2021. – URL: <https://www.pnp.ru/economics/privatizaciya-30-let-spustya.html> (дата обращения: 20.09.2023).

120. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: ИИК Российская газета, 2009. – 239 с.

121. Присоединение Кыргызской Республики к ЕАЭС. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/prisoedinenie-gosudarstv-k-eaes/kr.php (дата обращения: 19.05.2023).

122. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. Известия. – 3 октября 2011.

123. Путин назвал причину присоединения Крыма к России. – 10 марта 2015 года. – URL: <https://www.forbes.ru/news/282265-putin-nazval-prichinu-prisoedineniya-kryma-k-rossii> (дата обращения: 11.09.2023).

124. Раздел Палестины // Часть II. 1947-1977 годы // Истоки и история проблемы Палестины.

125. Рачков И. В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. – 2014. – № 3 (11).

126. Рыбинцева Е.А. Понятие односторонних ограничительных мер в современном международном праве. Гродно. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/93252/1/Rybintseva_E.A._175_177.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

127. Саммит Россия – Африка. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Саммит_Россия_—_Африка_\(2023\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Саммит_Россия_—_Африка_(2023)). (дата обращения: 10.11.2023).

128. Словарь международного права / Отв. ред. С. А. Егоров. – М.: Статут, – 2014.

129. Соблюдение принципов Устава ООН во всей их совокупности и взаимосвязи – залог международного мира и стабильности. АПСНЬПРЕСС. – 10 октября 2023. – URL: <https://apsnypress.info/ru/home/aspekt/item/7789-soblyudenie-printsipov-ustava-oon-vo-vsej-ikh-sovokupnosti-i-vzaimosvyazi-zalog-mezhdunarodnogo-mira-i-stabilnosti> (дата обращения: 24.11.2023).

130. Сравнительный анализ китайской концепции «Гармоничного мира» и западных концепций глобального управления. – URL: <https://moyuniver.net/sravnitelnyj-analiz-kitajskoj-koncepcii-garmonichnogo-mira-i-zapadnykh-koncepcij-globalnogo-upravleniya/> (дата обращения: 29.09.2023).

131. Старчак М. В. Сотрудничество России и США в сфере военного сотрудничества с Кыргызстаном и прогноз на будущее // Ежегодник Института

международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – №1 (7).

132. Стаховский В., Ярмолинский Ю. О новом формате многовекторности. – 29 июня 2021. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/o-novom-formate-mnogovektornosti#:~:text=В%20политологической%20науке%20этот%20эмпирический,силы%20и%20основными%20региональными%20игроками> (дата обращения: 13.09.2023).

133. Стратегия США в отношении Российской Федерации // Миссия США при ОБСЕ. – 22 августа, 2018. – URL: <https://osce.usmission.gov/ru/стратегия-сша-в-отношении-российской/> (дата обращения: 15.09.2023).

134. США ввели в действие мощные силы, чтобы повлиять на выборы в России. – 19 июня 2017 г. – URL: <https://inosmi.ru/20170619/239625406.html> (дата обращения: 19.08.2023).

135. США ввели санкции против четырех кыргызстанских компаний. 20 июля – 2023. – URL: [https://rus.azattyk.org/a/32512131.html#:~:text=Министерство%20финансов%20США%20в%20четверг,лидер"%20и%20"Карголайн"](https://rus.azattyk.org/a/32512131.html#:~:text=Министерство%20финансов%20США%20в%20четверг,лидер) (дата обращения: 2.09.2023).

136. Сысоев И. 35 лет назад был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. – URL: <https://rg.ru/2022/12/07/35-let-nazad-byl-podpisan-dogovor-o-likvidacii-raket-srednej-i-menshej-dalnosti.html> (дата обращения: 13.10.2023).

137. Тавровский Ю.В. Новый Шелковый путь. – М.: Эксмо, 2017.– 368 с.

138. Таиров Р. Зеленский подписал указ с констатацией невозможности переговоров с Путиным. – 30 октября 2022. – URL: <https://www.forbes.ru/society/478823-zelenskij-podpisal-ukaz-s-konstataciej-nevozmoznosti-peregovorov-s-putinum> (дата обращения: 17.11.2023).

139. Телефонный разговор с Президентом Киргизии Садыром Жапаровым. – 26 февраля 2022 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/ws/67869> (дата обращения: 15.11.2023).

140. Теория гегемонистской стабильности. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_гегемонистскойстабильности (дата обращения: 14.05.2023).

141. Теперь ясно кто враг. США приняли стратегию национальной обороны. – 28 марта 2018 года. – URL: <https://newizv.ru/news/2018-03-28/teper-yasno-kto-vrag-ssha-prinyali-strategiyu-natsionalnoy-oborony-263441> (дата обращения: 18.09.2023).

142. Токоев А. США ввели санкции против Кыргызстана за поставки санкционных товаров в Россию. Би-би-си. – Бишкек. – 19 июля 2023. – URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/c9ekp78znnyo> (дата обращения: 18.11.2023).

143. ТРАСЕКА. – Бишкек. ИА «24.kg». – 17.11.2003. – URL: http://www.transsystem.kz/rus/mdl_arch_year.asp?idx=20&i=171&lang=rus (дата обращения: 2.09.2023).

144. Улахович В. Место и роль концептуальных документов в современной внешней политике государств // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 4. – URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2006-4/2006-4-ulahovich> (дата обращения: 7.04.2023).

145. Улунян А. Большая ЦА: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? – 04.04.2008. – URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?55> (дата обращения: 5.08.2023).

146. Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. М.: Международные отношения, 1983.

147. Ушаков Н.А. Проблемы теории международного права. – М.: Наука, 1988.

148. Феликс Шаршенбаевич Кулов. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кулов,_Феликс_Шаршенбаевич#:~:text=22%20января%202001%20года%20приговором,на%20посту%20министра%20национальной%20безопасности. (дата обращения: 2.04.2023).

149. Фельдман П.Я. Геополитический клиентелизм в международных отношениях: стратегия и тактика Запада // Международные отношения. – 2014. – №2. – С. 189-193.

150. Ханабад. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Карши-Ханабад>
151. Храмчихин А. Что случилось с антитеррористической коалицией. – 11.09.2006. – URL: <http://www.globalrus.ru/opinions/783080/> (дата обращения: 11.09.2023).
152. Хроника дипломатической катастрофы К. Бакиева. – 3 февраля 2016. – URL: kg.akipress.org/news:630293?f=cp (дата обращения: 1.04.2023).
153. Что такое многовекторность? В Беларуси впервые появится Концепция внешней политики. – 06.01.2022. – URL: <https://minsknews.by/chto-takoe-mnogovektornost-v-belarusi-vpervye-poyavitsya-konczepczija-vneshnej-politiki/> (дата обращения: 10.09.2023).
154. Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 2.11.2023).
155. Шумилов М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kirgizii-v-realizatsii-strategicheskikh-interesov-ssha-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 21.05.2023).
156. Экс-разведчик ВС США предупредил Францию о печальных последствиях антиколониальных переворотов в Африке. – 3 сентября 2023. – URL: <https://topwar.ru/225252-jeks-razvedchik-vs-ssha-predupredil-franciju-o-pechalnyh-posledstvijah-antikolonialnyh-voennyh-perevorotov-v-afrike.html> (дата обращения: 26.09.2023).
157. ЮАР официально присоединилась к БРИК. – 19.02.2011. – URL: <https://lenta.ru/news/2011/02/18/bricks/> (дата обращения: 6.09.2023).
158. Юнеман Р.А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по Резолюциям ГА ООН // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2023. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptsii-mnogovektornosti-vo-vneshney-politike-respubliki-kazahstan-na-primere-golosovaniya-po-rezolyutsiyam-ga-oon> (дата обращения: 18.11.2023).

159. Юсупова Д. Куда движется КР во внешней политике и какие цели преследует? // Политика. – 23 марта 2023. – URL: https://kaktus.media/doc/477661_kyda_dvijetsia_kr_vo_vneshney_politike_i_kakie_celi_presledyets_spyler:_v_o_vse_storony.html (дата обращения: 20.09.2023).

Диссертация и авторефераты

160. Акматалиева А.М. Стратегический анализ внешней политики государств Центральной Азии в контексте метемарфозы мирового порядка: Дисс. ... докт. политич. наук. – Бишкек, 2023. – URL: <https://vak.kg/wp-content/uploads/2023/03/Akmatalieva-A.M.-dissertaciya.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

161. Верещагин А.А. Геополитическая конкуренция глобальных акторов в Кыргызской Республике: Дисс. ... канд. политич. наук. – Бишкек, 2012. 212 с.

162. Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: Дисс. ... докт. политич. наук. – Москва, 2022. – URL: http://dipacademy.ru/documents/5916/Диссертация_Гарбузарова_1_aYz7bxb.pdf (дата обращения: 17.09.2023).

163. Гумеров Р.А. Геополитические интересы США, Китая и России в Центральной Азии: Дисс. ... канд. полит. наук. – Москва, 2009. – URL: <https://www.dissercat.com/content/geopoliticheskie-intersy-ssha-kitaya-i-rossii-v-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 17.09.2023).

164. Иванов С.Г. Влияние глобальных акторов на экономическую политику постсоветских стран (на примере Кыргызской Республики): Дисс. ... докт. политич. наук. – Бишкек, 2010. – 400 с.

165. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: Дисс. ... канд. юридич. наук. – Казань, 2021. – URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1018492864/Dissertaciya_Krickij__2_.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

166. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: Автореф. дис. канд. юридич. наук. – Казань,

2021. – URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F_2091583494/Avtoreferat_Krickij__2_.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

167. Негматова Т.М. Санкции как внешнеполитический инструмент в деятельности международных организаций и государств: историко-теоретический аспект: Дисс. ... канд. историч. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2018. – 183 с. – URL: <http://www.dslib.net/mezhdunarodnye-otnosheniya/sankcii-kak-vneshnepoliticheskij-instrument-v-deyatelnosti-mezhdunarodnyh.html> (дата обращения: 07.03.2023).

168. Омар Н.М. Внешняя политика Кыргызской Республики в контексте проблем глобальной безопасности: Дисс. ... докт. политич. наук. – Екатеринбург, 2006. – URL: <https://www.dissercat.com/content/vneshnyaya-politika-kyrgyzskoi-respubliki-v-kontekste-problem-globalnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 7.04.2023).

Литература на иностранном языке

169. Abashidze A. Report at Panel discussion on unilateral coercive measures and human rights. Geneva, 17 September 2015.

170. Alexander Cooley. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford: Oxford University Press, 2012. – URL: [https://www-amazon-com.translate.google/Great-Games-Local-Rules-Contest/dp/019933143X?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc](https://www.amazon.com.translate.google/Great-Games-Local-Rules-Contest/dp/019933143X?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc) (дата обращения: 15.09.2023).

171. Blank S. Reconstructing Inner Asia. Conflict Studies Research Centre. August 2002. London.

172. Brosche H. The Arab Oil Embargo and United States Pressure against Chile: Economic and Political Coercion and the Charter of the United Nations// Case Western Reserve Journal of International Law. 1974. Volume 7, Issue 1.

173. Buys C.G. United States Economic Sanctions: The Fairness of Targeting Persons From Third Countries // Boston University International Law Journal. 1999. Vol. 17. No. 2.

174. Canfield R. Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configurations // Asian Survey, 1992. V. 32, No. 10.

175. Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (ICJ Judgment of 25 September 1997).

176. Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law (Documents of the International Conference organized by the Istituto Affari Internazionali (Rome)).

177. Cuban Liberty and Democracy Solidarity (Libertad) Act of 1996. Pub. 110 Stat. 785 (12 March 1996). 22 U.S.C. § 6021.

178. Davis J., Sweeney M. Central Asia in U.S. Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? The Institute for Foreign Policy Analysis Washington, 2004.

179. Die Wirtschaftsverbände haben versagt (2014) // Handelsblatt. 24.09.

180. Elena Gnedina, 'Multi-Vector' Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? Europe-Asia Studies, Vol. 67, No. 7 (September 2015). – URL: <https://www.jstor.org/stable/24537104> (дата обращения: 4.09.2023).

181. Emmenegger S. Extraterritorial Economic Sanctions and Their Foundation in International Law // Arizona Journal of International & Comparative Law. Vol. 33. 2016. No. 3.

182. Frank G. Hoffman. America Needs a Comprehensive Compellence Strategy Against Russia // Foreign Policy Research Institute. 28/04/2022. – URL: https://www-fpri-org.translate.google.com/translate/article/2022/04/america-needs-a-comprehensive-compellence-strategy-against-russia/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 28.09.2023).

183. Gnedina E. (2015) "Multi-Vector" Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // Europe-Asia Studies. Vol. 67. Issue 7. – URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.6313> (дата обращения: 18.09.2023).

184. Hanks R.R. «Multi-Vector Politics» and Kazakhstan's Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. Vol. 11. Issue 3. 2009. – URL: <https://doi.org/10.1080/19448950903152110> (дата обращения: 16.09.2023).

185. Hufbauer G., Schott J. *Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy*. Washington: Institute for International Economics, 1985.

186. Kuik C. *The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China* // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. Vol. 30. Issue 2. 2008. – URL: <https://www.jstor.org/stable/412203> (дата обращения: 11.11.2023).

187. La Rae-Perez C. *Economic Sanctions as a Use of Force: Reevaluating the Legality of Sanctions from an EffectsBased Perspective*// *Boston University International Law Journal*. 2002. Vol. 20.

188. Malloy M. *Economic Sanctions and U.S. Trade*. Boston: Little, Brown and Company, 1990.

189. Minasyan S. (2012) *Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States* // *Demokratizatsiya*. Vol. 20. No. 3. – URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/20_3_T13869202353.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

190. Nicola P. Contessi, *Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power, Problems of Post-Communism*, 62:5, 2015. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/107586.2015.102> (дата обращения: 8.07.2023).

191. Nomerovchenko A., Kim J., Kang W. (2018) *Foreign Policy Orientation of Independent Central Asian States: Looking Through the Prism of Ideas and Identities* // *The Korean Journal of International Studies*. Vol. 16. No. 3. – URL: <https://doi.org/10.14731/kjis.2018.12.16.3.389> (дата обращения: 12.09.2023).

192. *Pakistan's \$2 bn LNG pipeline project hits a snag*: Express Tribune Newspaper от 17.01.2016 г. – URL: <http://tribune.com.pk/story/1027143/bottleneck-pakistans-2-billion-lng-pipeline-project-hits-a-snag> (дата обращения: 02.04.2023).

193. Paszewski T. *US Missile Defense Plans: Central and Eastern Europe*. // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2013. Vol. 44. №3. 35-60 pp.

194. *Post-Truth, Post-West, Post-Order?*. Munich Security Conference (2017). – URL: <https://issat.dcaf.ch/.../Munich-Security-Report-2017-Post-Tr> (дата обращения: 12.10.2023).

195. Putin: Plädoyer für Wirtschaftsgemeinschaft. Von Lissabon bis Wladivostok. 25. November 2010. – URL: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/putin-plaedoyer-fuer-wirtschaftsgemeinschaft-von-lissabon-bis-wladivostok-1.1027908> (дата обращения: 20.09.2023).

196. Randall K.C. Universal Jurisdiction Under International Law // *Texas Law Review*. Vol. 66. 1988. No. 4.

197. Randall Schweller, Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In.” *International Security* 19, no. 1: 72–107, 1994. – URL: https://muse-jhu-edu.translate.goog/article/447318/summary?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 10.06.2023).

198. Sabine Fischer. Peace Talks Between Russia and Ukraine: Mission Impossible. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 16.02.2023.

199. Shadurski V.G. (2010) Realizatsiya printsipa mnogovektornosti v belorusskoi vneshnei politike [Realization of the Multi-Vector Principle in Belarusian Foreign Policy]. *BGU, Trudy fakulteta mezhdunarodnyh otnoshenij 2010: nauchnyj sbornik*, vol. 1. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/14569/5210> (дата обращения: 17.02.2023).

200. Starr S. F. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors Silk Road Paper. *Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University*. Washington, D.C. March 2005.

201. Summary record of the 1544-th meeting // *Yearbook of the International Law Commission*, 1979. Vol. 1.

202. Szasz P. The Law of Economic Sanctions. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/236321157.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).

203. Taras Kuzio. Is Ukraine Part of Europe’s Future?, *The Washington Quarterly*, Volume 29, Number 3, 2006. – URL: https://www.tandfonline-com.translate.goog/doi/abs/10.1080/09668136.2015.1066313?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 5.09.2023).

204. The Emperor's clothes. URL: <http://www.mindfully.org/Reform/Emperors-New-Clothes.htm> (дата обращения: 25.09.2023).

205. Ukraine-Russia Ceasefire Negotiations: Chapter I. Parley Policy Initiative. 4.05.2022.

206. Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // The Wall Street Journal, September 6, 2012.

Кыргыз тилиндеги адабият

207. Американын саясаты дүйнөнү кыйратуу... Россия менен Украина согушу геосаясий-экономикалык алаканы өзгөрттү... NAZARNEWS. 03-январь, 2023-жыл. – URL: <https://nazarnews.org/posts/amerikanyin-sayasaty-djnn-kyijratuu-rossiya-menen-ukraina-sogushu-geosayasij-ekonomikalyik-alakanyi-zgrtt> (жетилген күнү: 9.08.2023).

208. Асанов Б. Кыргызстан геосаясий тунгуюктабы? 6-Август, 2021. – URL: <https://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan-geosyasiy-tunguyuktaby/31395821.html> (жетилген күнү: 3.05.2023).

209. Бейшеналиев А.Б. Ааламдашуу шарттарындагы АКШ мамлекетинин геостратегиялык өзгөчөлүктөрү // Известия вузов. – №. 4. – Бишкек, 2015. 95-100 - б. URL: <http://science-journal.kg/media/Papers/ivk/2015/7/ivk-2015-N7-95-100.pdf.pdf> (жетилген күнү: 12.03.2023).

210. Бейшеналиев А.Б. Борбордук Азия өлкөлөрүнүн жана Кыргызстандын тышкы саясатында АКШнын орду. Реферат диссертациялар Тарых илимдеринин доктору. Бишкек, 2019-жыл. – URL: <http://www.arabaev.kg/dt.kg/uploads/Автореферат%20Бейшеналиев%20кырг.29.02.%202019.pdf> (жетилген күнү: 10.04.2023).

211. Венера Сагындык кызы. 2024: Дүйнөдө шайлоо жана популисттер жылы. 2-январь, 2024-жыл. – URL: <https://www.azattyk.org/a/duynoedoeshayloo-zhana-populistter-zhyly-2024/32750543.html> (жетилген күнү: 14.07.2023).

212. Доромбекова А.О. Кыргыз Республикасынын тышкы саясатындагы демингелер // Кыргыз Республикасынын Тышкы иштер министрлигинин

Дипломатиялык академиясынын жарчысы. – 2017. – URL: <https://dipacademy.kg/wp-content/uploads/2023/04/8.pdf> (жетилген күнү: 17.05.2023).

213. Конгайтиева Г. Кыргызстан жана Борбордук Азиянын геосаясий процесстери ааламдашуу шартында. Саясий илимдердин кандидатынын диссертациясы. – Бишкек, 2018. – URL: <https://www.calameo.com/read/0061242702472a926706b> (жетилген күнү: 7.04.2023).

214. Көлөкөлөрдү ачуу: 2023-жылы АКШнын чет өлкөлөрдөгү аскердик базаларынын реалдуулугун ачуу // World BEYOND War. – URL: <https://worldbeyonddwar.org/ky/unveiling-the-shadows-uncovering-the-realities-of-u-s-overseas-military-bases-in-2023/> (жетилген күнү: 26.11.2023).

215. Оторбаев К. Геосаясат: Борбор Азия дөшү менен барскандын ортосунда. – 14-июнь, 2023-жыл. – URL: <https://www.azattyk.org/a/geosayasad-borbor-aziya-doeshue-menen-barskandyn-ortosunda/32457602.html> (жетилген күнү: 18.10.2023).

216. Патрик Бонд, Федерико Фуэнтес. БРИКС: Антиимпериалисттик же субимпериалдык союздаштарбы? – 4-декабрь, 2023-жыл. – URL: <https://znetwork.org/ky/znetarticle/brics-anti-imperialist-or-sub-imperial-allies/> (жетилген күнү: 11.12.2023).

217. Чекиров К. Борбор Азия: Москва менен Батыштын ортосундагы оюндар. Би-Би-Си, Бишкек. – 29-ноябрь, 2023-жыл. – URL: <https://www.bbc.com/kyrgyz/articles/cpr3enyl0lno> (жетилген күнү: 4.12.2023).